В. В. БЛЮХЕР

ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ ОТЦА

...Бесстрашный боец
с врагами Советской Республики,
популярный герой,
В. К. Блюхер был идеалом для многих.
Не скрою, я всегда мечтал быть похожим
на этого замечательного большевика,
чудесного товарища
и талантливого
командующего.

Г. К. ЖУКОВ,
Маршал Советского Союза,
четырежды Герой Советского Союза

В. В. БЛЮХЕР

ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ ОТЦА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1984

ББК 63.3(2) 712.8
Б71

Имя прославленного полководца Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера неразрывно связано с блистательными победами молодой Красной Армии на Урале, в Сибири, Северной Таврии, Крыму и на Дальнем Востоке.

Сын маршала Василий Васильевич Блюхер, прошедший по военным дорогам отца, изучивший многие архивные документы о нем, встречавшийся с его однополчанами, рассказывает о незабываемых боях и походах, слава о которых, как поется в песне, «не померкнет никогда».

Книга адресуется широкому кругу читателей.

Литературная запись Д. Г. Алексеева.

Рецензент С. Д. Гусаревич, кандидат исторических наук.

Блюхер В. В.

Б71 По военным дорогам отца.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984.— 176 с., ил. 32 с.

50 к. 50 000 экз.

Сын Маршала Советского Союза В. К. Блюхера рассказывает о легендарном боевом пути своего отца.

Б $\frac{0505030102\text{-}034}{М158(03)\text{-}84}$ 6-84 ББК63.3(2)712.8

От издательства

Автор предлагаемой книги В. В. Блюхер — сын Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера. В основу повествования положены воспоминания В. К. Блюхера и близких его сподвижников, архивные документы, а также личные впечатления автора от поездок по местам боевых действий красногвардейских и партизанских отрядов, войсковых соединений и объединений РККА, которыми в 1917—1938 годах командовал его отец — выдающийся военно-политический деятель Советского государства, талантливый полководец и организатор Красной Армии, пламенный патриот и интернационалист.

В борьбу за защиту завоеваний Великого Октября и установление Советской власти Василий Константинович Блюхер вступил в нашем рабочем крае. Был председателем Челябинского военно-революционного комитета и возглавлял Челябинский городской Совет рабочих и солдатских депутатов. За руководство беспримерным рейдом уральских красных партизан по вражеским тылам летом — осенью 1918 года первым в Республике Советов удостоен ордена Красного Знамени. Он один из основателей знаменитой «Уральской жемчужины» — 30-й стрелковой дивизии, которая и поныне остается в боевом строю Вооруженных Сил Союза ССР.

В. К. Блюхер, будучи помощником командующего 3-й армии Восточного фронта, немало сделал для окончательного освобождения Урала от белогвардейцев и интервентов. Уральцы составляли костяк и его 51-й стрелковой дивизии, покрывшей немеркнущей славой свои знамена в боях за Тюмень и Тобольск, при обороне легендарной Каховки и штурме Перекопа.

Многие из наших земляков под командованием В. К. Блюхера участвовали в боях за Волочаевку, на КВЖД, в районе озера Хасан, служили в Особой Краснознаменной дальневосточной армии, которой командовал

прославленный пролетарский полководец с 1929 по 1938 год.

Тесно связана с Уралом и жизнь сына маршала — Василия Васильевича Блюхера. В 1948 году он начал трудовой путь в Ревде, на Среднеуральском медеплавильном заводе. Спустя одиннадцать лет окончил с отличием высшие инженерные курсы при Свердловском горном институте и в том же 1959 году был принят в ряды КПСС.

До 1965 года В. В. Блюхер работал в Среднеуральском совете народного хозяйства. Затем его перевели в Москву, в Министерство цветной металлургии СССР, но в 1971 году он вернулся в Свердловск и стал генеральным директором производственного объединения Уралэлектротяжмаш.

В настоящее время Василий Васильевич — ректор самого молодого вуза Урала — Свердловского инженерно-педагогического института, профессор. Он награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов.

Книга не только рассказывает о жизненном пути и боевых подвигах легендарного полководца. В ней в увлекательной форме показаны путешествия участников экспедиции по местам боевой славы, наследников тех бойцов первого призыва, которые в буревые годы боролись за власть Советов и укрепление оборонной мощи страны. В то же время книга знакомит с грандиозными свершениями на просторах Отчизны, осуществленными нашим народом в результате великих революционных побед.

С ДЕТСТВА ДАЛЕКОГО...

В то лето я почти не виделся с отцом, ни разу не спускался с ним к Уссури. В прошлые каникулы все шло иначе. Как бы ни был он занят по службе, а нет-нет и приказывал:

— Детвора, собирайся! — И проходил в кабинет, чтобы через минуту-другую появиться уже не в военной форме, а в «вольной» рубахе с вышивкой на вороте.

Прихватив полотенца, мы сбегали по крутой лестнице к реке. Вдоволь накупавшись, возвращались на песок к отцу. Отдыхая, он никогда не ложился на спину. На ней было множество шрамов от ран, полученных еще в 1915 году под Тернополем, на германской войне.

— Долго колдовали над ними лекари,— рассказывал отец.— Сколько осколков выудили — и со счета сбился. Дважды с операционного стола санитары в мертвецкую уносили... Но выкарабкался. Со службы, правда, списали. Мечтал студентом стать. Да не получилось. Революция призвала быть ее защитником...

Когда я пошел в школу, многим одноклассникам не давала покоя моя фамилия. Немцем порой называли. Жаловался на ребят, а отец лишь усмехался: «Пустое. Русские мы из русских. Заруби это себе на носу».

Как-то из глухой деревеньки Барщинка, что затерялась где-то под Рыбинском, к нам в гости приехал дедушка — Константин Павлович. Дед Костя и поведал о том, как наш род в Блюхеров превратился. Виной тому, оказывается, был мой прапрадед. Служил-воевал он давным-давно, во времена Суворова и Кутузова. Домой возвратился георгиевским кавалером. Таких героев на деревне еще не видывали. И прозвали его сельчане за боевую удаль на войне с французами Блюхером [1].

---

[1] Блюхер Г. Л.— прусский генерал-фельдмаршал, в 1815 г. главнокомандующий прусско-саксонской армией, успешно действовавший при Ватерлоо. За свою энергию и решительность был прозван «Маршал Вперед» (БСЭ, т. 3, с. 435).

— А после,— заключил дед Костя,— и всех нас, его детей и внуков, стали Блюхерами кликать. Как ранее звались, о том даже писаря забыли. Вот она какая, история, Васек...

Георгиевские крест и медаль на первой своей войне заслужил и отец. Когда же он вступил в бои за Советскую власть, то и награды ему пошли особые, награды первого в мире государства рабочих и крестьян.

Боевые ордена отца... К лету 1938 года у него было уже два ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени и орден Красной Звезды под № 1. В числе первых полководцев страны он удостоился и звания Маршал Советского Союза.

Оренбург и Тобольск, Каховка и Перекоп, Волочаевка и КВЖД — эти слова были в нашей семье священными. Мы, дети, видели за ними не тихие, мирные места, а бои, с которыми прошел отец чуть ли не всю Россию вдоль и поперек.

И больше всего ценил он орден Красного Знамени № 1.

— Его заслужил весь Красный Урал. Мне лишь выпала честь носить этот орден,— не раз говорил отец.

В августовские дни 1938 года дальневосточные мальчишки в волочаевцев уже не играли. Их новыми кумирами стали герои Хасана, те командиры и красноармейцы, которые могучим ударом выбили японских захватчиков с советской территории и вновь водрузили красные флаги над сопками Заозерной и Безымянной.

Особая Краснознаменная дальневосточная армия к тому времени была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт. Отцу доверили командовать им.

Не добившись успеха, японское правительство запросило перемирия, и 11 августа 1938 года боевые действия на фронте прекратились.

В сентябре произошла моя последняя встреча с отцом. Было это уже в Москве. Он положил руки мне на плечи, приблизил к себе, а после протянул кожаную полевую сумку:

— Храни, Васек!

Только во снах потом я сбега́л вместе с ним к берегам Уссури. Увидеть его и маму (а ее я тоже потерял вскоре же) сумел только после окончания Великой Отечественной войны. Но увидел их, к сожалению, лишь на фотографии. Разыскала тогда меня Зоя Сергеевна Дубасова,

«Зошей» звали дома подругу мамы. Она-то и вручила мне фотографию двадцатых годов, на которой были запечатлены вместе «китайский генерал Галин» и незаменимая его переводчица. То было фото двадцатых годов. В Китае шла гражданская война. Отец тогда исполнял обязанности главного военного советника при революционном правительстве Сунь Ятсена.

Он много сделал для создания и упрочения Национально-революционной армии Китая. Большую работу среди китайских товарищей вела и моя мама — Галина Александровна Кольчугина, направленная в их страну Телеграфным агентством Советского Союза.

В 1928 году родители вернулись в СССР. Тогда-то я и появился на свет. Очень мало, всего лишь десять лет, довелось мне прожить с родителями. Редко я видел отца в его любимой косоворотке. Да и маму в гражданском платье почти не помню — все в шинели была, в гимнастерке...

Кожаная командирская сумка долго служила мне. Носил в ней учебники и тетради, когда учился в Беднодемьянской семилетней школе — она находилась близ Пензы, а в планшетке хранил письма, которые слали мне верные друзья отца и матери. Из той же планшетки в военном 1944 году достал и заявление о вступлении в ряды ВЛКСМ.

Потом учился в столичном техникуме цветной металлургии. По его окончании мне предложили работать на медеплавильном заводе в неведомой дотоле Ревде. «Где это?» — спросил. «На Урале»,— услышал в ответ. Снова вспомнился отец. Заявил: «Поеду туда, на Урал...»

Прибыл на Среднеуральский медеплавильный завод. Представился начальнику обогатительной фабрики Валентину Константиновичу Аполлонову. Изучив мои бумаги, он сказал:

— О, сын того самого Блюхера, что в наших местах воевал? А ты, выходит, сразу механиком намерен стать?

— Так назначили.

— А может, лучше с низов, как отец? Определю-ка тебя для начала бригадиром в ремонтную мастерскую...

Несколько лет я проработал в Ревде. Из бригадиров вышел в мастера, затем стал механиком обогатительной фабрики, а позже поднялся и до технического руководителя ремонтно-механического цеха СУМЗа. Те годы были самыми трудными в моей жизни, но рядом всегда нахо-

дились хорошие люди, умевшие и добрым словом ободрить, и от ошибок оградить. Они дали мне трудовую закалку, научили мастерству, высокой любви к рабочему человеку. Такое никогда не забудется.

В середине пятидесятых годов, получив назначение на должность главного механика Учалинского горно-обогатительного комбината, переехал из Ревды в Башкирию. Поселили меня, уже с семьей, в доме, вторую половину которого занимал Хафиз Галиасарович Галиасаров — заведующий конным двором рудника. Когда познакомился с ним ближе, узнал, что в годы гражданской войны он был красным партизаном и возглавлял в Сводном Уральском отряде отца конную разведку.

Сколько былей-легенд порассказал Хафиз Галиасарович о рейде по тылам врага десяти тысяч героев, об уральском «железном потоке»... А в 1956 году он же вручил мне особо дорогое письмо, пришедшее из Москвы за подписью Маршала Советского Союза И. С. Конева, уведомлявшее о том, что с родителей моих — Василия Константиновича Блюхера и Галины Александровны Кольчугиной-Блюхер — сняты все обвинения, поскольку они были ложными.

ТРОЕ ИЗ СТАРЫХ КАЗАРМ

Урал, где я провел более половины жизни, подарил мне много встреч и с другими ветеранами гражданской войны, которые отлично знали отца, начинали свой боевой путь под его командованием в красногвардейских и краснопартизанских отрядах. А в 1977 году я и сам прошел по дорогам, на которых рождалась громкая слава первых героев Республики Советов.

Близилось 60-летие Великого Октября. В честь этой знаменательной даты Свердловский обком комсомола организовал научно-агитационную экспедицию по местам боевых действий уральских красных партизан. В ее состав вошли следопыты студенческого отряда «Поиск» под руководством кандидата исторических наук М. П. Захарова. Научным руководителем экспедиции был профессор, доктор исторических наук И. Ф. Плотников, военным консультантом — подполковник Д. Г. Алексеев, совершивший еще в 1957 году путешествие по тому же маршруту вместе с членами военно-исторической экспе-

диции, предпринятой по инициативе Челябинского обкома КПСС и политического управления Уральского военного округа. Я отправился в дальний путь в качестве комиссара экспедиции.

Июльским утром у главного здания Свердловского горного института состоялся митинг. Провожающие пожелали нам обогатиться новыми историческими материалами, провести как можно больше встреч с еще здравствующими ветеранами уральского «железного потока», а студентам группы «Поиск» — порадовать жителей Челябинской области и Башкирской автономной республики хорошими концертами героико-патриотического содержания.

При выезде из Свердловска мы сделали остановку у старинного здания казарм бывшего Оровайского полка. Оно отмечено мемориальной доской. Надпись на ней гласит: «Здесь в марте 1918 г. был сформирован первый полк Красной Армии на Урале — Первый Уральский стрелковый полк. Он участвовал в походе партизанского отряда В. К. Блюхера. Сражался в составе 30-й Иркутской Краснознаменной имени ВЦИК стрелковой дивизии».

Памятная доска была открыта накануне 50-летия Советских Вооруженных Сил, в 1968 году. Чести снять с нее покрывало удостоились три бывших командира 1-го Уральского стрелкового полка 30-й дивизии: В. А. Зубов, В. И. Хлебутин и Я. М. Кривощеков.

В далеком мае 1918 года им было по двадцать два — двадцать четыре года. Василий Алексеевич Зубов — во главе батальона, Валериан Иванович Хлебутин и Яков Михайлович Кривощеков, командуя ротами 1-го Уральского полка РККА, выступили из казарм на станцию Екатеринбург, чтобы под общим руководством челябинского предревкома Василия Блюхера прорваться на выручку осажденному дутовцами советскому гарнизону города Оренбурга.

Мне дороги эти люди. Я близко знал каждого из них. В 1957 году, уезжая в поход по местам своей боевой молодости, Яков Михайлович Кривощеков звал меня поехать вместе с ними, ветеранами, но я не смог, поскольку в то лето держал экзамены за первый год обучения на высших инженерных курсах, открытых после войны при Свердловском горном институте, и считал, что успешная их сдача будет лучшим подарком отцу, который лишь две зимы проучился в церковноприходской школе, а после

до всего доходил самоучкой. Ни в университете, ни в академии учиться ему так и не довелось.

В 1959 году Свердловск отмечал сорокалетие освобождения от белогвардейцев. На площади Уральских коммунаров состоялось открытие обелиска и был зажжен Огонь вечной славы борцам революции, отдавшим свои жизни за власть Советов. После торжеств былые командиры 1-го Уральского стрелкового полка пригласили меня побывать вместе с ними в их старых казармах.

Это посещение и по сей день в памяти.

Рассказывать начал Яков Михайлович Кривощеков:

— Сюда, в казармы Оровайского запасного полка, я впервые попал в 1916 году. Какая жизнь была в них в ту пору? Да вот послушайте... Как-то помощник взводного офицера Крохин провел вечернюю поверку. После переклички мы прочли молитву, кончавшуюся словами: «Избави нас от лукавого». Ждали команды: «Разойдись!» Но не избавил нас бог от лукавого, оказалось, Крохину дневальный не доставил чайник с кипятком, и тот скомандовал: «Шалин, с мандолиной на верхние нары — бегом марш! Остальные — нале-во!» Повернулись. «Руки вверх!» Подняли. «На полное приседание — опустись!» Опустились. «Шалин, вальс!» Раздались звуки вальса. «Шагом марш!» Взвод с поднятыми руками в положении полного приседания зашагал вокруг нар. Раз прошли, другой... А вальс не утихает. И водил нас Крохин по-гусиному до тех пор, пока трое в обморок не упали...

— Вот вам и казарменная жизнь тех лет,— подытожил Я. М. Кривощеков.

— А я с этими казармами встретился в иную пору,— сказал сухощавый, подтянутый, с крупными морщинами на лице Василий Алексеевич Зубов.— В феврале 1918 года приехал в Екатеринбург. За плечами был фронт. На германской командовал ротой. Решил твердо: буду служить трудовому народу. На здании казарм увидел надпись крупными буквами: «Красная Армия города Екатеринбурга». Записался добровольцем. Поначалу была создана войсковая единица, состоявшая из трех дружин, каждая из которых делилась на три сотни. Затем сотни переименовали в роты, дружины — в батальоны. А вся войсковая единица получила наименование 1-го Уральского стрелкового полка Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В нем-то и встретил я земляка-билимбайца Якова Кривощекова, а потом подружился и с Валерианом,— Зубов кивнул

на опиравшегося на трость Хлебутина.— Он, как и я, прибыл сюда, в Оровайские, после фронта...

— Часть наша — 1-й Уральский стрелковый полк РККА,— подхватил нить разговора Валериан Иванович Хлебутин,— комплектовалась из добровольцев. Вошли в нее бывшие солдаты запасного полка, а также рабочие близлежащих заводов — Верх-Исетского, Нижнетагильского, Режевского, Билимбаевского... На командирские должности приглашали офицеров старой армии. Заключали с ними специальные договоры. Такой договор, сроком на шесть месяцев, подписал и я, но пробыл на фронтах гражданской войны, как говорится, от звонка до звонка...

— Наш полк был детищем Екатеринбургской партийной организации,— подчеркнул В. А. Зубов.— В его создании большую роль сыграли областные военные комиссары — Филипп Исаевич Голощекин и Сергей Андреевич Анучин. Слушали мы здесь видных уральских большевиков — Ивана Михайловича Малышева, Леонида Исааковича Вайнера. Бывал у нас в казармах и ваш отец, Василий Константинович Блюхер.

— Под его началом вышли мы из этих казарм в первый боевой поход,— заключил Я. М. Кривощеков.— Знали: едем под Оренбург бить дутовцев. Были уверены, что скоро вернемся. А получилось иначе...

Незадолго до этого трудовой Урал с ликованием отмечал первый советский Май. Торжества совпали с возвращением в родные города и поселки героев похода против дутовских белоказачьих банд.

Шумно было на Главном проспекте Екатеринбурга. Грянули оркестры. Парадное шествие открыли роты 1-го Уральского полка РККА. Да, эта часть была гордостью Екатеринбургского партийного комитета и городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Они пестовали и крепили ее, заботились, чтобы первенец новой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии служил образцом для всех формирующихся красноармейских частей Урала.

За 1-м Уральским стрелковым полком маршировали боевики красногвардейских дружин, громивших дутовцев на юге Урала. Весеннее солнце и степные ветры продубили, покрыли их лица ранним загаром. То в одной, то в другой шеренге мельтешили белые повязки на головах

раненых, не пожелавших покинуть в такой день боевой строй товарищей.

Горожане восторженно приветствовали своих земляков, вернувшихся с фронта победителями. «Теперь уж все,— думалось многим.— Начнем во всю ширь, на полный размах строить новую жизнь...»

Отец был тогда в Екатеринбурге, слышал праздничный гул улиц. 28 апреля, в канун Первомая, его вызвали из Троицка для доклада Уралобкому об итогах боевых операций, предпринятых против дутовцев. Мечтал, конечно, прошагать майским утром вместе с боевыми товарищами по Главному проспекту родного их города. Но... не шагнешь, не сдвинешься даже с места. Надо лежать. Таков приказ врачей. Еще по дороге открылись недолеченные раны, и прямо с поезда был доставлен в госпиталь. Находился он там до 10 мая 1918 года.

Встав на ноги, отец распрощался с докторами:

— За поправку благодарю. Удерживать не старайтесь. Долечусь уж так...

В тот же день он был на приеме у областного военного комиссара Ф. И. Голощекина. В подробности минувших боев не вдавались. Обстановка на юге Урала вновь угрожающе накалилась. Белоказаки повели очередное наступление на Советы. Им удалось захватить станцию Новосергиевскую, а затем и окружить Оренбург.

— Надо выручать товарищей,— сказал Голощекин.— Знаю, что не здоровы, но...

— С кем ехать?

Областной военный комиссар ответил: «Выделяются Челябинский отряд шахтеров народных угольных копей под командованием Елькина, Екатеринбургский эскадрон, Челябинская батарея... и только что сформированный в Екатеринбурге 1-й Уральский полк Красной Армии, состоявший из рабочих добровольцев и кадровых офицеров старой армии» [1].

Эти слова взяты мною из сокращенной стенограммы выступления отца 22 ноября 1935 года на встрече с писателями, работавшими над историей 30-й стрелковой дивизии. Впервые стенограмма была опубликована в сборнике воспоминаний «На Южном Урале» под названием «Революционные отряды рабочих, крестьян и каза-

---

[1] См.: На Южном Урале: Воспоминания участников гражданской войны. М.: Воениздат, 1958, с. 75.

ков Южного Урала в боях за Советскую Родину». В примечании редакции говорилось: «Публикуемая стенограмма выступления В. К. Блюхера хранилась у В. С. Русяева. В. К. Блюхер в 1936 году переслал ее Русяеву для некоторой правки и «расшифровки» отдельных мест (даты, цифры). В. К. Блюхер в своем выступлении несколько раз ссылался на В. С. Русяева как одного из непосредственных участников рейда Блюхера, хорошо знакомого со всеми деталями этого исторического события»[1].

Позже появились другие публикации стенограммы, но они увидели свет уже после смерти Виктора Сергеевича Русяева и, естественно, не корректировались им. На мой взгляд, не все данные в них точны и достоверны, а потому опираюсь на текст именно первой, русяевской, стенограммы.

«12 мая,— свидетельствовал отец в 1935 году,— мы погрузили в эшелоны 1-й Уральский полк, Екатеринбургский эскадрон и двинулись в Челябинск, где к нам присоединились остальные части отряда»[2].

Из Челябинска был взят курс на запад. Прямой дороги на Оренбург через Троицк — Орск тогда еще не имелось. У Кинеля свернули на юг и уже под Бузулуком попали во фронтовую полосу. На путях хозяйничали дутовцы.

Помня, что большинство в отряде составляет необстрелянная рабочая молодежь, командующий распорядился провести во всех ротах летучие митинги с выступлениями на них бывалых солдат.

За оружие пришлось взяться уже на следующий день. Поутру эшелоны остановились на разъезде за Бузулуком, перед испорченным участком пути. Бойцы выскочили из вагонов и принялись распрямлять скрученные в дугу концы рельсов. И вдруг застрочил пулемет, поднялась винтовочная пальба.

Люди попадали. Кто бьет, откуда — не видно. Заслышав перестрелку, отец кинулся к бойцам. Но кто-то другой спокойным, уверенным голосом уже подал нужную команду:

— Поднима-айсь! За мной, в атаку! Вперед!

Первым на укрывшихся в кустах казаков бежал, паля

---

[1] На Южном Урале, с. 69.
[2] На Южном Урале, с. 76.

на ходу из нагана, командир батальона 1-го Уральского полка.

— Молодец, Павлищев! — похвалил отец.

С тех пор подобные стычки вошли в систему, ввязываться в них приходилось чуть ли не через каждый десяток верст. Так вырабатывалась новая тактика — тактика эшелонной войны. С каждой встречей с врагом красные уральцы лучше и лучше постигали ее «секреты» и убыстряли темпы своего продвижения на юг...

После короткого, но жестокого боя наши заняли станцию Новосергиевская. Дружными атаками из эшелонов выбили белоказаков с разъездов близ двух других станиц и уже на одиннадцатый день своего похода на станции Сырт встретились с красногвардейцами осажденного Оренбургского гарнизона.

Вскоре в Оренбурге узнали о спровоцированном империалистами Антанты мятеже Чехословацкого корпуса, но вести об этом носили отрывочный характер, и многие всерьез их не принимали. Считали, что выступления бывших военнопленных окажутся явлениями эпизодическими, будут легко и быстро подавлены.

Отец отнесся к этим событиям иначе. 18 июня он связался по телефону с находившимся в Уфе народным комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским и заявил, что считает «нравственным долгом перед Родиной и революцией направить часть уральских войск на помощь Троицку и Челябинску, чем будет облегчено положение и самого Екатеринбурга» [1].

Нарком согласился с этим и предложил заменить уральские отряды мобилизованными рабочими Оренбурга и Бузулука. Отец не мог в такое время покинуть советские войска Оренбургской группы и направил часть сил своего отряда навстречу мятежникам. Дружной атакой белочехи были выбиты из Бузулука.

На этом успех и кончился. У наших имелось только восемьсот штыков и сабель. Противник предпринял контратаку впятеро большими силами и взял верх. Бузулук пришлось сдать. Одновременно по всей округе активизировались дутовцы. Натиск белогвардейщины с каждым днем нарастал. Стало очевидным, что и Оренбург разделит участь Бузулука.

---

[1] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 241, л. 62.

Возвратясь в Оренбург, отец потребовал немедленного созыва командующих отрядов. Утром 28 июня 1918 года все они собрались в вагоне главнокомандующего Оренбургской группой Г. В. Зиновьева. При обсуждении вариантов отхода главком высказался за то, чтобы отводить части и отряды по не занятой противником железной дороге в сторону Ташкента. Отец назвал этот путь линией наименьшего сопротивления и заявил, что надо двигаться в район Челябинска и там помогать Красной Армии в ее борьбе с белочехами.

Кто только не пытался отговорить командира уральцев от столь рискованного намерения! Даже П. А. Кобозев, чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии, с укоризной спросил:

— Куда ты пойдешь? В область, которая объята казачьим восстанием?..[1]

Точку зрения отца поддержали Николай Каширин и Михаил Калмыков. Большинство же командиров проголосовало за туркестанский вариант.

Калмыков тут же опротестовал это решение. Накануне на его имя каким-то чудом проскочила в Оренбург телеграмма из Уфы. Белочехи грозили ей уже и с востока, и с запада. Ревком приказывал командиру Уфимского отряда немедленно возвращаться.

На рассвете 29 июня Калмыков выступил с отрядом из Оренбурга. Провожая его, отец сказал:

— Не волнуйся, Михаил Васильевич, в одиночестве не оставим. И мы не покинем Урал. Вот обеспечим эвакуацию, и тоже двинемся на север.

В Оренбурге Блюхер встретился и с Николаем Кашириным — командиром Верхнеуральского красного казачьего отряда, который на совете главкомов так же страстно доказывал необходимость похода на север, к Челябинску. Они оказались тогда в абсолютном меньшинстве, но не изменили решению идти по тылам врага навстречу частям Красной Армии. Их отряды еще три дня оставались на передовых позициях за городом. Враг наседал, кидался в яростные атаки, но наши выстояли. Обеспечили полную эвакуацию на юг из Оренбурга советских учреждений и войск.

Только 1 июля 1918 года отряды Блюхера и Николая Каширина выступили из Оренбурга, держа путь на северо-

---

[1] См.: На Южном Урале, с. 82—83.

восток. Отец вел на прорыв более девятисот пехотинцев, эскадрон кавалерии и артиллерийскую батарею четырехорудийного состава. С Кашириным шло триста семнадцать казаков-конников и сто девяносто пять пластунов-пехотинцев.

Части Уральского отряда на марше составляли главные силы. Каширинцы несли службу боевого охранения. Вокруг рыскали белоказаки. В открытые схватки ввязываться не решались. Лишь попугивали издали винтовочными выстрелами да пулеметной трескотней. Отряды в походе потерь не имели. Наоборот, ряды их почти непрерывно росли.

Разведчики помимо своих основных функций отлично выполняли и обязанности агитаторов. Возвращаясь с заданий, почти всегда приводили с собой новых и новых добровольцев. Нередко большие группы вооруженных рабочих и крестьян присоединялись к отрядам. Наиболее крупными среди них были дружины приисковых рабочих под командованием Синельникова и Верзилова, а также казачья конная сотня Михайлюка.

Пополнениям радовались. С каждой встречей новых товарищей прибывало бодрости и веры в конечный успех дела. Но шли осторожно, нащупывая наиболее верные пути и по крохам выведывая сведения о том, что делается в лежащих далее селениях и городах.

За Ак-Мечетью долетела черная весть — Верхнеуральск оставлен советскими частями... Пришлось изменить направление и пойти на Белорецкий завод.

— Да, обернулось все совсем иначе, чем мы предполагали. С июля по сентябрь восемнадцатого года Уралобком не получал от нас никаких вестей,— вспоминал спустя много лет Я. М. Кривощеков. — Ну а в сам Екатеринбург нашему полку случилось войти только через год с лишним. Это было в конце июля девятнадцатого, когда мы уже вовсю били колчаковцев.

Слушал я ветеранов, следил за боевыми маршрутами 1-го Уральского полка, а самому хотелось представить себе: а какими же в ту пору были сами рассказчики?

— Какими? Взгляните-ка...

На стол легли фотографии. На первой был юноша — худенький, с припухлыми губами, тонкой шеей в широком вороте гимнастерки.

— Командир 1-го Уральского Зубов Василий Алексеевич. Собственной персоной,— пояснил Хлебутин.— Полк принял, когда двадцати пяти еще не было. И командовал он нами в боях на вятских полях и в пермских лесах.

— А где же вы, Валериан Иванович?

— Неужели не распознали? — теперь уже комментарии давал Зубов.— Видите, важный какой: мундир английский, краги, весь в ремнях... А все равно по облику — мальчишка. Он, Валериан-то, на два года меня моложе. Полк я ему в наступлении передал незадолго до освобождения Екатеринбурга. И снялся на фото он в этом же городе, теперешнем нашем Свердловске...

Третьего героя, разумеется, угадать уже было нетрудно, да и усы Яков Михайлович начал носить еще с той далекой поры. За Тоболом Хлебутина свалил тиф. Во главе 1-го Уральского встал он, Кривощеков. Далеко на восток провел полк — до самого Иркутска, а после ходил со своими бойцами в атаки на юге страны. Там бойцы 1-го Уральского полка штурмом взяли Сивашский железнодорожный мост и ворвались на степные просторы Крыма. После окончания гражданской войны довелось Якову Михайловичу писать боевую историю родного полка. И начал он ее такими словами:

«1-й Уральский стрелковый полк 30-й дивизии был одной из тех боеспособных частей Красной Армии периода гражданской войны, которые стойко защищали Советскую власть, самоотверженно дрались за нее. В его истории не было такого случая, когда бы он, не выдержав напора противника, бежал с поля боя. Этого за полком не водилось. Напротив, действуя в обороне, он сам обращал в бегство атакующего противника. Начав же наступление, не останавливался до тех пор, пока не достигал указанной старшим командованием цели» [1].

Вот так сложились боевые биографии у трех молодых краскомов, которые вышли из старых казарм далеким майским днем 1918 года.

После освобождения Екатеринбурга в июле 1919 года не преминули они вместе с ветеранами 1-го Уральского полка РККА, ставшего к тому времени 268-м стрелковым полком 30-й дивизии, побывать на своих бывших зимних квартирах, побывать там, где первыми среди

---

[1] Архив автора.

уральцев приняли красноармейскую клятву, присягнули на верность первому в мире рабоче-крестьянскому Советскому государству.

Уволившись в запас из рядов РККА в 1924 году, Яков Михайлович Кривощеков вернулся на Урал, в родной поселок Билимбаевского завода. И ныне живет там же. Последний раз я гостил в его доме, что на улице Кирова, летом 1979 года. Крепок еще был, сам и воду носил, и дрова колол. За такими делами и засняли его приехавшие вместе со мной работники Свердловского телевидения. Они тогда готовили передачу, посвященную 60-летию освобождения Урала от Колчака.

Василий Алексеевич Зубов служил в тридцатые годы в отделе боевой подготовки штаба Уральского военного округа, а после войны также обосновался в том же Билимбае, где и прожил всю оставшуюся жизнь.

А Валериану Ивановичу Хлебутину выпало пройти и через многие испытания Великой Отечественной войны. В 1943 году он получил назначение на должность начальника химической службы родной 30-й стрелковой дивизии, которая к прежним своим громким титулам — Иркутская ордена Ленина трижды Краснознаменная имени ВЦИК — добавила звание гвардейской. Такой чести ее личный состав удостоился за героизм при обороне перевалов Главного Кавказского хребта. Затем гвардейская дивизия вошла в состав группы войск, которым была поставлена задача штурмом взять город Новороссийск. Не усидел в ту горячую пору в штабе былой командир 1-го Уральского, упросил командира дивизии гвардии генерал-майора Б. Н. Аршинцева разрешить ему в наступлении вернуться в старую должность и покомандовать стрелковым полком. Просьба гвардии подполковника В. И. Хлебутина была уважена.

Как уже упоминалось, именно этим трем заслуженным командирам в канун полувекового юбилея Советских Вооруженных Сил было предоставлено право открыть мемориальную мраморную доску на здании старых казарм. После торжественного церемониала ветеранов пригласили в Н-скую часть Свердловского гарнизона. Молодые воины-уральцы горячо поздравили их с недавним получением высоких правительственных наград. В ноябре 1967 года за активное участие в Октябрьской революции, гражданской войне и в борьбе за установление Советской власти Василий Алексеевич Зубов был

награжден орденом Ленина, а Яков Михайлович Кривощеков и Валериан Иванович Хлебутин — орденами Красного Знамени.

А теперь еще об одной встрече в той же воинской части. Замер строй. В центре плаца — шеренги молодых солдат в еще не обмявшихся шинелях. Лишь вчера реактивный лайнер, выполняющий рейс Симферополь — Свердловск, доставил их на уральскую землю.

Принимать призывников из Крымской области вошло здесь в традицию. Дело в том, что эта воинская часть в годы Великой Отечественной войны, как и 1-й Уральский полк РККА в гражданскую, участвовала в освобождении Крыма. И благодарные труженики Таврии с гордостью направляют своих лучших сынов в Свердловск: пусть они достойно исполняют на Урале свой патриотический долг.

И вот они встретились: ветераны, которые защитили в первых боях с врагами Советской Родины завоевания Великого Октября, и их внуки — юноши, только начинающие свою армейскую службу.

К молодым обратился Василий Алексеевич Зубов.

Да, подвиги героев гражданской и Великой Отечественной войн неразрывно связаны с трудовой доблестью советских людей, строящих коммунизм, с нынешней службой вооруженных защитников Родины

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ПРЕДРЕВКОМА

Из всех дорог на Урале по шоссе Свердловск — Челябинск мне приходилось ездить больше всего. Прежде почти ничего нового, примечательного на этом двухсоткилометровом пути не замечал. Но вот когда вместе с молодежью направился в «старину глубокую», и зрение и память обострились, настроились на сравнения: как тут было раньше и каково теперь?

Лет двадцать назад сплошной ленты асфальта между двумя крупнейшими индустриальными центрами нашего края еще не имелось. А в 1977-м южноуральцы проложили нацеленную на Свердловск широченную бетонку. Они вели работы самым прогрессивным, конвейерным способом, с применением новейшей дорожно-строительной техники.

А сам Челябинск! И два десятилетия назад он встречал и удивлял нас, свердловчан, быстро растущими квар-

талами соцгорода металлургов. Но в ту пору они стояли от шоссе километрах в четырех-пяти. Теперь же придвинулись почти вплотную, и надо ожидать, в скором времени шоссе превратится в городскую улицу. Белыми кубами высотных зданий вырос еще один прекрасный город, самый молодой жилой район Челябинска — Северо-Западный.

За ЧМЗ шоссе влилось в широченный городской проспект, имя которому — Свердловский. Неузнаваемо преобразилась Зареченская сторона. Подлинным украшением города стал некогда узкий, мелководный Миасс. Он разлился огромным водным зеркалом. Не ухоженные ранее берега оделись в гранит, превратились в отличные набережные. Перед въездом на новый мост под огромным куполом раскинулся комплекс зданий лучшего на Урале торгового центра, на другой стороне — красивый Дворец спорта.

Лишь видавшие виды Красные казармы остались в Заречье такими, какими были и в начале века. Такими, наверное, их увидел и отец в день первого своего приезда в Челябинск. Здания казарм — сама история. Одно из них по праву отмечено памятной мемориальной доской. Слова, высеченные на ней, извещают: «Здесь 20 ноября 1917 года был расквартирован Сводный отряд самарских, сызранских и уфимских революционных рабочих и красногвардейцев. Отряд оказал содействие в установлении Советской власти в г. Челябинске».

Комиссаром отряда, направленного из Самары, был член губревкома, большевик с 1916 года В. К. Блюхер. В 1935 году на встрече с писателями отец подробно рассказывал, как произошло его назначение на эту должность.

«...Меня вызвали к председателю Самарского губернского военно-революционного комитета В. В. Куйбышеву. В. В. Куйбышев уделял много внимания организации пролетарских вооруженных сил, созданию рабочих вооруженных отрядов для борьбы с поднимавшейся контрреволюцией. Поэтому вызов меня, как члена ревкома, занимавшегося военными делами, к товарищу Куйбышеву я считал обычным вызовом. Но как только В. В. Куйбышев начал беседу, я понял, что на этот раз приглашение меня в ревком имеет особое значение.

В. В. Куйбышев внимательно и пронизывающе посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами и ска-

зал: «Товарищ Блюхер, ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска. Мы только что получили задание из Центрального Комитета от товарища Ленина и остановили свой выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответственное... Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от центра, сейчас дутовские отряды окружили Челябинск и создают угрозу движению продовольственных поездов на запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры к ликвидации челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов. Вы в качестве комиссара отряда должны обеспечить эту чрезвычайно важную операцию».

...Мог ли я тогда думать, что это поручение партии будет началом моей военной деятельности и навсегда свяжет меня с родной Красной Армией?» [1]

В Уфе к самарцам присоединилось еще 400 красногвардейцев. До Златоуста следовали почти беспрепятственно, но едва перевалили в Азию — на станциях появились казаки. Выручила отряд сметка комиссара. Он загодя распорядился вывести на вагонах надписи «Демобилизованные» и проинструктировал боевиков, как им разыгрывать эти роли. По тому же сценарию начальник эшелона Владимир Константинович Садлуцкий стал артиллерийским капитаном. Его офицерские погоны действовали на вахмистров и хорунжих убедительнее всяких словесных разъяснений.

Перехитрив и на станции Шершни казаков, «демобилизованные» получили разрешение ехать дальше, но с условием, что в Челябинск они проследуют без остановки. Однако стрелки там сработали по-иному, и эшелон остановился в одном из дальних тупиков.

Посланцев Самарского ревкома радушно встретили представители Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов. Они ознакомили командира и комиссара прибывшего отряда с обстановкой, сложившейся в осажденном городе, сообщили, что деятельность Совета нарушена, у власти опять городская дума, но это только номинально, поскольку Красной гвардии удалось сохранить

---

[1] На Южном Урале, с. 70—71.

оружие, не утрачена и поддержка большинства солдат гарнизона.

Разместив бойцов, Садлуцкий и Блюхер сразу же взялись за организацию дел по усилению обороны города. На окраинах выставили сильные сторожевые заставы, а на Троицком, наиболее угрожаемом направлении, заняла огневые позиции артиллерийская батарея.

На это и ушел весь короткий ноябрьский день. В шестом часу вечера комиссар отряда направился в Народный дом[1], на объединенное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов, центрального бюро профессиональных союзов, районного железнодорожного комитета с участием представителей Самарского ревкома, Уфимского, Златоустовского, Курганского и Троицкого Советов.

Председательствующий объявил о переходе власти в городе Челябинске и его окрестностях в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

Эсеро-меньшевистский комитет «Спасение родины и революции» и городская дума были распущены. Тогда же, 20 ноября 1917 года, решился вопрос о создании в Челябинске, по примеру самарских большевиков, военно-революционного комитета. Председателем его избрали А. П. Галактионова, заместителем — Е. Л. Васенко. Отец вошел в состав комитета от Сводного Самаро-Сызранско-Уфимского отряда. Вскоре А. П. Галактионова отозвали из Челябинска в Самару и обязанности председателя ревкома члены комитета возложили на В. К. Блюхера.

Новая наша остановка у другого старинного здания, что в центре города, на углу улиц Кирова и Карла Маркса. На его фасаде мозаичное панно с портретом полководца, а рядом мемориальная доска с текстом такого содержания:

«В этом доме в 1917—1918 гг. работал Блюхер Василий Константинович. Герой гражданской войны, советский полководец. Маршал Советского Союза. Главнокомандующий Южно-Уральской партизанской армией в 1918 г. Первым в стране награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В Челябинске был предсе-

---

[1] Ныне в этом здании размещается Челябинский театр юного зрителя.

дателем ревкома и начальником штаба вооруженных сил Челябинского района.

Вечная слава герою!»

Еще до этой поездки, в годы, когда здравствовали многие ветераны борьбы за установление и упрочение Советской власти в Челябинске, я собрал немало интереснейших сведений о том, как действовал в начальный период военно-революционный комитет города во главе с В. К. Блюхером.

Особую ценность, считаю, представляют рассказы о той горячей и трудной поре младшего брата В. К. Садлуцкого — Сергея Константиновича и члена партии с мая 1917 года Михаила Дмитриевича Голубых. С их помощью я попытаюсь воссоздать хотя бы некоторые эпизоды, раскрывающие характер работы отца на посту председателя Челябинского ревкома.

Прибытие в город красногвардейцев из Самары отвело от него угрозу вторжения казаков, а когда в Челябинск вступили и крупные рабочие отряды из Екатеринбурга и Перми, контрреволюционеры поспешно сняли осаду и откатились на юг, к Троицку. Тут легко было поддаться благодушию, беспечности, но ревком остался на высоте. Одним из первых своих приказов он объявил о создании «для предотвращения могущих быть выступлений контрреволюционного характера» штаба главноначальствующего всеми вооруженными силами города. Главноначальствующим стал В. К. Садлуцкий, Блюхер — председателем ревкома и начальником штаба вооруженных сил Челябинского района[1]. Этим было обеспечено единое и твердое руководство разноликими красногвардейскими и рабочими отрядами, собравшимися в городе из многих мест Урала и Поволжья.

Нельзя было мириться с тем, что командный состав 109-го и 163-го запасных полков, находясь под воздействием вражеской пропаганды, заискивал перед казачьими атаманами.

Предревкома решительно пошел на замену командиров полков людьми, преданными делу революции. Побывал у солдат, разузнал, кто из большевиков-армейцев пользуется у них наибольшим авторитетом. Выявив достойных, заручился поддержкой городского партийного

---

[1] Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.): Сб. документов и материалов. Челябинск, 1957, с. 214.

комитета и лишь после этого поставил перед главнокомандующим вопрос о смене командиров полков.

Садлуцкий, узнав имена кандидатов на командирские посты, запротестовал:

— Да этак вы под корень полки подрубите. Кого выдвигаете — солдата, прапорщика! Просто немыслимо...

— Они — большевики, и это главное! — ответил начштаба. — Да и на вас много надеюсь. Верю, в делах быстро подкуете каждого. Так что вызывайте сегодня же товарищей на беседу.

А теперь слово одному из непосредственных участников того события, бывшему прапорщику М. Д. Голубых. В своих воспоминаниях Михаил Дмитриевич писал:

«Я и солдат-большевик Николай Иванов получили вызов к Садлуцкому. Приходим, докладываем... Садлуцкий высок. Одет в добротный офицерский френч. Открытые, ясные глаза.

— Вызывал я, а говорить будете с комиссаром Блюхером.

— Здравствуйте. Садитесь, товарищи,— пригласил тот, выходя к нам из-за письменного стола у другой стены.

Присматриваюсь к Блюхеру. Передо мной красивый мужчина лет двадцати семи-восьми. Четкий, резкий профиль, темно-русые волосы. Приятен голос — какой-то свежий, чистый.

— Какую занимаете должность? — спросил меня.

— Командую маршевой ротой.

— Получили боевой опыт?

— Нет. На фронте не был.

Блюхер угощает папиросами. Аппетитно закуривает сам.

— А что за человек командир вашего 163-го полка?

— Бездельник. Пьянчуга. А по убеждениям — и богу свечку поставит, и черта не обидит.

— А командир 109-го? Может, он лучше?

— Что вы! Махровый монархист.

— Так. А если вас порекомендуем избрать на его место? — на лице Блюхера пытливая улыбка.

— Решительно возражаю,— громко произнес Иванов, не дав мне и рта раскрыть. — Прапорщика Голубых выберем командиром нашего 163-го полка.

— Минуточку,— остановил Блюхер, — о командире этого полка поговорим особо.

— Простите,— обретя дар речи, сказал я. — А не рановато ли в двадцать лет...

Блюхер моего вопроса словно и не расслышал, обернулся к Николаю.

— Так вот, товарищ Иванов, партийный комитет города решил рекомендовать на должность командира 163-го полка вас. Я комитету подчиняюсь, как и вы, ну а последнее слово за солдатами...

Теперь немота пришла и к моему приятелю.

...Минуло несколько дней. В обоих полках гарнизона прошли выборы. Предложения парткома получили одобрение. Николая Иванова избрали командиром 163-го полка, я стал во главе 109-го» [1].

Так же смело и быстро военно-революционный комитет произвел ломку старого учрежденческого аппарата, национализировал частные банки, промышленные предприятия и тем самым открыл дорогу Совету рабочих и солдатских депутатов для установления большевистских порядков на всех важнейших участках.

Большого напряжения сил потребовали и дела на продовольственном фронте. Незамедлительно взяв на учет все хлебные запасы, ревком приступил к их планомерной реквизиции у купцов, торговцев и кулаков. Потекла зауральская пшеница в голодающие губернии центра. Но снова напасть. В южноуральские степи хлынули спекулянты-мешочники. Они создавали сумятицу, мешали перевозить хлеб. На железной дороге то тут, то там возникали пробки, пробивать которые зачастую удавалось лишь с помощью оружия.

И все-таки каждый прожитый день крепил завоевания революции. После побед над дутовцами под Троицком и Оренбургом отпала необходимость держать в Челябинске красногвардейцев соседних городов. Их отряды начали разъезжаться по родным местам. Отозвали на Волгу и самарцев. Челябинский комитет РКП(б) оставил В. К. Блюхера в городе — с 8 марта 1918 года он был избран председателем президиума городского Совета рабочих и солдатских депутатов [2].

Боевое затишье оказалось кратковременным. На Юге зрели взрывы новых контрреволюционных выступлений. Во второй половине марта советские отряды повели наступление на Верхнеуральск, где после бегства из Оренбурга обосновались Дутов и его приспешники.

---

[1] Журн. Урал, 1977, № 2, с. 158—159.

[2] См.: Борьба за Советскую власть на Южном Урале, с. 291.

Потеряв и вторую свою «столицу», мятежный атаман рванулся к Троицку. Окружив город, дутовцы вновь, как и осенью, стали угрожать Самаро-Златоустовской железной дороге и Челябинску.

«Чтобы ликвидировать дутовщину в этом районе,— вспоминал впоследствии отец,— центральные организации дают указание уральскому областному военному комиссару выделить несколько вооруженных отрядов с уральских заводов и направить их в район Челябинска для освобождения от белогвардейцев Троицкого и Верхнеуральского уездов и всей Оренбургской губернии. Руководство этими операциями было возложено на меня» [1].

Завершая рассказ о челябинском периоде военно-политической деятельности отца, не могу не обратиться вновь к мемуарам моего давнего старшего товарища и друга, бывшего командира 109-го запасного полка Михаила Дмитриевича Голубых.

«...Сама жизнь, высокий пост, на который его поставила революция, требовали от будущего выдающегося полководца широкого военного кругозора. Учился он систематически. Обстановка мало отпускала времени для этого, но он все-таки находил его. Зачитывался книгами по истории военного искусства. Упорно штудировал уставы старой армии. И уверен, изучая их, умел определять то, что можно позаимствовать полностью, что с изменениями, а что и отбросить напрочь» [2].

О том же свидетельствовал и младший брат В. К. Садлуцкого Сергей Константинович. В письмах из Челябинска он справедливо указывал, что приобретать знания зрелого строевого командира, овладевать основами тактической подготовки и оперативного искусства В. К. Блюхеру энергично помогал В. К. Садлуцкий, хорошо подготовленный боевой офицер старой армии. В свою очередь и Блюхер оказал благотворное влияние на военного руководителя, повседневно заботясь о развитии в нем качеств убежденного сторонника Советской власти [3].

---

[1] На Южном Урале, с. 74—75.

[2] Журн. Урал, 1977, № 2, с. 160.

[3] Впоследствии В. К. Садлуцкий показал себя отличнейшим красным командиром, храбро воевал, вступил в ряды РКП(б), честно служил делу вооруженной защиты Советской Отчизны и после гражданской войны. В последние годы жизни он возглавлял Главное артиллерийское управление РККА.

Ну а главным учителем и воспитателем для всех борцов «за землю, за волю, за лучшую долю» была сама пролетарская революция. Именно она, как говорил В. И. Ленин, «впервые дала прежним одиночкам, героям революционной борьбы настоящую почву, настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию и настоящую пролетарскую армию, где эти вожди могли проявить себя» [1].

Обо всем этом думалось в Челябинске, когда мы проезжали по обновленной площади Революции, над полированным гранитом трибун которой поднялся величественный памятник Ильичу, и после, когда свернули на бывший Уфимский тракт, который давно уже переименован в улицу Блюхера...

В СТЕПНОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТОРОНЕ

По пути из Челябинска в Троицк я познакомился со сборником «Партизанской дорогой», изданным в Свердловске Политическим управлением Уральского военного округа вскоре после завершения военно-исторической экспедиции 1957 года. Листая его, убедился, что участники той экспедиции не только первыми за послевоенное время прошли по местам боевых действий красных партизан Урала, но и выявили более трехсот активных участников малоизвестного в ту пору читателям полуторатысячекилометрового похода отрядов южноуральских партизан по белогвардейским тылам, запечатлели на фотографиях и описали здания, в которых размещались партизанские штабы, места сражений и переправ через водные преграды, составили общую схему рейда и схемы отдельных боевых операций, имевших наиболее важное значение.

Сборник открывался большой обзорной статьей начальника экспедиции кандидата исторических наук В. Г. Сержантова «Героический рейд уральских партизан». Сердцевину же книги составляли рассказы о легендарном походе его непосредственных участников — помощника командира Верхнеуральского кавалерийского полка Федора Андриановича Вандышева, командира роты 1-го

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 75.

Уральского стрелкового полка РККА Якова Михайловича Кривощекова, начальника штаба Баймакского партизанского отряда Павла Константиновича Мельникова, помощника командира троицкой батареи Григория Ивановича Пивоварова, председателя Верхнеуральского Совета рабочих и казачьих депутатов Сергея Петровича Попова, командира сотни казаков-рязанцев Дмитрия Алексеевича Тарасенкова и геройского вожака Белорецкого молодежного конного отряда Григория Дмитриевича Штырляева. Все они были военными консультантами экспедиции и, представляя в ней основные части Сводного Уральского отряда партизан, смогли с самых разных сторон осветить первый массовый воинский подвиг советских людей, совершенный в самом начале гражданской войны.

Немалый вклад в коллективный труд внесли и молодые тогда авторы сборника «Партизанской дорогой» Давид Алексеев, Владимир Баканов, Валентина Леонова и Юрий Юрин. Написанные ими очерки дополняют воспоминания ветеранов и воссоздают яркую картину того, как проходил и какими встречами был памятен их поход по путям своей боевой юности.

Из материалов книги я узнал и о том, что маршрут экспедиции 1957 года отличался от нашего. Ее участники посетили села совхоза «Уйский» Челябинской области, побывали в городах Магнитогорске и Стерлитамаке, вблизи которых не было особо крупных партизанских боев, но где в канун сорокалетия Великого Октября еще здравствовали многие из героев уральского «железного потока».

И на пути к Троицку машины экспедиции отклонились в сторону, сделав специальную остановку в родном селе Григория Ивановича Пивоварова. В царское время оно именовалось Николаевкой, но уже в начале 1918 года первый Совет Свободной волости переименовал его в село Красное.

Приветливо встретили гостей сельчане, и, конечно, в центре общего внимания оказался их земляк — член партии с 1918 года Г. И. Пивоваров. На беседу о былых походах собрались в сельском клубе. Ветераны вспоминали о тех днях, когда они создавали на селе первый революционный комитет, первые красные боевые дружины, о том, как помогали отрядам Блюхера бить дутовцев, как дрались под Троицком и в других памятных местах.

Кто-то принес старые фотографии. На них были запечатлены молодые бравые ребята в лихо заломленных па-

пахах, в шинелях, полушубках, а то и просто в обыкновенных пиджаках. Но у каждого в руках — винтовка, на боку — шашка, за поясом — гранаты.

— Это кто же такие? — спросили гости.

— А это мы... Собственнолично.

И старики по-молодому расправляли плечи, приосанивались.

— Помню,— рассказывал Григорий Иванович Пивоваров,— как казачий полковник Полковников, собрав большой отряд под Троицком, послал ультиматум: «Именем Дутова я требую убрать Советы...»

У контрреволюции в то время имелись большие силы. Однако троицкие красные дружины не остались без поддержки. На подавление дутовцев в конце марта 1918 года выступили челябинские красногвардейцы. Они двигались к Троицку эшелонами. Вблизи Красного им пришлось остановиться. Путь впереди оказался разрушенным, да и в паровозах кончился запас воды.

Узнав о трудностях красногвардейцев, сельский ревком поднял всех, кто был в силах, на ремонт пути и подвоз воды. Молодые парни вместе с бойцами выправляли пудовыми кувалдами рельсы, а старые и малые раскатывали на санях с намертво примерзшими бочками от села к разъезду и обратно.

И сорвался замысел врага. Дружными усилиями красногвардейцев и крестьян путь был восстановлен, а паровозы досыта «напились» воды. Эшелоны снова двинулись вперед. А следом за ними пешим порядком ушли на Троицк и сельские дружинники. Крепко они помогали своему будущему главкому, хорошо он отблагодарил их за труд. У дружинников было крайне мало оружия, и Блюхер распорядился выдать им полторы сотни новеньких винтовок [1].

Дальнейший путь эшелонов проходил через казачьи станицы. И почти перед каждой рельсы сняты, шпалы выворочены, телеграфные столбы повалены. Пришлось строго-настрого предупредить станочников: если диверсии не прекратятся, в ход будет пущена артиллерия. Подействовало. Не дожидаясь подхода красногвардейцев, жители казачьих станиц спешили привести в порядок все попорченное железнодорожное хозяйство.

---

[1] См.: Партизанской дорогой, с. 65—67.

На четвертые сутки командующий всеми отрядами, действующими против Дутова, прибыл в Троицк.

Челябинску было доложено: «Все прилегающие к полотну дороги станицы сдали оружие и исполнили все наши приказы. Привезли увезенные рельсы, телеграфные провода, выдали своих офицеров...

Захвачено много важных документов, в том числе и план действий, где указывалось, когда должны быть захвачены Троицк, Челябинск и железная дорога до станции Бишкиль. Такова была первая задача Дутова.

Во всех поселках и станицах были организованы сотни и партизанские отряды. Если бы наши отряды опоздали на 2—3 дня, пришлось бы вступить в позиционную войну с организованным врагом...

На Троицк было совершено организованное и сильное нападение, но все атаки отбиты артиллерийским и пулеметным огнем.

Екатеринбургский отряд имел бой на Черной речке, в 12 верстах от Троицка, где потерял убитыми и ранеными 43 человека. Казаки, по сведениям, потеряли более 400 человек» [1].

Среди троичан у Блюхера было немало хороших знакомых. Многие партийные и советские работники города, бывая в Челябинске, не раз заходили к нему в ревком. Встретившись в укоме с секретарем партийного комитета Я. В. Аппельбаумом, он услышал немало добрых слов о посланцах В. И. Ленина — бойцах 17-го Сибирского полка и их командире Якове Марковиче Суворове. Бойцы этой части после отъезда моряков мичмана Павлова на фронт под Оренбург остались в Троицке главной революционной силой и достойно проявили себя при защите города от дутовских вторжений.

Похвалив товарищей за сплоченность и стойкость, командующий спросил, какую работу вели они среди обманутой казачьей бедноты.

Попытки наладить эту трудную работу предпринимались, но чуть ли не все походы советских агитаторов в казачьи станицы оканчивались трагически. Жестокие расправы казаков с советскими работниками породили у бойцов гарнизона и их руководителей мысль о том, что с казаками можно разговаривать лишь на языке оружия.

— Нет, товарищи,— возразил Блюхер,— наша задача

[1] Борьба за Советскую власть на Южном Урале, с. 243—244.

состоит не в том, чтобы пройти военным маршем по казачьим станицам. Мы должны раскрывать глаза казацкой бедноте, должны сделать ее нашей активной сторонницей. Без участия в борьбе самих казаков с дутовщиной покончить невозможно...

Блюхер доказывал, что расслоение в среде казачества становится все более глубоким, что в очищенных от дутовцев селениях надо помогать станичной бедноте организовать свои Советы [1].

Но вернемся из года восемнадцатого в июльские дни семьдесят седьмого. До Троицка автобус домчал нас часа за два. Слева взметнулись ввысь гигантские трубы. Это — Троицкая ГРЭС. Рядом с ней целый город — современный, благоустроенный. Но то еще не сам Троицк, а Южноуральск — один из первых его работящих спутников.

До революции Троицк был восточным форпостом оренбургского казачьего войска. И сейчас удивляют многих названия окрестных населенных пунктов, былых станиц — Париж, Лейпциг, Варна... Это отсветы давних славных побед русского оружия. Но еще ярче светятся в благодарной памяти потомков незабываемые образы первых борцов за власть Советов, защищавших на этой земле завоевания первого в мире государства рабочих и крестьян.

В центре сегодняшнего Троицка взошел на гранит военный человек с двумя орденами Красного Знамени на груди. «Мичман Павлов» — начертано на постаменте. Мичман — звание морское, но почему тогда его обладатель в фуражке общевойскового краскома и не в короткой, флотской, а в длиннополой, армейской шинели?

Но все тут было правильно. Ошибок не было никаких...

И снова экскурс в историю...

Сергей Дмитриевич Павлов начал военную службу в годы первой мировой войны в 17-м Сибирском полку, находившемся под сильным влиянием большевиков. Окончив школу прапорщиков, 15 мая 1917 года в Петрограде, за четыре месяца до своего двадцатилетия, был принят в ряды РСДРП(б). Накануне Октябрьского вооруженного восстания по рекомендации члена Петроградского военно-

[1] См.: Алексеев Д. Уральская жемчужина. Свердловск, 1976, с. 14.

революционного комитета В. А. Антонова-Овсеенко моряки 2-го Балтийского флотского экипажа избрали С. Д. Павлова командиром своего отряда. Оставаясь в той же серой шинели, он повел сошедших с кораблей матросов на штурм Зимнего.

На второй день после победы Октября Павлов — на фронте под Царским Селом и Гатчиной, где его братишки, сражаясь против войск Керенского — Краснова, работали «отлично и самоотверженно, так, что нет тех слов, которыми можно выразить им благодарность» [1].

5 ноября 1917 года флотский отряд С. Д. Павлова вернулся на свою базу. На митинге в честь возвращения с победой командир заявил: «Пока мы с вами живы, пока жив Балтфлот — не умрет революция!..» [2]

За умелое руководство боевыми действиями на Гатчинском направлении Сергей Дмитриевич по просьбе самих матросов специальным приказом Наркомвоенмора был перечислен на флот с присвоением ему звания «мичман», которое и закрепилось за ним на всю жизнь.

Вслед за этим последовало правительственное задание ехать в Могилев. «Ставку захватили, арестовали Духонина,— напишет позже С. Д. Павлов в автобиографии.— Матросами моего отряда Духонин был убит» [3].

А 29 ноября 1917 года В. А. Антонов-Овсеенко сообщил Председателю Совнаркома В. И. Ленину: «Завтра идет первый эшелон в составе балтийских матросов и 17-го Сибирского стрелкового полка» [4]. Во главе нового формирования революционных борцов, посланных на борьбу против дутовцев, стоял он же, двадцатилетний мичман Павлов.

Двигаясь от Петрограда на Вятку, Пермь, Екатеринбург, посланцы Ленина в двадцатых числах декабря прибыли в Челябинск. Предревкома В. К. Блюхер помог питерцам экипироваться по-уральски. Прошло три дня, и белоказаки атамана Токарева выбиты из Троицка. Эту победу начальник Первого Северного летучего отряда 26 декабря 1917 года отметил приказом, начинавшимся со слов: «Настоящим объявляется всем гражданам города

---

[1] Рублев М. Р., Егоров О. Е. Сергей Павлов — герой Октября и гражданской войны. Чебоксары, 1963, с. 29.

[2] Там же, с. 32.

[3] Там же, с. 53.

[4] Там же, с. 61.

Троицка, что с сего числа управление городом переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов...» [1].

Памятник мичману Павлову работы челябинского скульптора Э. Головницкой, сооруженный на народные средства, был торжественно открыт в Троицке в 1967 году.

Во время пребывания в городе мы узнали, что С. Д. Павлов принес свободу Троицку и в 1919 году. Тогда он был уже командиром 1-й бригады 35-й стрелковой дивизии, входившей в состав 5-й армии Восточного фронта. Издавая приказ о назначении С. Д. Павлова на эту должность, командование выражало уверенность, что «и здесь, на славном посту комбрига, товарищ Павлов сумеет в историю Красной Армии вписать красными буквами ряд славных побед» [2].

Сергей Дмитриевич оправдал эти надежды. Вместе с красными казаками полка имени Степана Разина 1-я бригада 35-й дивизии вступила в Троицк, отбросив колчаковцев далеко за его пределы. После короткой передышки в городе, памятном ему еще по семнадцатому году, Сергей Павлов повел бригаду в наступление на Орск...

Бои гражданской войны Сергей Дмитриевич Павлов закончил на Дальнем Востоке, занимая пост командующего 2-й Амурской армией.

Мы на Троицком вокзале. Перед главным входом — мемориальная доска: «Здесь в марте 1918 года выступал Василий Константинович Блюхер...» Вспоминая события тех дней, ветераны гражданской войны М. А. Федотов, И. А. Касаткин, И. В. Осинин говорили, что и в этой своей речи отец призывал красногвардейцев и советских активистов самым энергичным образом привлекать станичную бедноту на свою сторону.

В тот же день мы побывали на квартире у Н. Ф. Крахмалевой. Братья ее — Петр и Семен — отдали жизнь за установление Советской власти на Южном Урале. Их фамилией ныне названа одна из улиц города, а дом, из которого оба ушли в бои-походы, отмечен мемориальной доской.

Надежда Федоровна по-матерински обняла меня, всплакнула:

---

[1] Рублев М. Р., Егоров О. Е. Сергей Павлов..., с. 69.
[2] Там же, с. 111.

— Похож, похож на отца, сыночек... А Василий-то Константинович бывал в нашем доме. Ночевал у нас. С товарищами приходил. И мне поручения давал. Чтобы листовки казакам раздавала...

Как знать, может, среди них была и та, которую отец писал вместе с руководителями революционных казаков Троицка Н. Д. Томиным и А. Е. Карташевым, приступившими к формированию 1-го Оренбургского социалистического казачьего полка имени Степана Разина. Начиналась эта листовка такими словами:

«Пойми же наконец, казачья беднота, кто ваши враги и кто ваши братья. Идите к нам с открытой душой, и вы всегда найдете поддержку у такой же бедноты, как и вы...»

Большую роль в те дни сыграло образование штаба войск, действующих против Дутова. Во главе штаба встал отец. Силы в его распоряжении были немалые. В Троицке кроме челябинских красногвардейцев и местного воинского гарнизона находились Екатеринбургский и Пермский отряды, комиссарами в которых были испытанные уральские большевики Иван Михайлович Малышев и Николай Гурьевич Толмачев. Со стороны Верхнеуральска действовали красные казаки братьев Кашириных, а окрестности станицы Магнитной контролировали дружинники Богоявленского рабочего отряда под командованием Михаила Васильевича Калмыкова.

Завершив всю подготовительную работу, командующий вынес на утверждение штаба войск план боевых действий по уничтожению банд Дутова. Троицкая группа обеспечивала охват врага с севера и востока. С запада и юго-запада должны были наносить удары и замыкать дутовцев в кольцо отряды уфимских и богоявленских рабочих, а также красные казаки братьев Кашириных.

9 апреля началось общее наступление. Успех был достигнут на всех главных направлениях. Привлекая на свою сторону беднейшее крестьянство и казаков-фронтовиков, красные отряды стремительно продвигались вперед, отбивая у врага станицу за станицей. 17 апреля 1918 года Дутов и его штаб были выбиты из станицы Краснинской, являвшейся основной базой мятежников.

23 апреля отряд екатеринбургских дружинников под командованием Бобылева настиг Дутова в поселке Бриенский. В завязавшемся бою особое мужество проявили конники кавалерийского отряда, созданного Блюхером

сразу же по прибытии в Троицк. Но сил для полного уничтожения дутовцев не хватило. Сказалась и медлительность действий прибывшего недавно на фронт Уфимского отряда. Дутов с горсткой телохранителей бежал в степи Тургая. Продолжать преследование в условиях наступившей распутицы было бессмысленно.

Завершив разгром дутовцев в Троицком и Верхнеуральском уездах, красные отряды получили приказ закрепиться на достигнутых рубежах.

Достопримечательностью сегодняшнего Троицка стал его городской парк, у центральной арки которого недавно поднялся еще один памятник. Волевое, мужественное лицо. Сильные руки на эфесе казацкой шашки. Клинок ее почти целиком ушел в каменную твердь... Таким предстал здесь давний боевой друг Блюхера, народный герой гражданской войны Николай Дмитриевич Томин. Он первым в Троицком уезде поднял казачью бедноту на борьбу за власть Советов. В июньские дни 1918 года Н. Д. Томин, стоявший до того во главе кавалерийской сотни, сплотил вокруг себя все преданные делу революции силы гарнизона и спас их от неминуемого разгрома превосходящим по численности и вооружению противником.

Тогда и родился Троицкий советский отряд под командованием Н. Д. Томина, который считался одним из лучших в краснопартизанском рейде.

Минул год. В канун освобождения Екатеринбурга от колчаковцев командование 3-й армии Восточного фронта создало оперативную конную группу в две тысячи сабель. Командиром ее был назначен комбриг 30-й стрелковой дивизии, красный казак Николай Томин. Кавалеристам ставилась задача прервать железнодорожное сообщение между Екатеринбургом и Нижним Тагилом.

14 июля 1919 года томинцы совершили прорыв линии фронта. За трое суток они прошли около 150 километров, освободили Верхнетагильский, Невьянский, Висимо-Шайтанский и другие уральские заводы. Северная группа войск генерала Пепеляева оказалась отрезанной от остальных частей колчаковской Сибирской армии.

Конники Томина немедля ринулись в тылы группировки белых, отступавшей из горнозаводских районов Урала. 19 июля они разгромили колчаковцев у станции Егоршино. В последующие дни были освобождены Ирбит, Камыш-

лов, Долматово... Управление Сибирской армией было дезорганизовано, ее разбитые части откатывались к Тоболу. Томинцы преследовали их по пятам. Они первыми из красных войск вступили на улицы Шадринска и Кургана.

В 1920 году Н. Д. Томин участвовал в походе на Варшаву, сражался и на Дальнем Востоке, под Волочаевкой, в 1924 году громил басмачей в горах Таджикистана, где и пал смертью храбрых.

Запомнился мне Троицк и митингом на электромеханическом заводе. Рабочие прямо от станков вышли в заводской двор, а мы поднялись на площадку наружной лестницы одного из цехов. Так, наверное, было здесь и в боевом восемнадцатом, когда отец и Николай Томин говорили троичанам о необходимости отстаивать завоевания Октября, становиться под Красные знамена защитников Советской власти.

На митинге выступили профессор И. Ф. Плотников, подполковник Д. Г. Алексеев. Они — историки, и речи их, естественно, были обращены в прошлое. Ну а я говорил больше о делах сегодняшних. При создании производственного объединения Уралэлектротяжмаш рассматривался вопрос о включении в его состав Троицкого электромеханического завода. Как генеральный директор этого объединения, я неоднократно приезжал на завод. Теперь был рад узнать, что Троицкий электромеханический, двадцать пять изделий которого заслужили государственный Знак качества, идет в пятерке лучших заводов Челябинской области, что его трудовой коллектив свято верен революционным традициям рабочего класса страны, делу пролетарского интернационализма.

Интернационализм... Значение этого слова для рабочих завода не отвлеченно, а глубоко конкретно, близко, дорого. Каждый раз, идя на трудовую смену, они видят на фасаде главного корпуса белую мраморную плиту, на которой золотом горят слова:

«Здесь в июне 1918 года героически сражался и погиб в борьбе за власть Советов взвод мадьяр (венгров) из интернационального батальона».

У ЗЕМЛЯКОВ КАШИРИНЫХ

При подъезде к Верхнеуральску мы остановились у Извоз-горы. Склоны ее по всей окружности сплошь усажены ярко-зелеными молодыми сосенками. Лишь на стороне, обращенной к Верхнеуральску, оставлена огромная поляна. Но и она не пустынна. В центре ее — те же юные сосенки. Сажали их по-особому, любовно, так, чтобы при подъезде, еще издалека, были видны пять стометровых букв, составляющих дорогое для нас слово «Ленин».

В 1957 году, незадолго до приезда в Верхнеуральск первой военно-исторической экспедиции, на Извоз-горе в присутствии пятисот бывших уральских красных партизан и десяти тысяч тружеников Челябинской области и Башкирской автономной республики был торжественно открыт памятный обелиск. А спустя одиннадцать лет в дни, когда отмечалась пятидесятая годовщина Извозского сражения, на боевой вершине партизанской славы была возведена монументальная скульптурная композиция, представляющая собой выложенный из гранита высокий шпиль, у основания которого как бы на вечный пост встали плечом к плечу исполинские фигуры рабочего-красногвардейца и казака-партизана.

Поднявшись на Извоз-гору, мы возложили венки к подножию величественного монумента.

«Здесь,— прочли чеканную надпись,— у горы Извоз, в 1918 году объединенный отряд красных партизан под командованием Каширина наголову разбил соединения белогвардейских войск».

Далее следовали фамилии уральцев, отдавших жизнь в борьбе за власть Советов.

Минутой молчания почтили память павших героев.

Вместе с нами обнажили седые головы ветераны беспримерного партизанского рейда Иван Петрович Батарев, Иван Григорьевич Лямин и Тимофей Леонтьевич Сысуев.

— Наступали мы от Белорецкого завода,— повел рассказ бывший боец-партизан Верхнеуральского стрелкового полка И. Г. Лямин. — Сбили белых с горы Березовой, взяли хутора Вязовой и Вятский. До Верхнеуральска рукой подать. Близок, да не войдешь в него — Извоз-гора на пути. Она, заметьте, господствует тут — с нее все подступы к городу как на ладони видны. Белогвардейцы не дураки, воспользовались этим. Перекопали склоны траншеями, оборудовали десятки пулеметных гнезд. Впереди вы-

ставили колья с колючей проволокой, нарыли множество волчьих ям. И эту крепость мы штурмом взяли. Нашим полком Иван Васильевич Погорельский командовал. То был настоящий народный герой...

Верхнеуральский стрелковый полк состоял из казацкой бедноты и безлошадных крестьян. А взаимодействовал он с 1-м Уральским полком, который, как уже говорилось, был почти сплошь рабочим. Что же происходило на Извоз-горе в ночь ее решающего штурма? Взглянем глазами представителя этого полка, бывшего командира 8-й стрелковой роты Я. М. Кривощекова.

— Закатилось позднее июльское солнце,— рассказывал мне еще в Свердловске Яков Михайлович.— Время. Рванулись вперед. Хорошо пошли бойцы 1-го Уральского. Примером нам служили бойцы из роты Захара Михайлюка. Мы карабкались на крутую безлесую гору под посвист пуль. До проволочных заграждений добрались в ополовиненном составе. У вершины — заминка. Приотстал правый фланг, где в пешем строю шли казаки-верхнеуральцы. Они наткнулись на вражеский заслон. «Не стреляйте, станичники! — послышались выкрики. — Опомнитесь, братья!» Замедлили шаг наши товарищи. Подкралась, видать, жалость. «Провокации не поддаваться! Бей белую сволочь!» — крикнул командир сотни Семен Галунов и помчался вперед вместе с комвзвода Кожевниковым. По ним застрочили из пулемета. Галунов рванул из-за пояса гранату и метнул ее. Стрекотня пулемета оборвалась. Верхнеуральцы пошли врукопашную. Мы поддержали их дерзкий бросок...

В том генеральном сражении, которое развернулось в ночь на 28 июля 1918 года, совместно пролитой кровью было скреплено боевое единение рабочих и крестьян с трудовыми казаками, вставшими на защиту Советской власти.

После посещения Извозского мемориала мы побывали в одном из парков города, где установлены памятники Николаю Дмитриевичу и Ивану Дмитриевичу Кашириным.

Братья Каширины были зачинателями и первыми организаторами красноказачьего движения на Южном Урале. Оба они выросли впоследствии в крупных советских военачальников.

Говоря о своих ближайших сподвижниках по партизанской борьбе во вражеском тылу, Блюхер подчеркивал:

«Среди других командиров отрядов особенно выделялись братья Николай и Иван Каширины. И. Д. Каширин был командиром Верхне-Уральского отряда, в составе которого было большое количество казацкой молодежи... Он (Н. Д. Каширин. — *В. Б.*) уже в то время был членом партии. Это был скромный, сдержанный и умный командир» [1].

Накануне решающего сражения за Извоз-гору Н. Д. Каширина тяжело ранило, но и после этого он оставался в боевом строю, оказывая на протяжении всего партизанского рейда большую помощь новому главкому по оперативным и другим вопросам.

В январе 1919 года Н. Д. Каширин сменил отца на посту начальника 30-й стрелковой дивизии, и командуя ею, прошел дорогой побед от берегов Вятки до Екатеринбурга. Затем получил назначение на должность коменданта Оренбургского укрепленного района. Сформировав из казачьей бедноты три новые советские дивизии, он создал на линии Оренбург — Актюбинск — Илецк прочный оборонительный рубеж. Осенью 1920 года Николай Дмитриевич геройски сражался, командуя 3-м конным корпусом на Южном фронте.

Славный боевой путь и за плечами Ивана Дмитриевича Каширина. После партизанского рейда он воевал в 30-й стрелковой дивизии, а в канун могучего контрнаступления войск Восточного фронта возглавил вновь организованную красную казачью бригаду. Победное шествие ее полков по уральской земле началось 28 апреля 1919 года. Они освобождали города Бугуруслан, Белебей, взаимодействовали с 25-й Чапаевской дивизией во время Уфимской наступательной операции, а затем с триумфом вошли в родные Верхнеуральск и Троицк.

После гражданской войны отец несколько лет не встречался с братьями Кашириными. И по завершении военной миссии в Китае его жизнь протекала вдалеке от мест, где служили давние друзья-соратники. Но в 1934 году, когда был образован Военный совет страны, они как бы вновь нашли друг друга. Местом их встреч стала Москва. Командарм Особой дальневосточной и командующий Северо-Кавказским военным округом Николай Дмитриевич Каширин, приезжая на заседания совета, заходили в гости

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963, с. 50.

к Ивану Дмитриевичу, который в то время стоял во главе московской милиции.

Особое уважение отец питал к Николаю Дмитриевичу Каширину. Считал его своим военным учителем и наставником. То был отлично подготовленный командир, заслуживший на фронтах германской войны шесть боевых офицерских орденов. Покорял он всех не только широтой военного кругозора, но и большой общей культурой, личным обаянием.

Уместно заметить, что в памяти народной рейд уральских красных партизан по вражеским тылам и ныне именуется походом отрядов Блюхера и братьев Кашириных. Такое название до середины тридцатых годов получал он и во многих печатных работах. Но позже, когда исследователи, казалось бы, получили возможность заняться изучением событий гражданской войны во всей их исторической полноте, братья Каширины в работах, посвященных походу Уральской армии [1], почему-то отступили на второй план.

Этим, на мой взгляд, принижается роль первых красноказачьих командиров в организации и ведении партизанской борьбы на территории Урала. Более того, изданы труды, в которых речь идет об имевших место коренных разногласиях, возникших между Блюхером и братьями Кашириными на первом собрании командиров 16 июля 1918 года по плану действий отрядов, а также о том, что «большинство командиров высказалось за поход на Верхнеуральск» [2], то есть поддержало предложение Н. Д. Каширина. А как было в действительности?

Ответ на это можно найти в самих документах тех дней. История сохранила протокольную запись того собрания. Обсуждение общего плана действий, согласно этому документу, проходило следующим образом: «Тов. Блюхер заявляет, что его отряд стремится к центру...

Тов. Каширин Николай заявляет, что его отряд желает похода на Верхнеуральск и Троицк, основываясь на том, что, подавляя контрреволюцию здесь, мы тем самым приносим пользу общему делу. Кроме того, бороться надо там, где опаснее, чтобы больше сразить врага. Учи-

---

[1] Так именует партизанский рейд Блюхера и братьев Кашириных Большая советская энциклопедия (см. т. 27, с. 68).

[2] Душенькин В. В. От солдата до маршала. М., 1964, с. 29.

тывает он и настроение отряда, желающего идти к родным местам.

Тов. Блюхер возражает: двигаясь на Верхнеуральск, мы в нем ослабим свой отряд ушедшими по домам, а продолжая поход на Троицк, сможем растерять и весь Верхнеуральский отряд. Возможно, что с оставшимися силами дальнейшие боевые операции станут немыслимыми.

Вопрос ставится на голосование: за поход к центру — 13, против — 3. За поход к Верхнеуральску — 3, против — 13».

Впервые эта протокольная запись была опубликована в 1933 году на страницах 20—23 в книге «Тридцатая», изданной политотделом 30-й Иркутской Краснознаменной имени ВЦИК стрелковой дивизии. Дана она и в приложении к сборнику «Легендарный рейд», выпущенному в свет Госполитиздатом в 1959 году, но почему-то строки о результатах голосования там опущены.

Под походом к центру, как объяснял мне участник памятного собрания партизанских командиров М. Д. Голубых, в тот период боевых действий подразумевалось движение к Екатеринбургу, откуда тогда осуществлялось все руководство обширным уральским краем. Там размещался и штаб Северо-Урало-Сибирского фронта, под началом которого находились красноармейские части, ставшие затем основой 3-й армии Восточного фронта.

Но подчинялся ли воле большинства Н. Д. Каширин, избранный на том же собрании командиров главкомом? Ответ на это, думается, следует искать опять-таки в боевых документах, скрепленных его подписью.

«Наша задача,— писал главком в приказе от 17 июля 1918 года,— пробиться на соединение со своими частями, действующими со стороны центров, с которыми и установить связь. Ближайшей нашей задачей ставлю переход всего отряда через железнодорожную линию Челябинск — Уфа...» [1]

И в следующем приказе от 20 июля 1918 года Н. Д. Каширин подтверждал то же: «Общая наша задача — выбравшись из горной и бедной хлебом полосы, двинуться в направлении на север от Верхнеуральска к линии железной дороги. Перейти железнодорожную магистраль на участке Челябинск — Златоуст и, двигаясь дальше в се-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 17.

верном направлении, соединиться с нашим центром» [1].

Из этих приказов явствует, что основные цели наступления в течение первых дней боевых действий главком определял, сообразуясь с мнением большинства командиров,— двигаться на север, к центру, то есть к Екатеринбургу. И лишь 21 июля, когда стало очевидным, что наступление в восточном направлении развивается значительно успешнее наступления к северу от Тирляна, главком произвел перестройку боевого порядка Сводного Уральского отряда и издал приказ о непосредственной операции по овладению Верхнеуральском.

«Товарищу Блюхеру,— указывалось в приказе,— после сосредоточения отряда в дер. Казаккуловой двигаться в боевом порядке через деревню Узунгулово — Сазынбаеву — хутор Вятский на город Верхнеуральск с целью овладения этим пунктом в течение 22 июля». Командующему Верхнеуральским отрядом предписывалось «сгруппировать пехоту и артиллерию в один кулак и, связав свою пехоту с товарищем Блюхером живой связью, двинуть ее в направлении на Верхнеуральск, усиливая удар со стороны товарища Блюхера...». Отряду Томина ставилась задача двигаться на Наурузово, в течение 22 июля овладеть этим пунктом и «в дальнейшем прикрывать фланг (левый.— *И. П.*) товарища Блюхера» [2].

Таким образом, решающую роль в боях за Верхнеуральск главком отводил Уральскому отряду и его командующему — товарищу Блюхеру. Вряд ли такое предпочтение могло быть отдано человеку, который был «в корне не согласен с начатой операцией» [3].

Взятие Верхнеуральска, несомненно, облегчило бы и выполнение ближайшей задачи, которую главком в приказе от 20 июля 1918 года определял так: «...обеспечить временно себе тыл, овладев узлом грунтовых дорог, выходящих из Верхнеуральска в необходимом для нас северном направлении» [4], то есть движение на Миасс и далее, к Екатеринбургу. Но держал Николай Дмитриевич Каширин, как видно, в мыслях и другое — выбить хотя

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 20.

[2] Плотников И. Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с В. К. Блюхером. М.: Наука, 1967, с. 55.

[3] Легендарный рейд. Госполитиздат, 1959, с. 22.

[4] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 20—21.

бы на сутки-двое противника из родного города, спасти оставшихся там товарищей и семьи боевиков.

Из-за яростного сопротивления белогвардейцев овладеть Верхнеуральском 22 июля не удалось. Но и на рассвете 28-го, когда пали Извозские твердыни и враг откатился к востоку от города, встав под защиту Каменных сопок, партизаны не вступили на опустевшие улицы Верхнеуральска. Говорить здесь о якобы сбывшейся правоте Блюхера с Томиным и винить в серьезнейших ошибках братьев Кашириных, на мой взгляд, одинаково несправедливо, ибо бесцельность движения в ранее избранном северном направлении стала очевидной для всех только после 25 июля 1918 года — дня оставления Красной Армией Екатеринбурга. Это обстоятельство в первую очередь и вынудило партизанское командование после столь славных боев принять решение о спешном отводе всех отрядов обратно в Белорецк.

В Верхнеуральске ныне много сделано для увековечения памяти героев легендарного партизанского рейда. Вслед за мемориалом на Извоз-горе и памятниками братьям Кашириным не менее сильное впечатление произвело на нас посещение городского народного музея. Директором в нем многие годы был Петр Степанович Павлов — ветеран знаменитой 24-й Железной дивизии, которая освобождала Симбирск, а затем навеки утвердила Советскую власть и в степном казачьем Верхнеуральске.

Я бывал во многих подобных музеях периферийных городов страны, но, признаюсь, нигде не видел столь интересных экспонатов и реликвий поры давно отгремевшей гражданской войны. Более того, верхнеуральцы обогатили свой музей и диорамой, чего нет даже в областных музеях нашего края.

Диорама челябинского художника В. А. Неясова «Штурм Извоз-горы» заняла от стены до стены всю переднюю часть главного зала музея. Достоверными образами, запоминающимися деталями она раскрывает динамику жаркого боя, взятие приступом неприятельских укреплений на участке Верхнеуральского стрелкового полка. В центре диорамы — командир полка И. В. Погорельский.

Конечно, можно понять верхнеуральцев, они прежде всего стремились с документальной точностью воскресить подвиг своих земляков. Картина же Извозского сражения

в действительности была значительно шире, объемней. Но лиха беда начало, от диорамы можно шагнуть и дальше — к панораме, место которой по праву будет уже не в музейном зале, а на самой Извоз-горе, там, где вместе с красными казаками Верхнеуральска добыли первую свою партизанскую победу екатеринбуржцы и баймакцы, троичане и стерлитамакцы.

Не менее выразительна и вторая неясовская работа, выполненная специально для Верхнеуральского музея,— «Переправа через Сим». Эта картина переносит нас в обстановку сражения, явившегося своеобразным апогеем всего партизанского рейда. Центральное место в ней отведено второму главкому Сводного Уральского отряда В. К. Блюхеру.

Когда я подошел к полотну вместе с ветеранами, Иван Григорьевич Лямин заметил:

— Облик Василия Константиновича схвачен верно. Таким мы и помним его. А вот с конем не совсем ладно вышло. За весь рейд никто из наших партизан ни разу не видел Блюхера на белом коне.

Я подтвердил, что и позже, на Дальнем Востоке, отец больше любил коней буланой масти.

— И мы о том же говорили,— вмиг загорелся Тимофей Леонтьевич Сысуев.— Сколько ни спорили, художник стоял на своем. Твердил: не та гамма будет, белый конь лучше смотрится...

— Может, гамма и получилась,— подал реплику Иван Петрович Батарев,— а правды уже нет...

Горячо, по-молодому зашумели наши старички. Этот момент не упустил кинооператор Борис Кустов. Спор у картины полностью вошел потом в отснятый киноочерк «Дорогами памяти» [1].

Немало волнующих минут пережил я, находясь вместе с членами экспедиции на Вятском хуторе, где в конце июля 1918 года размещался штаб командующего Уральским отрядом. Ныне здесь одно из отделений передового в районе совхоза, который носит то же название, что и боевой партизанский отряд,— Уральский.

Партизан-ветеранов на былом хуторе, к сожалению, уже не было. Старейшим в отделении оказался кавалер ордена «Знак Почета» Илья Яковлевич Щербаков.

---

[1] Свердловская киностудия, «Советский Урал», 1977, № 33.

— Тогда мне и семнадцать еще не минуло,— рассказывал он.— Но хоть издали, но видел твоего батю. Здесь и под Авзяном. А в главный поход он не взял. «И лет мало, и ростом не вышел,— сказал.— Взрослей, подрастай. Навоеваться успеешь». Действительно успел. За басмачами два года гонялся. На финской побывал. Прихватил и начало Отечественной. А потом до самой пенсии тут вот хозяйствовал...

На следующее утро мы простились с земляками Кашириных. По выезде из Верхнеуральска на нас вновь надвинулась крутолобая Извоз-гора. Остановились, чтобы еще раз взглянуть на могучие фигуры рабочего и казака, стоящих на бессменном посту у высокого шпиля своей краснопартизанской славы.

Теперь пора представить того, кто увековечил в камне первый массовый военный подвиг советских людей в годы гражданской войны. Автор монумента — челябинский скульптор, член Союза художников Российской Федерации С. Я. Савочкин. Все свое творчество он посвятил героике огненных лет. Его скульптурная композиция «Поэма о революции» экспонируется в Центральном музее В. И. Ленина. Многие другие работы С. Я. Савочкина стали памятниками. Воздвигнутые в Челябинске, Копейске, Кыштыме, Миассе и других городах и селах Южного Урала, они славят бессмертное мужество героев Великой Отечественной войны, которая опалила в юности сердце художника.

Весной 1976 года мне сообщили, что С. Я. Савочкин начал работу над скульптурным портретом отца и хотел бы получить от меня советы, замечания. Еду в Челябинск. В мастерской художника сразу же обратил внимание на картон с крупно написанными фломастером словами: «Преданность и убежденность». Перехватив мой взгляд, Сергей Яковлевич пояснил:

— Нет, нет, эти слова я взял не у Василия Константиновича. Но мне кажется, что они определяют главные черты его характера: личную отвагу в бою и непримиримую ненависть к врагам трудового народа, непреклонное мужество и трогательную заботу о быте подчиненных...

— Удивились, наверное, и тому,— продолжал скульптор,— почему это я отважился на конный портрет. Пони-

маю, после гражданской войны Василий Константинович был одним из тех военачальников, которые настойчиво оснащали армию современным вооружением и техникой. Но в первых боях за Советскую власть конь для красных воинов был незаменим. Вот и захотелось мне увидеть первого краснознаменца Республики именно на коне...

В работе С. Я. Савочкину помогали фотографии отца, которых он собрал великое множество, воспоминания о нем его ближайших сподвижников. Полагаю, и я оказал скульптору посильную помощь в его работе. Рассказал ему малоизвестные эпизоды из жизни отца, характерные манеры поведения, пополнил его фототеку рядом редких снимков. Сергей Яковлевич оказался своеобразным слушателем — был весь внимание, цепким взглядом из-под седых кустистых бровей испытующе изучал мое лицо и в то же время его сильная, натруженная рука не знала покоя, машинально, привычно наносила и наносила фломастером на лист ватмана какие-то штрихи.

В конце беседы Савочкин сказал:

— А ведь у вас с Василием Константиновичем и форма головы, и верхняя часть лица похожи. Не ошибаюсь?

— Пожалуй, нет,— ответил я, удивленный столь быстрым открытием мастера.— Мне приходилось слышать такие же слова от людей, близко знавших отца и в молодости, и в зрелом возрасте...

В первоначальном плане нашего похода предполагалось, что в Челябинске мы посетим мастерскую С. Я. Савочкина. Однако накануне Сергей Яковлевич позвонил мне, извинился и сказал, что смотреть у него сейчас нечего. Прежней работы уже нет. Родился другой замысел. Новая вещь будет масштабней и более впечатляющей. Но познакомить с ней он сможет месяца через два-три, не раньше.

В Верхнеуральске при первой встрече с монументальным «Памятником партизанам» С. Я. Савочкина и при расставании с ним я сокрушался над неожиданным решением скульптора разрушить, как я считал, уже вполне готовую работу и начать все с начала. Но какой-то окажется эта новая вещь?

Ждать пришлось недолго. В конце октября того же 1977 года получил от Сергея Яковлевича приглашение

приехать в Челябинск на областную художественную выставку. Савочкин писал, что его новая работа прошла все этапы отборочного конкурса и будет экспонироваться среди других произведений, посвященных 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Я посетил челябинскую выставку, но не в день открытия, а, как говорится, под заключительные ее аккорды. Это было к лучшему, ибо тогда и у многочисленных зрителей, и у членов жюри уже сложилось вполне определенное мнение, что новая скульптурная композиция «Первый краснознаменец Республики» С. Я. Савочкину вполне удалась.

Да, это был уже не скульптурный портрет, а скульптурная композиция, в которой мастер выразительно запечатлел не вождя-одиночку, а именно проявление массового героизма первых борцов за власть Советов. В центре по-прежнему образ партизанского главкома, но в нем теперь больше не только портретного сходства, но и черт, раскрывающих суть полководца нового типа, рожденного Великим Октябрем. Справа и чуть впереди — юный трубач в буденовке и гимнастерке с красноармейскими «разговорами». Слева и несколько позади — степенный бородач с трехлинейкой на плече. Он из недавних красных партизан. И стар и млад вместе со своим главкомом идут в новый поход, на новые подвиги во имя защиты завоеваний первого государства рабочих и крестьян.

Есть памятники отцу в Каховке и Волочаевке, в Чите и Свердловске, но все они представляют лишь его скульптурные портреты. А такой вот композиции, передающей и динамику, и массовость подвига, я пока не видел нигде. Отец был простым рабочим и солдатом. Руководителем масс его сделала пролетарская революция, а в полководцы выдвинул народ, которому он верой и правдой служил до последних дней жизни.

Обо всем этом говорит новая работа Сергея Яковлевича Савочкина.

ЧЕРЕЗ ХРЕБТЫ УРАЛЬСКИЕ

Огромный завод, за плотиной — обширный пруд, горы, одинокие сосенки над речной стремниной. Где же это так сохранились до сегодняшнего дня черты старинного уральского пейзажа?

Перед нами — Белорецк, один из славных городов Южного Урала. Сердце его — старейший в стране металлургический завод. Двести с лишним лет назад первые мастеровые начали здесь варить чугун, плавить сталь, ковать железо и быстро снискали себе славу умельцев. Но труд их был тяжелым, подневольным. Через горнило суровых испытаний несли они веру в счастливое будущее. Ни пули, ни тюрьмы, ни сибирская каторга не задушили в них свободолюбия.

Вон, справа, высится поросшая лесом гора. Народ назвал ее Мраткиной. На ней в годы первой русской революции собирались рабочие. Организаторами сходок были бежавший из ссылки Василий Косоротов, Федор Алексеев, Дмитрий Штырляев и другие крепкие духом и смелые рабочие-большевики. На этой горе начинал свою службу революции с обязанностей связного Федор Сызранкин, будущий командир красных отрядов, затем видный советский ученый, лауреат Государственной премии СССР...

Слышали сосны горы Мраткиной и голос товарища Андрея. Руководитель уральских большевиков Я. М. Свердлов поддерживал тесную связь с белореченцами, приезжал к ним, выступал на нелегальных «лесных» собраниях.

Боевым центром революционного движения на Южном Урале был Белорецк и накануне Великого Октября. По заданию ЦК партии в конце 1916 года сюда прибыл закаленный большевик-ленинец Павел Варфоломеевич Точисский — один из организаторов первых марксистских кружков среди петербургских рабочих, участник баррикадных боев на Красной Пресне. Его хорошо знал В. И. Ленин, он был близким другом Я. М. Свердлова.

С присущей ему энергией Павел Варфоломеевич взялся за укрепление Белорецкой партийной организации. Особенно проявил себя Точисский в период борьбы с дутовщиной. По его инициативе в феврале 1918 года была создана первая боевая дружина белорецких рабочих, затем выросли и другие.

В течение полугода на Белорецком заводе было сформировано и отправлено на фронты гражданской войны более десяти красногвардейских отрядов. Около четырех тысяч бойцов подняла городская партийная организация на активную борьбу за власть Советов. Белореченцы сражались под Самарой и Уфой, под Златоустом и Юрю-

занью, Тирляном и Усть-Катавом, под Верхнеуральском и у станицы Магнитная.

В дни, когда белочешские мятежники и их местные прислужники стали хозяевами положения на Южном Урале, поселок Белорецкого завода остался как бы островом в бурном вражеском окружении и послужил местом средоточения и объединения уцелевших советских отрядов. Он по праву получил имя краснопартизанской столицы.

8 июля 1918 года сюда вступили отряды Ивана Каширина и Николая Томина, вынужденные сдать неприятелю Верхнеуральск. А неделю спустя разведка белоречанцев донесла: на подходе к поселку еще более полутора тысяч активных штыков и сабель. Так в партизанской столице впервые узнали об отрядах Блюхера и Николая Каширина, завершавших пятую сотню верст перехода по казачьим степям...

И ныне над Белорецком таким же тесным кольцом вздымаются горы, все так же несет свои воды красавица Белая. Но далеко не все осталось тут прежним. Горы, воды, земля — те же, а Белорецк — не тот. Это уже не деревянный почернелый поселок, а быстро растущий, обновляющийся год от года советский город. Сердцевина его промышленности, как и прежде,— металлургия, но она представлена не дедовским прокоптелым заводом, а мощным металлургическим комбинатом.

Белорецк с 1963 года связан широкой колеей стального пути со своим младшим могучим побратимом — Магнитогорском. Это одна из молодых железных дорог страны.

Мы побывали в самом большом и самом новом цехе Белорецкого ордена Трудового Красного Знамени металлургического комбината имени М. И. Калинина, оснащенном первоклассной техникой.

А центр города — почти копия Магнитогорска: Дворцы культуры, многоэтажные жилые дома, новые школы, техникумы, больницы. Особенно порадовал нас местный историко-краеведческий музей, недавно справивший новоселье в современном, специально построенном здании.

И стал теперь когда-то видный особняк бывшего управляющего заводами Белорецкого горного округа приземистым и малозаметным. Здесь летом 1918 года дважды проходили военные советы-собрания командиров краснопартизанских отрядов, сгруппированных в районе Белорецкого завода и его окрестностей.

На первом, состоявшемся 16 июля, сложилось новое большое войсковое соединение — Сводный Уральский отряд и был обсужден первый план прорыва к центру, навстречу регулярным частям РККА.

Утром 2 августа после победного, но не принесшего дальнейшей удачи похода в направлении Верхнеуральска партизанские командиры вновь съезжались к знакомому им особняку на очередной военный совет-собрание. Его участник, бывший командир батальона 17-го Уральского стрелкового полка Иван Петрович Недолин, в книге «Поход Блюхера», написанной в конце двадцатых годов, дает такую характеристику основным руководителям Сводного Уральского отряда: «Василия Константиновича Блюхера все привыкли видеть в его неизменной потертой кожанке, в солдатской фуражке, пыльных сапогах. Среднего роста, крепкий шатен. Подбородок в щетине редко освежаемой бритвой бороды. Серые внимательные глаза временами — в этом убедились все — отливали сталью. Челюсти и подбородок выдавали твердую, решительную натуру. Неразлучный маузер в деревянном чехле, бинокль, полевая сумка довершали скромный наряд...

Иван Каширин, любимец казачьей бедноты, популярный своей удалью, находчивостью. Высокий и стройный... Синие казачьи офицерские брюки, в высоких хромовых сапогах. Иван Дмитриевич носил летом в жару простую рубаху-косоворотку или гимнастерку. На ней эффектно выделялся серебряный пояс, кривая казачья шашка — тоже в серебре. Наган. Каширин отпустил рыжеватую бородку, а голову часто брил. Ему было меньше тридцати, с виду это душа-кавалерист, рубака и весельчак.

Рядом с Иваном скромно выглядел старший Каширин, Николай. Среднего роста, брюнет, темноглазый, с задумчивым строгим лицом, в обычном костюме казачьего офицера. Николай еще не оправился от ран, ходил, опираясь на костыль или на гусарскую, в металлических ножнах, шашку...

Из других командиров отрядов наиболее популярным был Николай Томин, командир Троицкой бригады, бывший казачий урядник. Высокий, плотный, с русой бородкой, в старенькой кожанке, с неизменной плеткой в руке, с револьвером у пояса, биноклем на груди. Томин был недавно ранен в руку и весь поход проделал с перевязанной рукой. Деятельный, спокойный и бесстрашный, он всегда был вблизи передовых частей фронта. Неизвестно

было, когда он отдыхал, так привыкли его видеть всегда бодрствующим» [1].

На втором Военном совете партизанских командиров Н. Д. Каширин в связи с ранением сложил с себя обязанности главнокомандующего. Новым главкомом Сводного Уральского отряда был избран В. К. Блюхер. После недолгой, но жаркой дискуссии командиры приняли предложенный им новый план прорыва из окружения.

И опять я обратился к стенограмме выступления отца на встрече с писателями и отыскал в ней такие строки: «Имея сведения, что Екатеринбург оставлен 25 июля, и предполагая, что фронт находится где-то около Екатеринбурга, мы думали соединиться с главными силами Красной Армии в районе Таныпа или Красноуфимска.

Предстоял большой и трудный переход. Единственная дорога из Белорецка вела на запад — это был тракт Белорецк — Стерлитамак, проходивший по малонаселенному горному району. Предстояло перевалить через несколько хребтов Южного Урала и через его основной хребет Ала-Тау. Бойцы, проделав с мая месяца значительные переходы и выдержав ряд боев, были хорошо спаяны между собой. За время последних боев командный состав значительно вырос и приобрел опыт командования. Действуя небольшими отрядами, наши части изжили боязнь за свои фланги, и слово «обошли» уже не вызывало паники...

Бойцы понимали, что другого выхода, как только идти вперед на соединение с Красной Армией, нанося поражения белым, у них нет» [2].

Так говорил отец в 1935 году, а 2 августа 1918 года в заключение своего первого приказа войскам Сводного Уральского отряда о движении на соединение с частями Восточного фронта он напрямую спрашивал бойцов и командиров: «Может быть, у многих... возникает сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться? — И тут же категорично отвечал: — Товарищи, такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и передушить всех поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком, справиться с нами трудно, потому что

---

[1] Недолин И. П. Поход Блюхера. Уфа: Башкнигоиздат, 1962, с. 41—42.
[2] На Южном Урале, с. 86.

мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переломлены противником» [1].

Малодушных не оказалось. Все поняли, чем был вызван отказ пробиваться из окружения со стороны Верхнеуральска, и все, как один, пошли за новым своим главкомом по избранному им направлению.

На рассвете 5 августа 1918 года из поселка Белорецкого завода выступила последняя партизанская рота. Вот она, эта дорога, по ней следует автобус нашей экспедиции: через плотину, мимо заводских корпусов и дальше на подъем, в горы.

«Босая и голодная армия медленно, непрерывно и упорно двигалась на запад, легко отбрасывая налетавшие на нее казачьи отряды,— писал Константин Паустовский в очерке «Маршал Блюхер», посвященном 20-летию РККА.— В этом движении было столько настойчивости и спокойствия, что белые вначале растерялись.

Имя Блюхера вызывало трепет. Кто он, откуда появился этот неустрашимый и талантливый полководец, чьи оборванные полки спаяны, как легендарные римские легионы? Кто он, полководец армии, которую невозможно остановить, как нельзя остановить медленно текущую глубокую полноводную реку? Не может быть, чтобы это был простой рабочий, токарь, бывший рядовой царской армии. Белые газеты печатали сенсационные известия о том, что Блюхер — немецкий генерал, нанятый за большие деньги совнаркомом. Белое командование назначило за голову Блюхера награду в двадцать тысяч рублей. Блюхер, читая объявления об этом, сдержанно улыбался — он был совершенно спокоен за свою голову» [2].

По выезде из Белорецка мы на своих маршрутах несколько раз или пересекали новую электрифицированную магистраль, или следовали параллельным с ней курсом. Первая такая встреча произошла у села Серменево, сразу же, как миновали обелиск, надпись на котором извещала, что в августе 1918 года с этого места начался новый, решающий этап рейда краснопартизанского соединения под командованием В. К. Блюхера. Позже любовались красивым вокзалом поселка Архангельского, а у

---

[1] Журн. Исторический архив, 1958, № 1, с. 82—83.
[2] Новый мир, 1938, № 2, с. 215—216.

былого аула Ирныкши — ажурно-легким железнодорожным мостом через Белую...

То была трасса Всесоюзной ударной комсомольской стройки Белорецк — Карламан. Летом 1977 года, когда мы совершали свой поход по местам партизанской славы, на ней было уже открыто рабочее движение поездов.

Именно здесь, через эти скалистые горы и труднопроходимые леса, пробивались в боевом восемнадцатом уральские красные партизаны. «Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве что только к переходам Суворова в Швейцарии,— докладывал РВС 3-й армии Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.— Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение...» [1]

Да, отцы и деды оставили нам прекрасное завещание — быть верными поставленной цели, не отступать перед трудностями, как зеницу ока хранить скрепленную кровью братскую дружбу народов. И вот через десятки лет явились в те же горы и леса потомки участников легендарного партизанского рейда. И ныне они, строители новой стальной магистрали, вызывали благодарность и восхищение.

Выехав из Белорецка старым Стерлитамакским трактом, мы не без труда добрались до Каменных утесов — последней скалистой заставе хребта Ала-Тау. Горная дорога, петлявшая из стороны в сторону, то вздымающаяся, то круто спадающая с перевала на перевал, кончилась. Впереди — дубравы и раздольные степи Прибельской долины.

Спустившись с гор, наша экспедиция побывала в Петровском, Красноусольском, Архангельском, Иглино, Красной Горке. Все эти населенные пункты на туристской карте отмечены как места ожесточенных боев партизанской армии Блюхера с белогвардейцами.

В Белорецке нам сообщили, что за два дня до нашего приезда из города выступила группа комсомольцев-мотоциклистов и что путь их тот же — по боевым партизанским местам...

Тронули своим вниманием к первым краснознаменцам Республики молодые магнитогорцы. Совершив как-то

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 15, л. 20.

большой туристский поход через всю Башкирию, они в Петровском, Красноусольском и других «жарких» точках маршрута установили собственноручно отлитые чугунные мемориальные доски с надписями:

«Здесь проходила партизанская армия В. К. Блюхера.

Слава героям!

В память о героях с благодарностью студенты и преподаватели Магнитогорского горно-металлургического института им. Г. И. Носова».

Туристская карта 1976 года выпуска, с проложенным на ней красными стрелами маршрутом по дорогам легендарного партизанского рейда, вновь и вновь уводила меня в год восемнадцатый. Ведь путешествовать в него направился, обогащенный многолетней работой над материалом, почерпнутым из воспоминаний ветеранов, из архивных документов, из публикаций историков, краеведов, и старался теперь, говоря по-военному, непосредственно на местности все продумать, оценить.

Вместе с раздумьями росла убежденность, что именно здесь, среди дубрав и степных раздолий Прибельской долины, рождался и креп в партизанском главкоме талант настоящего полководца.

Бои в обширном районе близ рек Зилим, Белая и Сим явились решающими при прорыве Сводного Уральского отряда к Самаро-Златоустовской железной дороге. К тому времени отряд пополнился двумя полнокровными красногвардейскими полками — Богоявленским под командованием Михаила Васильевича Калмыкова и Архангельским во главе с Владимиром Григорьевичем Данбергом. В подчинении отца тогда оказались уже не сотни, а тысячи бойцов и командиров, не один-два отряда, а почти полнокровная дивизия, и принимать решения он должен был, сообразуясь с обстановкой на всех участках ее боевых действий.

Наиболее сложным вопросом от самого Белорецка был выбор направления. Главный штаб располагал в то время крайне скудными сведениями о тех силах противника, которые стремились сломить и рассеять краснопартизанскую лавину. Почти в полном неведении был штаб и о местонахождении своих, тех, к кому шли навстречу для продолжения общей борьбы с врагами Советской власти.

В распоряжении штабистов имелось мизерное количество карт-десятиверсток, изданных еще в минувшем веке.

Многие населенные пункты на них вовсе не значились. Трудно было угадывать, где и как теперь пролегли проселочные дороги. Мало помогали и земские карты, которые снимали со стен изб волостных управ. Чаще всего данные о дорогах, их состоянии, о реках и переправах черпали у местного населения. Словом, более или менее отчетливо «видели» местность вокруг себя в радиусе сорока — пятидесяти верст.

В такой обстановке ориентироваться приходилось крайне трудно, и потому даже маршруты движения на каждый день похода главком намечал после того, как выслушивал соображения и предложения своих ближайших помощников.

«Блюхер обладал ценнейшим даром быть всегда до предела собранным, сохранять спокойствие духа даже в самых сложных, запутанных и тревожных ситуациях,— отмечал в своих мемуарах М. Д. Голубых.— Ему были чужды минутные настроения. Но когда где-либо назревала угроза поражения, когда все испробованные ранее меры и средства к перелому не вели и успеха не давали, тогда он без колебаний скакал под огонь, вторгался в пекло схватки, занимал место в передовой цепи бойцов» [1].

Так было под Ирникшами и Бердиной поляной, под Слуткой и Родниками. Там он был на самой линии огня. Бойцы видели впереди себя его потертую до белых лысин кожаную куртку и старую солдатскую фуражку. Под ним убивали коней, но пули не трогали главкома. Взгляд его серых, чуть прищуренных глаз не поддавался растерянности, а голос оставался по-прежнему спокойным, мужественным.

В Уфе — столице четырежды орденоносной Башкирии — наша экспедиция была проездом.

Въехали в город по новому мосту через красавицу Агидель [2]. Слева на прибрежную кручу взошел на коне бессмертный Салават Юлаев. Затем вплотную приблизился к нам монумент «Дружба», воздвигнутый в честь 400-летия присоединения Башкирии к России.

В послевоенные годы я не раз бывал в Уфе, исходил всю ее центральную часть, но никогда еще не пересекал город из конца в конец с запада на восток. А ведь именно

---

[1] Журн. Урал, 1977, № 2, с. 171.

[2] Башкирское название реки Белой.

в этом направлении неудержимо растет сейчас Уфа, и только на этом пути можно получить полное представление о том, какой это большой современный город.

Через реку Уфа наш автобус переправился на пароме севернее железнодорожного моста, перед станцией Шакша.

— А брал ли Блюхер Уфу? — поинтересовался комсорг экспедиции Валерий Герт.

— Лет десять тому назад я бы твердо сказал: нет! Сейчас же начинаю сомневаться,— отозвался профессор И. Ф. Плотников и как-то загадочно улыбнулся.— Смотрите-ка, и Шакша уже становится частью города. А здесь в восемнадцатом бывали красные казаки «обходного генерала» Федора Вандышева. Недолго, но станция была в их руках...

В Иглино наши следопыты прочли надписи на мемориальных досках, укрепленных на зданиях райисполкома и сельского среднего профессионально-технического училища:

«В августе 1918 года через ст. Иглино проходил с боями отряд красных партизан под командованием легендарного полководца В. К. Блюхера» и «На этом месте в августе 1918 г. проходили упорные бои отрядов красных партизан под командованием В. К. Блюхера с белоказаками.

От участников турпохода златоустовского отряда «Следопыт» им. М. Калмыкова».

Позже состоялась беседа руководителей экспедиции с председателем Иглинского райисполкома Шамуром Муртазиновичем Айдаровым и секретарем райкома партии Ниной Дмитриевной Проскуряковой. Они сообщили много интересного о сегодняшнем дне и перспективах развития района. А перспективы эти таковы, что в недалеком будущем поселок городского типа Иглино станет восточной окраиной республиканской столицы.

Научные экспедиции по дорогам Сводного Уральского отряда, отдаленные одна от другой двадцатью годами, конечно же, рознились между собой и по составу участников. В последнюю поездку не смогли отправиться с нами ветераны уральского «железного потока». Встречались с ними лишь на местах, да и там их было уже не густо. Потому и старались ни одного не обойти вниманием, побеседовать с каждым, записать рассказы о днях их боевой молодости.

На всем большом пути участники экспедиции 1977 года узнавали много доброго и о сыновьях и внуках бойцов первого призыва. В Красноусольском — центре Гафурийского района Башкирии — секретарь РК ВЛКСМ Руфина Сухорукова с увлечением рассказывала об ударном труде юных представителей краснопартизанских и рабочих династий Калмыковых, Калашниковых, Хлесткиных на старинном стекольном заводе. Кстати, и сама Руфина имеет почетную родословную. Ее дед — Михаил Дублистов — был храбрейшим пулеметчиком в отряде главкома «Красноусольской республики» М. В. Калмыкова.

Или Ришат Салихович Исмагилов, директор Байгильдинской средней школы. Сын бедняка, не пожалевшего отдать красным партизанам на постройку моста сруб, заготовленный для новой избы, он встретил Великую Отечественную войну в Брестской крепости и встал в ряды ее бессмертного гарнизона.

Орденом Отечественной войны отметила Родина ратный подвиг солдата, орденом «Знак Почета» — многолетний труд учителя сельской школы. Имеет Ришат Салихович и пять медалей ВДНХ СССР за успехи в учебной работе, производственном обучении и героико-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Гордостью Исмагилова является школьный краеведческий музей. Он — лучший в республике. По его экспонатам и материалам можно проследить всю историю села Байгильдино за советские годы.

А дети заслуженного учителя школы РСФСР! Среди старших сыновей Ришата Салиховича — два кандидата наук и два аспиранта, дочь и младший сын — студенты уфимских вузов. Вот какую жизнь открыла Советская власть перед внуками Исмагилова!

Из Байгильдино экспедиция прибыла в Красную Горку — центр Нуримановского района Башкирской АССР. Почти вся его территория в сентябре 1918 года была ареной тяжелейшего трехдневного сражения. И выиграть его, окончательно вырваться из тисков белогвардейских войск партизанам во многом помог мост через реку Уфа, построенный с помощью местных жителей.

В 1957 году гидом участников похода был старожил села Газиз Шарафуллин. Тогда он рассказывал:

«Радовалась беднота приходу партизанских отрядов, каждый старался оказать гостеприимство, быть чем-ни-

будь полезным. А когда узнали, что Блюхер приказал строить мост через Уфу, все способные работать вышли на берег... Три дня строился мост. Вначале трудно было с лесом, а потом нашли его. Жители сами принялись разбирать старые сараи, бани, навесы...» [1]

Через двадцать лет на отлогий песчаный берег возле северной окраины села участников очередного похода вывел ветеран Отечественной войны, учитель и страстный краевед Наиль Закуанович Сафаров. Остановившись возле памятного обелиска, он сказал нам:

— Вот здесь и строился мост. После переправы по нему партизанской армии (вместе с нею ушли и триста наших земляков) мост был сожжен... Но теперь мы имеем новый, какой в те времена никому и не снился. Он неподалеку, в Павловке. Проложен по плотине гидроэлектростанции. А за плотиной и шлюзами — море. Наше, Уфимское! На сорок километров, до самой Караидели разлилось. А красота там!.. Русской Швейцарией называла когда-то наши места Надежда Константиновна Крупская. Теперь все еще краше стало.

Ночью 4 сентября 1918 года в окрестностях Красной Горки установилась тишина. Не грохотали больше пушки, не тарахтели пулеметы. Казалось, и не было тут никакого побоища. Повернув резко на север, партизаны все дальше и дальше уходили от шумливой Уфимки. Противника не было. Главком вел свои полки по ничейной полосе уральских деревушек, затерявшихся среди глухих, необжитых лесов.

На пятые сутки авангард Сводного Уральского отряда вступил в село Аскино, где, по существу, и завершился легендарный полуторатысячеверстный партизанский рейд.

Ныне Аскино — самый северный районный центр Башкирской автономной республики. Встречали здесь экспедицию с особыми почестями. Перед въездом в село ее участники попали в окружение специально снаряженного эскорта. Впереди нашего трудяги-автобуса гарцевали на добрых конях четыре всадника в островерхих шлемах и гимнастерках с «разговорами». За ними треугольником не спеша катились мотоциклы. В люльке

---

[1] Партизанской дорогой, с. 92.

головного сидел секретарь райкома комсомола Марат Салимов. Над ним развевалось полотнище знамени районной организации ВЛКСМ.

На центральной площади, у памятника В. И. Ленину, состоялся митинг. Открыл его первый секретарь Аскинского райкома партии Николай Дмитриевич Паршутин. Прозвучали приветствия тружеников района. Пионеры декламировали стихи, воздавая должное памяти борцов за власть Советов, называя имена первых маршалов страны Блюхера и Тухачевского, чья полководческая слава гремела и здесь, на севере Башкирии...

Два дня пребывания в Аскино стали особо памятными для научного руководителя экспедиции Ивана Федоровича Плотникова, уроженца этих мест, сына добровольца Сводного Уральского отряда. В его рядах, а затем и в 30-й стрелковой дивизии Восточного фронта сражался и дед Ивана Федоровича. Конечно же, не раз вспоминал о них ученый-историк, когда кропотливо, годами собирал материалы об уральских красных партизанах, и после, когда писал книгу «Десять тысяч героев».

...Провожали аскинцы экспедицию до самого Тюйно-Озерска, до того места, где 12 сентября 1918 года произошла встреча партизанской разведгруппы Виктора Русяева с красноармейскими ротами 1-й Бирской бригады Павла Ивановича Деткина, с первыми подразделениями регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Путешествие в год восемнадцатый накануне 60-летия Великого Октября не только воскресило перед нами одну из первых страниц блистательной летописи доблестных Советских Вооруженных Сил, но и помогло лучше и глубже понять, что значил легендарный поход в дни, когда, по словам В. И. Ленина, вся судьба революции стояла на одной карте, когда все зависело от побед на фронте Казань — Урал — Самара [1].

Уральские красные партизаны, пройдя за 54 дня свыше 1500 километров по горам, лесам, болотам, провели более 20 боев, разгромили 7 вражеских полков и, дезорганизовав тыл белогвардейцев и интервентов, содействовали наступлению войск Восточного фронта [2], в результате которого были освобождены Казань, Симбирск, Самара.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 133.
[2] См.: БСЭ, т. 27, с. 68.

А теперь обратимся к шестому тому биографической хроники Владимира Ильича Ленина, что охватывает около восьми месяцев его жизни и деятельности — с конца июля 1918-го по 18 марта 1919 года (до VIII съезда партии), раскроем его на странице 136-й и прочтем там строки, которые свидетельствуют об огромном внимании Ильича к первым героям гражданской войны.

«Сентябрь, 19.

...Ленин беседует с членом Уральского областного Совета и обкома РКП(б) А. П. Спундэ о главнокомандующем южноуральскими партизанскими отрядами В. К. Блюхере, десятитысячная армия которого проделала беспримерный в истории полуторатысячекилометровый переход в тяжелейших условиях по Уральским горам, от Оренбурга до Кунгура, по глубоким тылам белогвардейцев и интервентов, прорвала вражеское кольцо и соединилась с регулярными войсками Красной Армии; просит Спундэ в тот же день прислать ему письмо с биографическими сведениями о Блюхере.

Ленин знакомится с письмом Спундэ о Блюхере, в котором сообщалось, что Блюхер участвовал в ликвидации дутовщины, вышел из вражеского кольца, значительно увеличив свои войска, во всех случаях его стратегические планы оказывались удачными. Уральский обком РКП(б) и областной Совет просили в письме, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой [1].

За успешное руководство походом по вражеским тылам Блюхер специальным постановлением ВЦИК от 28 сентября 1918 года был награжден только что учрежденным орденом Красного Знамени. В постановлении указывалось: «Первый по времени знак отличия присудить товарищу Блюхеру» [2].

С РОДНЫМИ КРАСНЫМИ ВОЙСКАМИ

За годы жизни на Урале я побывал почти во всех его городах и крупных населенных пунктах, в той или иной мере связанных с началом боевой деятельности моего отца в рядах вооруженных защитников молодого Советского государства.

---

[1] Ленин В. И. Биографическая хроника, т. 6, с. 136.

[2] Цит. по ст.: Чуйков В. И. Герои живут в веках.— Правда, 1980, 30 нояб.

Дорог мне Кунгур. Здесь, по выходе из вражеского окружения, главком Сводного Уральского отряда впервые встретился с командующим 3-й армией Восточного фронта Р. И. Берзиным.

— Таиться нечего,— приступил к прямому разговору командарм.— Положение критическое. Враг теснит наши части. Резервов у штаба армии не было никаких. Начдивы давно требуют подкреплений. Я отвечал им: «Мы бессильны вам чем-либо помочь. Много надеюсь на части Блюхера» [1]. И вот вы с нами. РВС армии принял решение о слиянии партизанских отрядов с частями 4-й Уральской дивизии. Начальником дивизии утверждаем вас.

Этот разговор состоялся в пятницу, а следующий, субботний, день 21 сентября 1918 года был объявлен в Кунгуре днем митингов и манифестаций. «Сегодняшний день,— извещала дивизионная газета «Часовой революции»,— город Кунгур посвящает Красной Армии. Праздник совпал у нас с приходом героев революции — уральских рабочих и трудовых казаков с товарищем Блюхером во главе... Все на улицу! Все на праздник в честь наших красных боевых молодцов, в честь цвета Красной Армии — блюхеровских отрядов».

Коротким был праздничный отдых. В тот же вечер новый начдив подписал свой боевой приказ.

«Товарищи красноармейцы! — обращался он к соратникам по партизанским боям и походам.— ...Вы имели законное право, прорвавшись на соединение с нашими товарищами по оружию, рассчитывать на отдых, но, к сожалению, к нашему подходу в район г. Кунгура обстановка для наших войск, действующих в этом районе, сложилась крайне неблагоприятно... Вот почему, не считаясь с усталостью, во имя спасения завоеваний революции нам приходится выступать на позиции... Какой бы боевой экзамен ни готовил нам враг, мы выдержим его с честью...»

Были в этом приказе и слова, обращенные к 1-му и 2-му Красноуфимским полкам, из которых, по существу, и состояла дотоле вся дивизия: «Уверен и в том, что боевые товарищи, вступающие в нашу семью из состава былой 4-й дивизии, несколько упавшие духом под неудачами последних дней, забудут тяжелые дни и в дружном

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 44, л. 54.

натиске сломят зарвавшегося врага и разобьют наемников буржуазии...» [1]

Особую любовь питаю и к Красноуфимску. То был первый город, который отбили на северном участке Восточного фронта у неприятеля после сдачи Екатеринбурга молодые красноармейские полки. И принесла эту славную победу 4-я Уральская дивизия, ставшая с включением в нее партизанских частей полнокровным и по-настоящему боеспособным соединением РККА.

Начало положил 1-й Красноуфимский полк Ивана Кенсориновича Грязнова. Его бойцы пробили брешь в боевых порядках белогвардейцев. В первый же день наступления вчерашние партизаны, конники 1-го Оренбургского социалистического казачьего полка имени Степана Разина под командованием Александра Ермолаевича Карташева, проникнув в тылы противника, освободили поселки Верхне- и Нижнесергинских заводов и намного облегчили продвижение стрелковых частей к Красноуфимску.

До поры до времени в резерве находилась Петроградская коммунистическая самокатная рота. Начдив ввел ее в бой в тот момент, когда потребовалось оседлать линию железной дороги. Исполнив приказ, самокатчики более суток отбивали яростные атаки врага, а затем снялись с позиций и внезапно появились на восточных окраинах города. Одновременно с ними с запада ворвались бойцы-пехотинцы.

2 октября 1918 года Красноуфимск вновь стал советским. Весть об этом облетела всю Советскую Россию, задыхавшуюся в железном кольце фронтов гражданской войны и интервенции.

...В Центральном государственном архиве Советской Армии, в библиотеке имени В. И. Ленина, на Урале и по сей день хранятся подшивки газет, напечатавших сообщение о взятии Красноуфимска. И на тех же первых полосах многих из них я встречал постановление ВЦИК о награждении отца только что учрежденным орденом Красного Знамени № 1.

И снова Кунгур. Здесь 11 ноября 1918 года, согласно приказу РВС Республики о единой нумерации частей РККА, 4-я Уральская получила название 30-й стрелковой дивизии, с этим именем она и вошла в историю как

---

[1] Журн. Исторический архив, 1958, № 1, с. 85—86.

одно из прославленных соединений Советских Вооруженных Сил.

Минуло три дня. 14 ноября дивизия заняла село Урманское и вплотную подошла к Молебскому заводу. Упорные бои за него продолжались двое суток. Противник не выдержал натиска.

«С радостью мы узнали, что соединенными усилиями 1-го Уральского и Богоявленского полков противник раздавлен и Молебский завод взят,— говорилось в приветствии РВС армии.— Орлы Урала! Вы с гордостью можете сказать, что исполнили свой долг перед революцией. Ваши мужество и стойкость послужат примером для других частей армии.

Именем революции Военный совет объявляет вам свою сердечную благодарность!» [1]

Приветствие, направленное всей дивизии, относилось прежде всего к частям 3-й бригады, командовал которой герой партизанского рейда Иван Степанович Павлищев.

Отец намеревался лично передать старым боевым товарищам поздравления свои и Реввоенсовета армии. Кони шли наметом. И вдруг начдив покачнулся, едва не выпал из седла. Обессилевший, побледневший, он в сопровождении ординарца с трудом вернулся в штаб дивизии.

Опять открылись старые раны. От госпитализации начдив отказался, упросил командарма предоставить ему краткосрочный отпуск для поездки в Барщинку, где не был столько лет...

А в 1979 году и мне довелось впервые вступить на родную землю отца. Вместе с профессором Э. Л. Дубининым я тогда находился по делам службы в Ярославле и товарищи из областного комитета партии пригласили нас непременно побывать в той самой Барщинке, где 19 ноября (по старому стилю) 1890 года родился будущий Маршал Советского Союза.

Стоял промозглый октябрь. Дороги развезло. Проехать из Рыбинска в глубинку района смогли лишь на вездеходе... Добрая половина Барщинки продолжает носить нашу фамилию. Много Блюхеров и на погосте. Склонил голову перед могилой деда, Константина Павловича, взял землицы с нее на память. А в доме двоюродной своей тетки Анны Павловны увидел давнишнюю хаба-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 81.

ровскую фотографию, на которой между дедом и отцом оказалась моя детская личность. Затем посетил центральное село Середнёво. Там еще сохранилось строение церковноприходской школы, давшей отцу все его официальное образование...

Но вернемся вновь в боевой восемнадцатый. На фронт отец вернулся в середине декабря. Ни отдохнуть как следует, ни подправить здоровье не удалось. Дома оставил стареющих родителей. Им одним кормить-поднимать младших — сестер Александру и Елизавету, братишку Павла.

И в дивизии тревожно. Перешел в наступление новоявленный враг — колчаковцы. Имея почти двойной перевес в силах, они вынудили наши части оставить Кунгур, Пермь.

Однако уже во второй половине января 1919 года 30-я стрелковая нанесла противнику ряд сокрушительных ударов. 1-я бригада Ивана Грязнова смяла гвардию Колчака в бою под Очерским заводом. Следом ринулась 3-я бригада Ивана Павлищева и, овладев Нытвинским заводом, отбросила колчаковцев за Каму. Затем пошли вперед полки бригад Ивана Каширина и Николая Томина. Белогвардейский фронт был прорван.

«Братский привет славным бойцам вашей дивизии, разгромившим штурмовые батальоны врагов родной России»,— так отметили геройский порыв 30-й стрелковой дивизии члены специальной комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны, находившиеся в то время в войсках 3-й армии.

31 января 1919 года отца назначили помощником командующего 3-й армии. Перед отъездом он побывал в Нытве, в штабе 3-й бригады. Проводы начдива были отмечены торжественным обедом, состоявшим из каши и морковного чая. Больших речей не произносили. Невелик городок Нытва, но и в нем отыскался профессионал-фотограф. После обеда все вышли на улицу и расположились перед камерой.

Отец занял место в центре, по правую руку от него были комбриг И. С. Павлищев, командиры полков В. А. Зубов, М. В. Калмыков, вторым с левой стороны оказался командир 1-й Красноуфимской бригады И. К. Грязнов, а прямо у ног нового помкомандарма прилег М. Д. Голубых, ставший после партизанского рейда начальником штаба 3-й бригады дивизии. Он-то и сохранил до наших

дней ту памятную пытвенскую фотографию, которой ныне уже шестьдесят пять лет.

Киров (в прошлом г. Вятка) помню с тридцатых годов. Когда ехали с Дальнего Востока в столицу или из Москвы обратно, поезд надолго застывал у старого одноэтажного вокзала в ожидании смены паровозных бригад. Прогулки на этой станции мне нравились больше, чем на всех других. На главном перроне торговали знаменитыми дымковскими игрушками. От расписных киосков с пустыми руками никогда не уходил...

Ныне старый русский город, отметивший свое шестисотлетие, переживает вторую молодость, но и в сегодняшнем бурно растущем Кирове бережно хранится многое из того, что осталось от былой — деревянной — губернской Вятки, помнящей Герцена и Салтыкова-Щедрина, Короленко и Грина... Уцелел на бывшей Орловской, ныне Коммунистической, улице и особнячок, обозначенный номером шестнадцать. На его фасаде укреплена мемориальная доска, извещающая: «В этом доме жил и работал выдающийся полководец Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер».

«Жил и работал...» Для того сурового времени это, пожалуй, не совсем точные слова. Вернее было бы сказать: «Здесь изредка отдыхал...» Жизнь и работа помкомандарма, а с апреля одновременно исполнявшего и обязанности коменданта Вятского укрепленного района, протекали главным образом там, где возводились полосы глубокоэшелонированной обороны, где шла подготовка для фронта свежих маршевых рот и резервных частей. А март вообще почти целиком прошел по-бивуачному.

Сибирская армия генерала Гайды нанесла внезапный удар в стык между позициями 2-й и 3-й советских армий. Отец срочно отбыл на фронт. Энергичными и решительными действиями он приостановил отступление частей 29-й стрелковой дивизии, а затем обеспечил выход из окружения бригад Николая Томина и Ивана Павлищева, собрал воедино остальные полки родной 30-й и полностью восстановил ее боеспособность.

Была в те дни у отца и еще одна часть, за боевыми действиями которой он следил с большим вниманием и за которую волновался как за свое кровное детище.

В начале февраля с верховьев Волги, из глубокого по тогдашним понятиям тыла, прибыл в Вятку 61-й стрел-

ковый полк, формировавшийся в Рыбинске. По морально-политическим качествам он был крепок, устойчив. Это отмечал и командующий Ярославским военным округом, инспектировавший новую красноармейскую часть в конце восемнадцатого года. В своем отчете о пребывании в Рыбинске он писал: «В 61-м полку настроение вполне приличное. Дело организовано за последнее время достаточно крепко благодаря тому, что дан был новый политический комиссар и усиленно работали три товарища, вернувшиеся с курсов, организованных окружным военным комиссариатом» [1].

Помкомандарма лично встретил эшелон земляков. Сердечно поприветствовав их, объявил, что некоторое время полк будет находиться в армейском резерве.

— Знаю, рветесь на фронт. Знаю, что сильны своей рабоче-крестьянской сознательностью,— сказал он рыбинцам.— Это замечательно, но только одного этого теперь уже недостаточно. Нужно, чтобы и по своей боевой выучке вы были лучшими в армии. Потому и даем вам в шефы красных орлов.

1-й Крестьянский коммунистический (впоследствии 253-й) стрелковый полк сыграл главную роль при обороне Нижнего Тагила. От его стойкости зависела участь не только дивизии, в которую он входил, но и всего фронта. Полк не дрогнул, выстоял. И в воздаяние выдающихся его заслуг перед пролетарской революцией он первым в войсках 3-й армии был награжден Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК. После вручения этой высокой награды и закрепилось за воинами полка громкое и славное имя — Красные орлы.

Общение рыбинцев с обстрелянными в боях героями дало хорошие результаты. Боевое крещение они приняли в конце февраля — начале марта 1919 года. Произошло это при таких обстоятельствах.

Командующий 3-й армией, видя безуспешность наступления на противника силами левофланговой Особой бригады, 25 февраля передал из своего резерва в распоряжение ее командования 61-й Рыбинский полк.

На следующий день рыбинцы были на переднем крае и к вечеру 26 февраля выбили колчаковцев из двух деревень юго-восточнее села Воскресенское. В первом бою

---

[1] Рыбинск: Документы и материалы по истории города. Ярославль, 1977, с. 196.

они потеряли около ста человек убитыми и ранеными, но их боевой дух не был сломлен. 61-й Рыбинский стрелковый полк продолжал наступление. Утром 5 марта его бойцы овладели сильно укрепленными позициями противника южнее села Кравец.

«Действиями стрелкового полка, его доблестью, лихими атаками и железной стойкостью восхищаюсь,— телеграфировал Блюхер рыбинскому военкому.— Все это несомненный результат вашей плодотворной работы, за которую шлю вам как земляк-рыбинец и как помощник командующего армией сердечную благодарность и земляческий привет» [1].

«Оперативно-тактическое значение февральско-мартовских наступательных боев Особой бригады в Коми-Пермяцком крае заключалось в том, что они дали возможность отвлечь значительные силы противника с главного направления Пермь — Вятка, задержать его на месяц, обеспечить оборону открытого фланга 3-й армии и отразить попытку обхода этого фланга...

Для всей 3-й армии наступательные бои Особой бригады были своего рода показателем больших возможностей наших войск, их активности и способности наносить поражения врагу, несмотря на недостаток сил и средств. Это укрепляло части Красной Армии морально, готовило их к грядущим боям» [2].

В один из приездов в город Киров я познакомился там с воспоминаниями В. Ф. Сивкова. Член партии с 1908 года, Владимир Федорович после Февральской революции вошел в состав штаба Красной гвардии Чусовского завода, а в декабре восемнадцатого года возглавил отряд Особого назначения Уральского областного Совета. Новое наступление колчаковцев весной 1919 года вынудило РВС Республики позаботиться об организации в тылу Восточного фронта глубокоэшелонированных оборонительных полос. Тогда и состоялось решение о создании Вятского укрепрайона. Во главе его был поставлен Военный совет из трех человек: В. К. Блюхера — председателя и членов — С. А. Новоселова и В. Ф. Сивкова.

«На первую встречу с Василием Константиновичем,— рассказывал Владимир Федорович,— я шел с какой-то необъяснимой настороженностью. Думалось: заместитель

---

[1] Известия Рыбинского Совета, 1919, 12 марта.

[2] Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. П. Особая бригада: Исторический очерк. М.: Воениздат, 1962, с. 88.

командующего армией, герой... Как-то встретит? Как сложатся отношения при совместной работе? Но через несколько минут от моих тревог не осталось и следа. Мы сидели за стаканом чая и, как давние друзья, вели задушевную беседу. Простота и непринужденность в отношениях сопутствовали нам и в дальнейшем»[1].

За городом сооружались окопы, оборудовались артиллерийские и пулеметные позиции, а площади Вятки превратились в строевые плацы, где стар и млад маршировали, постигали приемы действий с оружием, учились стрельбе, мастерству штыкового боя.

В делах командных, как свидетельствуют ветераны, отец чувствовал себя уверенно. Но этого было мало, требовалось показать себя и знающим, умелым фортификатором. Пришлось снова учиться. Комендант укрепрайона зачастил в публичную библиотеку, набирал там книги по военно-инженерному делу и просиживал над ними до глубокой ночи. А с рассвета взлетал на коня и часов по десять — двенадцать не покидал седла. Разъезжал по участкам возведения рубежей обороны, все проверял лично, требовал лучше использовать командные высоты, заботился о хорошем обзоре, широких секторах обстрела, о надежной и искусной маскировке.

Но и в этой напряженной и суровой будничности выдался особый, праздничный день. В Вятку по фельдпочте прибыла необычная посылка. В ней находился знак ордена Красного Знамени с номером «1». 11 мая 1919 года по войскам 3-й армии был издан приказ в связи с вручением В. К. Блюхеру ордена Красного Знамени за беспримерный рейд по тылам врага летом и в начале осени 1918 года.

«После вручения Василию Константиновичу ордена,— вспоминает В. Ф. Сивков,— мы, члены Военсовета укрепленного района С. А. Новоселов и я, зашли в служебный кабинет В. К. Блюхера и, еще раз поздравив его с высокой наградой, высказали свою похвальную оценку его подвига, а заодно предложили пойти к нам на квартиру (мы с Новоселовым жили вместе и хозяйствовали лучше, чем Блюхер) поужинать... Василий Константинович первые минуты после нашего предложения казался в смущении или нерешительности, потом он покраснел и не совсем приветливо сказал:

---

[1] Разгром Колчака: Воспоминания. М., Воениздат, 1969, с. 189.

— Вот что, друзья-товарищи, не нужны мне восхваления... Мы ведь не на митинге... Имейте это в виду! — И уже мягче: — Ваш ужин следовало бы перенести в Пермь или Екатеринбург, да боюсь, продукты испортятся... Пусть будет по-вашему.

И снова перед нами был симпатичный, располагающий к себе человек, с ясными глазами и доброй улыбкой»[1].

В Пермском областном краеведческом музее среди экспонатов далеких времен гражданской войны демонстрируется старенький, с потемневшими латунными деталями телеграфный аппарат системы Юза. В 1919 году он находился и безотказно действовал в штабе 3-й армии. Узнав об этом, я подумал: с ним наверняка хорошо был знаком помкомандарма и комендант Вятского и Пермского укрепрайонов. Аппарат принимал срочные депеши, шли они из Москвы, шли из штаба Восточного фронта — Симбирска. Многие из них заканчивались подписью: «Предсовобороны Ленин». Блюхер, как и командарм, читал эти ленинские распоряжения, требования, указания, советы прямо с телеграфной ленты, понимая, что все они — важнейшие из самых важных и подлежат немедленному исполнению.

1 июля 1919 года аппарат Юза отстучал слова еще одной телеграммы за подписью Председателя Совета Обороны Владимира Ильича Ленина, адресованной одновременно частям 3-й и 2-й армий Восточного фронта: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим...»[2]

Руководствуясь новыми указаниями вождя, командарм С. А. Меженинов в целях укрепления тылов стремительно наступавших частей 3-й армии и быстрейшей подготовки для них боевых резервов незамедлительно

---

[1] Разгром Колчака, с. 191.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 3.

приступил к организации на берегах Камы Пермского укрепленного района, возложив руководство им на своего ближайшего помощника В. К. Блюхера.

В Перми с приездом отца развернулось всеобщее военное обучение рабочих. В ответ на призыв РВС 3-й армии: «Под ружье! На борьбу! На бой сомкнутыми рядами!» — началась массовая запись добровольцев в Красную Армию.

Комендант нового укрепрайона с присущей ему высокой личной требовательностью добросовестно и честно исполнял свои прямые обязанности, но душой и сердцем он был там, на востоке, на острие наступления частей первого эшелона армии, сетуя наедине с собой на то, что оказался в такое неповторимое время в глубоком тылу, строит укрепления, которые теперь уже для обороны, пожалуй, и не понадобятся.

Чтобы не растерять качества боевого командира, помкомандарма, как рассказывали мне ветераны, с большим пристрастием и тщанием изучал, анализировал все стороны развития Кунгурско-Пермской наступательной операции советских войск. Он понимал, что самым сложным ее этапом было форсирование Камы. И в том, что оно завершилось столь блистательно, 3-я армия обязана прежде всего высокому наступательному духу красноармейских масс, возросшему искусству командиров, боевому взаимодействию, мастерству и инициативе подчиненных им частей и подразделений.

Главная заслуга здесь принадлежала 29-й стрелковой дивизии, освободившей Пермь, но не меньшую роль сыграли также полки 30-й дивизии и Особой бригады, которые своими решительными и самоотверженными действиями на флангах обеспечили успех боев за быстрое и полное изгнание колчаковцев со всего Западного Урала.

И вновь отличились земляки-рыбинцы. 61-й полк Особой бригады, выйдя на реку Чусовую западнее деревни Косогор, завязал тяжелые бои с арьергардными частями противника, поддержанными речной флотилией. На этом рубеже и столкнулись красные батальоны с так называемой «британской» дивизией морских стрелков.

В период боев за Пермь белое командование, чтобы устрашить красноармейцев, стало усиленно распространять слухи о прибытии на фронт большого количества английских войск, оснащенных новейшей боевой техни-

кой. Для «подтверждения» этого несколько колчаковских полков были переодеты в английские мундиры с английскими знаками различия, посажены на пароходы и направлены в качестве десантников на решающие участки фронта.

На рассвете 6 июля 61-й полк, заняв Верхнечусовские Городки, создал угрозу выхода в тылы белых, оборонявшихся по берегам реки Сылва. Парируя этот неожиданный удар, колчаковцы спешно двинули на Чусовую несколько батальонов «англичан». При поддержке артиллерийского огня речной флотилии морские стрелки перешли в контратаку и вынудили малочисленные красноармейские роты отойти к селу Косогор.

Узнав об этом, комбриг Особой Макар Васильевич Васильев приказал 22-му Кизеловскому полку выступить в район Верхнечусовских Городков на помощь рыбинцам, остановить продвижение морских стрелков, а затем и отбросить их к городу Чусовому. Атака развернулась на участке шириной почти в 10 километров. Важную роль сыграл своевременный ввод на левом фланге резервного батальона 61-го полка, что и обеспечило решающий перелом в нашу пользу.

На второй день разгром «британской» морской дивизии был завершен. Справедливости ради следует сказать, что английские войска в сибирской армии Колчака все же были, но в незначительном количестве. В составе Камской речной флотилии белых действовали лишь два вооруженных судна: «Кент» и «Суффол», которые были укомплектованы английскими офицерами и матросами. Среди них находился и корреспондент британской газеты «Таймс». Он, конечно же, был посвящен в маскарадную затею белого командования и после разгрома дивизии морских стрелков оставил для истории такое свидетельство: «Как ни звучит это парадоксально, прекрасные британские мундиры, в которые были одеты некоторые белые части, способствовали тому, что красные дрались более ожесточенно, чтобы захватить их владельцев» [1].

Части Особой бригады одному за другим возвращали свободу горным заводам Среднего Урала. Полки родной 30-й неудержимой лавиной пробивались к сердцу рабоче-

---

[1] Спирин А. М. Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957, с. 202.

го края — Екатеринбургу. Победы на фронте радовали, воодушевляли, но помкомандарма сознавал, что на данном этапе борьбы делается еще далеко не все для того, чтобы довести «дело быстро до полного конца». Он досадовал на то, что весеннее наступление колчаковцев помешало завершить организационную перестройку, провести которую Совет Обороны Республики предписывал еще в начале 1919 года. В армии продолжали существовать самостоятельно оперирующие части наподобие Особой бригады и Особого Северного экспедиционного отряда. В период оборонительных боев они оправдывали свое назначение, но теперь, когда уже в полной мере вырисовывалась необходимость подготовки к освободительному походу по безбрежным просторам Зауралья и Сибири, все очевидней становилась необходимость слияния их для обеспечения четкости и эффективности боевого управления в более крупные войсковые соединения.

Еще в Вятке отец познакомился с приказом РВС Восточного фронта от 5 июля 1919 года, который предписывал и ему принять непосредственное участие в формировании новой, 51-й стрелковой дивизии. Помкомандарма сразу же заявил членам Реввоенсовета армии о своей готовности принять на себя обязанности начальника вновь организуемого соединения, но его просьба тогда не была уважена.

Почти месяц новая дивизия числилась в штабных документах, и лишь 27 июля армия узнала, что ее рождение стало официальной реальностью. С. А. Меженинов в тот день объявил приказ РВС фронта о назначении начальником 51-й стрелковой своего помощника Василия Константиновича Блюхера.

Стосковавшийся по жаркой боевой работе, отец с радостью выехал из Перми, ставшей к концу июля 1919 года глубоко тыловым городом, в столицу Среднего Урала.

В ночь с 14 на 15 июля того же девятнадцатого года в Екатеринбург первыми вступили полки 28-й и 21-й стрелковых дивизий Владимира Азина и Георгия Овчинникова. Дороги 30-й оказались более долгими. Ее части прошли парадным маршем перед зданием Верх-Исетского народного театра 30 июля. В тот же день, утром, в город прибыл вновь назначенный начдив 51-й, где он стал

свидетелем незабываемого парада родных ему полков на площади у московской заставы [1].

В Екатеринбурге и началось формирование нового соединения РККА — 51-й стрелковой дивизии. Под штаб было отведено несколько комнат в здании на углу Покровского проспекта и Тихвинской улицы [2]. Здесь отца встретил старый знакомый, бывший вятский губернский военком С. И. Малыгин, назначенный теперь комиссаром дивизии. Он доложил общую обстановку на фронте 3-й армии, сделав главный упор на боевых действиях ее левофланговых частей — Северного экспедиционного отряда и Особой бригады.

— Хорошо идут полки отряда и бригады,— подчеркнул Малыгин.— Считанные версты остаются им до Тюмени. Там, видно, и нагоним их...

Начдив хорошо знал историю зарождения, фронтовые пути-дороги и боевые качества всех частей, входящих в Северный экспедиционный отряд и Особую бригаду. Отряд состоял из 1-го Северного полка, укомплектованного добровольцами и мобилизованными гражданами Вятской губернии, и 9-го Особого железнодорожной охраны полка, бойцы которого зимой обеспечивали бесперебойность движения эшелонов на участке Вятка — Котлас. В Особой бригаде действовали четыре закаленных боевых полка: 21-й Мусульманский, 22-й Кизеловский горный и 23-й Верхнекамский вобрали в себя шахтеров пермских рудников и копей, рабочих и крестьянскую бедноту Усольского и Чердынского уездов, а в период боев в районе Кудымкара в них влилось и много коми-пермяков.

Ну а про четвертый полк бригады — 61-й Рыбинский — и говорить нечего. Земляки были стойки в обороне, с самой лучшей стороны показали себя и в наступательных боях.

Время, проведенное в Екатеринбурге, рассказывали мне боевые соратники отца, было во многом похоже на те дни, которые пережил он годом ранее по выводе из окружения десятитысячного Сводного Уральского отряда. Ходил по различным инстанциям, «выбивал» у пе-

---

[1] Ныне площадь Уральских коммунаров, в центре ее, в сквере, над братской могилой павших бойцов за власть Советов в 1959 году воздвигнут обелиск и зажжен Огонь вечной славы.

[2] Дом на углу нынешних улиц Малышева и Хохрякова отмечен мемориальной доской: «Здесь в 1919 году размещались части РККА, участвовавшие в разгроме войск Колчака».

сговорчивых начальников управлений и инспекторов армии боеприпасы и обмундирование, продовольствие и медикаменты. Но к ночи усталость хлопотных дней как рукой снимало. Целительным средством служил телеграф. Сводки и донесения с фронта дарили радостное, ни с чем не сравнимое волнение. Части армии продолжали победное движение на восток. По всему чувствовалось — Тюмень колчаковцам не удержать, и первыми «ворота» в Сибирь наверняка откроют полки новой дивизии.

6 августа начдив целый день провел на воинской площадке станции Екатеринбург. Один за другим прибывали из Перми эшелоны, в которых следовали 10-й Московский, 1-й и 2-й Вятские крепостные полки, направленные на укомплектование дивизии до полного штата. Приказа на разгрузку они не получили. Начальник дивизии загодя договорился с железнодорожниками об их немедленной отправке в сторону Тюмени. Погрузив в теплушки и вагоны все полученные припасы, с последним эшелоном и сам покинул главный город Среднего Урала...

Во время работы в Среднеуральском совете народного хозяйства мне часто доводилось ездить по служебным делам в Тюмень. На скорые поезда попадал не всегда, а пассажирские останавливались в ту пору на всех полустанках. Не сетовал. Напротив, радовался этому.

На станции Поклевская (ныне Талица) 15 августа 1919 года отец подписал приказ № 1 по частям 51-й стрелковой дивизии, которым определялась ее организационная структура: три бригады, девять стрелковых полков, получившие номера от 451-го до 459-го. Основой нового соединения РККА явилась Особая бригада. Она дала дивизии не только самые боеспособные и проверенные в боях стрелковые части, но и батальоны связи, инженерный, легкую артбатарею и автоброneотряд. Тем же приказом штаб, политический отдел, отдел снабжения и другие спецслужбы бригады без каких-либо особых изменений были преобразованы в соответствующие органы и учреждения 51-й стрелковой дивизии. Это вселяло уверенность в том, что новое соединение относительно легко сумеет перенести организационный период.

Три станции — Юшала, Тугулым, Подъем — явились пунктами, в районе которых группировка белых, дейст-

вовавшая в полосе железной дороги, совместными усилиями частей 1-й и 2-й бригад дивизии была разгромлена и отброшена далеко на юго-восток, что позволило красным полкам уже к вечеру 8 августа 1919 года вступить на улицы Тюмени. Труженики города, пережившие 384 дня и ночи дикого разгула белогвардейщины, со слезами радости встретили своих освободителей.

А на другой день, 9 августа, в армейских газетах было опубликовано письмо-рапорт Красной Армии Восточного фронта Владимиру Ильичу Ленину. Оно начиналось такими словами: «Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь! Ты приказал взять Урал к зиме — мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь... Больше Урал не перейдет в руки врагов Советской Российской Республики. Мы это заявляем во всеуслышание всему миру» [1].

За последние два десятилетия неузнаваемо преобразилась Тюмень, ставшая центром Западно-Сибирского нефтяного края. Благоустроилась, поднялась ввысь современными красавцами зданиями ее центральная магистраль — улица Республики и двухэтажный дом на ней под номером 18, считавшийся в былые времена одним из самых представительных, выглядит теперь заштатным провинциалом. Но своей историко-революционной славы он не утратил. Внимание гостей города привлекает мраморная доска, сообщающая о том, что здесь в августе 1919 года находилась тюменская штаб-квартира начальника 51-й стрелковой дивизии. В настоящее время тюменцы организовали в этом доме первый в стране мемориальный музей В. К. Блюхера.

Еще на станции Поклевская начдив получил от командующего армией первую боевую задачу — выйти к реке Тобол и подготовиться к ее форсированию. Начдив оставил 3-ю бригаду в эшелонах, перепоручив руководство ею начальнику штаба, а сам в сопровождении конных ординарцев поскакал в Тюмень. Авангардные бригады дивизии далеко за город уйти не успели. Воспользовавшись этим, начальник дивизии лично познакомился с комбригами, командирами полков, комиссарами и началь-

---

[1] История Уральского военного округа. М.: Воениздат, 1970, с. 84.

никами штабов, побывал во многих батальонах, узнал настроения и запросы личного состава и 20 августа подписал приказ по 51-й стрелковой дивизии, призывавший все части сплотить свои ряды для окончательного разгрома Колчака.

Главные надежды начдив и комиссар возлагали на железное ядро дивизии: «На вас, товарищи комиссары и коммунисты дивизии, лежит особая ответственность за всякое отступление от общепринятой в данный момент линии Советской власти. На ваше содействие к поднятию дивизии на должную высоту мы рассчитываем и надеемся в каждом из вас встретить достойного сотрудника»[1].

Приступив к выполнению своих боевых задач, бригады, словно гигантский веер, начали расходиться в стороны, уходя день ото дня все дальше и дальше друг от друга. Полки 2-й бригады двинулись на северо-восток, в направлении Тобольска, 1-я бригада, форсировав Тобол в районе Ялуторовска, повела наступление в сторону Ишима по лесным дорогам и тропам. А 3-я после выдвижения к линии фронта поступила в оперативное подчинение начальнику 29-й стрелковой дивизии.

До недавнего времени первый, один из труднейших периодов боевых действий 51-й стрелковой дивизии, оставался для меня досадным «белым пятном». Сперва все как-то не удавалось избрать такой маршрут поездок, чтобы пролегал он по тем местам, где приняла славное боевое крещение легендарная 51-я. Только зимой 1979 года собрался наведаться в эти края, чтобы все сравнить, сопоставить и получить более полное представление о том, как действовала 51-я дивизия после своего официального рождения.

Выкроив время на поездку в Тобольск, я взял билет на пассажирский поезд «Свердловск — Сургут». За Тюменью прильнул к стеклу вагонного окна в надежде, что проследую через станции, возникшие близ населенных пунктов, за которые в 1919 году шли жестокие бои. Но известных названий так и не встретил. Новая железнодорожная трасса прошла по наикратчайшей прямой. И здесь, как и на Всесоюзной ударной стройке Белорецк — Карламан, ни тайга, ни топи не остановили комсомольцев наших дней. Их трудовые дни и ночи с полным правом могут быть приравнены к ратным подвигам

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 188.

героев 51-й стрелковой, шагнувших в новые легенды с первых же своих боев и походов.

В научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника я с интересом посмотрел подшивку газет, изданных в 1919 году. В одной из них — передовая статья с броским заголовком: «Красные орлы».

«Не ищи их, товарищ, на небе,— говорилось в ней,— ищи на земле, ибо они — это солдаты нашей славной Красной Армии.

Они прилетели к нам на Сибирский Север с отрогов Урала... Грозная Мотовилиха, Кыштым, Уфалей, Тагил, Каслинский завод — вот пути перелета к нам Красных орлов.

...Не ищи их, товарищ, на небе, ищи на земле. Они все такие же, как ты, такие же рабочие и крестьяне — учись у них, бери с них пример, всегда будь готов стать воином Красной Армии — армии труда» [1].

Газета «Тобольская коммуна» — орган местного военно-революционного комитета и организации РКП(б) — начала выходить уже на шестые сутки после изгнания колчаковцев из города. Изо дня в день в ней под рубрикой «На Красном Сибирском фронте» печатались оперативные сводки. Правда, из-за несовершенства связи публиковались они почти с двухнедельным опозданием.

«Наше наступление... успешно развивается,— сообщалось в сводке за 26 августа, появившейся в газете лишь 12 сентября 1919 года.— В районе трактовой дороги Тюмень — Тобольск наши части заняли ряд деревень в 70 верстах от г. Тобольска.

На реке Тавда нами захвачен пароход противника «Александр Невский» с одним 3-дюймовым орудием, 3 пулеметами и командой».

Решительно и инициативно действовали части 2-й бригады. 456-й Рыбинский полк, выиграв тяжелые бои на обоих берегах Тобола, у Березовского Яра и Иевлево, стал быстро продвигаться вниз по реке. Когда рыбинцы приустали, их сменили батальоны 454-го полка. К 1 сентября они заняли Бачелино, Байкалово, Худяково, Кутаваринку и Тоболтуринские юрты. Далее на острие наступления оказался 455-й стрелковый полк. 2 сентября он выбил колчаковцев из сел Кремнево, Таратухино, Шишкино и в ночь на 4 сентября начал форсировать

[1] Тобольская коммуна, 1919, № 4, 13 сент.

Иртыш близ устья Тобола. Тогда же подошел к Иртышу и 454-й полк под командованием И. В. Боряева. Он переправился через реку на более близком расстоянии от Тобольска и первым ворвался на его улицы.

Начдив горячо поздравил части 2-й бригады:

«Благодарю красноармейцев и лиц командного состава за первую крупную победу новой 51-й дивизии. Бесконечно рад, что эта победа получена от старых, родных для меня уральцев» [1].

Листая газетную подшивку, дошел я до номера «Тобольской коммуны», датированного 25 сентября. Перевернул его последнюю страницу и... что такое? Скачок сразу в конец октября. Может, газеты почти за целый месяц не сохранились? Нет, по номерам никаких расхождений. Значит, газета в это время не выходила. И причина тому непростая: с 27 сентября по 22 октября 1919 года хозяевами Тобольска вновь стали колчаковцы.

51-я ПРИНИМАЕТ КРЕЩЕНИЕ

Как свидетельствовал ветеран 51-й стрелковой дивизии, генерал-лейтенант в отставке К. Ф. Телегин, Тобольско-Петропавловская операция 3-й и 5-й советских армий Восточного фронта, по существу, предопределила судьбу колчаковщины, ибо именно в этих почти двухмесячных ожесточенных боях потерпела крах последняя попытка Колчака остановить победное наступление Красной Армии, а затем и добиться решительного перелома в свою пользу.

Началась операция с того, что, перейдя Тобол почти на всем его протяжении, части 3-й и 5-й армий натолкнулись на внезапно возросшее сопротивление белогвардейских войск. Наши дивизии остановились, а затем начали отход под натиском превосходящих сил противника. На многоверстном рубеже от Кургана до Ялуторовска Колчак сосредоточил три пехотные армии, добился тройного перевеса в коннице и задумал взять реванш за поражение на Урале. Успех был достигнут, но только временный и далеко не решающий.

Можно с твердой уверенностью сказать, что в ходе колчаковского контрнаступления в самом тяжком поло-

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 443, л. 5.

жении среди войск 3-й армии оказалась не 29-я стрелковая, а только что сформированная 51-я дивизия.

Да, 29-я под ударами белогвардейцев откатилась далее других — почти на сто километров к западу. Но наибольший урон при этом понесла поступившая в оперативное подчинение ее командования 3-я бригада 51-й стрелковой дивизии. Начдив 29-й и его штаб, не посчитавшись с тем, что бригада уже сложилась в боевой организм, лишили ее всякой самостоятельности. Полки были распределены по бригадам, где их начали дробить на батальоны. Дальше — больше, и кончилось тем, что бригада, разорванная на роты, фактически перестала существовать.

Поспешный отход 29-й поставил в крайне трудные условия также 1-ю бригаду 51-й дивизии. Ее части, в боевых порядках которых находился начдив В. К. Блюхер, уже выходили к реке Ишим, охватывая город Ишим с севера. Когда же противник отбросил 29-ю за Ялуторовск, то его передовые отряды без труда зашли в тылы бригады и лишили ее всякой связи с Тюменью, где находился штаб 51-й. Одновременно колчаковцы усилили нажим с фланга и фронта, что вынудило бригаду, оставив обозы с боевым имуществом и продовольствием, уйти с дорог в леса и болота.

Не смогли развить успех и части 2-й бригады, которые после занятия Тобольска быстро распространялись вверх и вниз по Иртышу. Проведя речную флотилию из Омска за Усть-Ишим, противник оставил позади себя два батальона 454-го полка и захватил все его обозы. Вслед за этим в Иртыш вошли суда колчаковцев, продвигавшиеся по Оби из Томска. Их десанты выбили батальоны 455-го полка из занятых ими населенных пунктов севернее Тобольска, и 27 сентября 1919 года этот город опять оказался в руках белых.

Как только Колчаку доложили, что Тобольск взят, что части 51-й дивизии рассечены и окружены, а суда с десантами начали продвижение вверх по Тоболу, он оставил все неотложные дела на южном фланге фронта и спешно отплыл из Омска в низовья Иртыша. «Адмирал, — как отмечал впоследствии его приспешник Г. К. Гинс,— явно предвкушал удовольствие удачной и верной операцией» [1].

---

[1] Спирин А. М. Разгром армии Колчака, с. 236.

«Верховный правитель» рассчитывал не только на полный разгром молодой советской дивизии, он замахнулся и на большее: захватить Тюмень, выйти в глубокие тылы красных, нанести неожиданный удар в сторону Екатеринбурга и уничтожить всю 3-ю армию Восточного фронта.

Казалось, судьба только что сформированной дивизии предрешена. Но нет, не погибла 51-я стрелковая. Выстояла, оказавшись в кольце врагов, полностью вернула утраченную на какое-то время боеготовность и сама, действуя на огромной территории Тоболо-Иртышского междуречья, нанесла противнику сокрушительное поражение. Как же случилось такое?

Ответ на это получил чуть ли не из первых рук. Перед отъездом в Тобольск сумел наконец-то своими глазами взглянуть на уникальный труд, созданный по горячим следам событий гражданской войны. Прежде знал его название: «Пятьдесят первая Перекопская дивизия. История боевой и мирной жизни за 5 лет — 1919—1924 гг.». Встречал цитаты со ссылками на эту книгу, но видеть ее не приходилось. И надо же — нашел! И не где-нибудь, а у нас, в Свердловске. На след навел коренной тоболяк, знаток истории нашего края Александр Дмитриевич Бальчугов.

Тридцать три года хранил эту книгу как память о своей молодости бывший политработник 453-го Верхнекамского полка 51-й стрелковой дивизии Николай Харитонович Малютин и только в канун 40-летия освобождения Урала от колчаковцев преподнес ее в дар тогдашнему Институту истории партии Свердловского обкома КПСС.

Читаю первый раздел истории боевой жизни дивизии: «На Урал. На борьбу с царскими атаманами и генералами». И на странице 43-й нахожу такое свидетельство: «Обстановка к этому времени (конец сентября 1919 г.— *В. Б.*) сложилась для частей 1-й бригады, очутившихся в кольце вместе с 456-м полком, 1-м батальоном 454-го полка и 1 дивизионом легкой артиллерии, очень скверная» [1].

Да, были утрачены последние нити связи со штабом дивизии. Несколько дней не поступало никаких донесений от командования 2-й бригады, отступавшего вместе

---

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия. М., 1925, с. 43.

с 455-м полком из Тобольска. И у самих, куда ни кинь, всюду клин.

Прошла неделя. Ни на западе, в направлении Тюмени, ни на юге, у Юрги и Петровского завода, мощные заслоны колчаковцев, перекрывшие все возможные выходы из лесов и болот, так и не дождались ни одной красной роты. Белое командование всполошилось. Куда же подевались полки, попавшие в окружение вместе с начдивом Блюхером?

А объявились они в первых числах октября на севере, на сухом и неразбитом Сибирском тракте, на участке, идущем от Вагая к Тобольску. И шли эти красные прямиком на сибирскую столицу, шли по глубоким тылам врага. Все карты колчаковцев оказались спутанными.

В истории дивизии на этот счет сказано: «Блюхер, учтя тяжелое положение 2-й бригады под Тобольском и успешное продвижение колчаковцев в тыл армии... пустился на рискованную операцию» [1].

Дни 26—30 сентября начдив посвятил сбору разрозненных частей и отдельных групп, разведке сил и намерений противника. Он предпринял поездку в село Вагайское, где встретил 456-й полк 2-й бригады и узнал подробности обстановки, сложившейся под Тобольском. Удалось ему вывести из-под ударов колчаковцев один батальон 454-го полка, действовавший в ходе недавнего наступления во втором эшелоне, а позже пережить и радость неожиданной встречи с комполка И. В. Боряевым, который с горсткой красноармейцев чудом пробился из окружения за Усть-Ишимом.

Вернувшись, он вызвал в Малую Березовку находившиеся в резерве полковые учебные команды и 2-й артдивизион неполного состава, а с позиций 1-й бригады, державшей оборону в районе Шестово — Ашлык, снял лишь один 453-й полк. Два других — 451-й и 452-й — трогать не стал: пусть противник пребывает в уверенности, что бригада никуда не отходит, продолжает выполнять ранее поставленную задачу.

А как действовать вновь созданной группе, чтобы стала она по-настоящему боевой и ударной? Бросить на усиление 1-й бригады? Бессмысленно. Так же бессмысленна попытка пробиться на запад, к тракту, идущему вдоль рек Тобола и Туры. Равносилен самоистреблению

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия, с. 43.

и бросок на юг, туда, где в начале месяца проходила линия фронта 29-й дивизии.

Оставался северный вариант действий, который все больше привлекал начальника дивизии. Он понимал, что при таком соотношении сил успех может быть достигнут скорее всего там, где враг не ждет никаких ударов с нашей стороны, где без больших потерь можно самим взять инициативу и диктовать противнику собственную волю.

Бросок на север, к устью Вагая, давал шансы и на то, что удастся облегчить положение оставшихся в окружении сил 454-го полка. Допустим, прорыв к Иртышу удастся. А дальше? Рано или поздно колчаковцы придут в себя, и группа окажется в неразжимаемых тисках. Эх, если бы знать, выжил ли 455-й полк после сдачи Тобольска и подошла ли ему на выручку 3-я бригада, наконец-таки выведенная из оперативного подчинения начдива 29-й?

Теперь, пожалуй, и время обратиться к воспоминаниям Г. В. Маландина, которые ветеран 51-й, комсомолец с 1918 года, опубликовал в тюменской молодежной газете накануне 50-летия ВЛКСМ. Они переносят нас во 2-ю бригаду дивизии, в ее 455-й стрелковый полк.

Поздним вечером комиссар бригады Степанов вызвал к себе группу молодых красноармейцев.

— Нужны добровольцы для связи с начальником дивизии. Задание опасное и сложное. Кто согласен пойти? — обратился он к бойцам.

Желающих оказалось много, но комиссар остановил свой выбор на неразлучных друзьях — Геннадии Маландине и Александре Вылегжанине [1].

Ребят переодели в потрепанную крестьянскую одежду, дали по нагану и «лимонке», снабдили продуктами и, вручив пакет с документами, наказали идти лесными тропами, держа направление на юго-восток.

Старшим был Маландин. Пакет находился при нем. Больше суток пробирались через лесную чащобу. У речки Борова раздобыли лодку и приплыли в Турганское озеро. Высадились на восточном болотистом берегу и, вооружившись слегами, запрыгали с кочки на кочку.

---

[1] Оба красноармейца впоследствии стали первыми почетными комсомольцами Кировской (Вятской) областной организации ВЛКСМ.

Выйдя из болота, проверили, не подмок ли пакет, немного почистились и, не отдыхая, тронулись дальше, забирая южнее и южнее. Неожиданно наткнулись на красноармейский дозор.

— Чьи? Откуда? Почему при оружии? — последовали строгие вопросы.

— Из второй бригады,— насупившись, ответил Маландин.

— К Блюхеру идем! — более весело уточнил Вылегжанин.

— К Блюхеру! Из второй!.. Да вы, пацаны, не с того ли света, случаем? Ведь всю ее, считай, под Тобольском разбили.

— Не всю. 455-й полк держит фронт,— твердо возразил старший связной пары и потребовал: — Ведите к Блюхеру. У нас пакет к нему.

Начдива на месте не оказалось, он был занят в частях организацией круговой обороны. Пакет принял комбриг В. Е. Серебренников.

Для ребят истопили баньку. Затем усадили за самовар. Сахар заменяли морковные шаньги. Чаевничали до тех пор, пока оба не заклевали носами.

Начальник дивизии вернулся, когда связные смотрели уже десятые сны. Донесение, доставленное Маландиным и Вылегжаниным, подтверждало, что действительно 2-я бригада не разбита. Два батальона 455-го полка, подчинив себе уцелевшие бригадные команды и службы, организованно отошли к югу от Тобольска, на линию Мамаево — Шишкино, где возобновили неравную, но упорную борьбу с противником. Через день к полку присоединился батальон, попавший в окружение у деревни Новой. Из вражеского тыла с ним вышли триста партизан. И это не все. Командиру полка Б. В. Круглову удалось установить связь с частями 3-й бригады. 457-й полк выдвигается в район передовых позиций, 458-й — на подходе к Байкалово, а 459-й ожидает погрузки на пароходы у деревни Иевлево.

— Жива, выходит, дивизия! — радостно воскликнул начдив.— Жива и будет жить! Теперь все внимание Тобольску, и только Тобольску!

Для осуществления прорыва на север 453-й полк 1-й бригады под командованием Ф. И. Ольшевского, 456-й полк 2-й бригады, батальон 454-го полка во главе с командиром полка И. В. Боряевым, три полковые учеб-

ные команды и артиллерийский дивизион получили задачу выйти к Сибирскому тракту у устья реки Вагай и повести наступление на Тобольск левым берегом Иртыша через Кызылбаево. 451-му и 452-му полкам предписывалось обеспечить прикрытие рейдовой группы на занимаемых ими позициях в Ашлыкской и Шестовской волостях. Начдив, как сказано в истории 51-й стрелковой дивизии, принял «отчаянное решение пожертвовать оставшимися в тылу частями, но остановить противника и выиграть время»[1].

Указывая на исключительную трудность рейда по тылам врага, начдив призывал бойцов и командиров приложить «все силы и энергию в выполнение поставленной задачи, твердо помня, что только быстрое и энергичное выполнение операции обеспечивает успех». Особое внимание обращалось «на бережное расходование патронов, так как при почти полной изолированности на пополнение ими рассчитывать не приходится»[2].

1 октября 1919 года ударная группа 51-й дивизии двинулась на Тобольск. Всего в ней насчитывалось около двух тысяч активных штыков и двенадцать легких артиллерийских орудий. Колчаковцы, поддавшись панике, несколько деревень сдали без боя. Первое сильное сопротивление они оказали лишь 4 октября у деревни Русаново. В течение шести часов красноармейцы 453-го и 456-го стрелковых полков бросались в яростные атаки. Впервые с момента организации ударной группы в боевую работу включились батареи легкого артдивизиона. Но перелом наступил позднее, когда начдив поставил особую задачу резервному батальону 453-го полка под командованием С. Д. Горшкова. Его бойцы, преодолев топкие болота и заросли колючего кустарника, обошли колчаковцев. Их удар с тыла поддержали дружной лобовой атакой другие подразделения.

Враг был смят и отброшен. Части группы заняли деревню Русаново и соседние с ней Юрты Иртышские и Сабановские.

Из Тобольска я совершил несколько поездок за пределы города. В Карачино долго беседовал с заслуженным

---

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия, с. 137.

[2] Цит. по кн.: Душенькин В. В. От солдата до маршала. М., 1964, с. 94.

колхозником Федором Федоровичем Рымаревым. В рядах 51-й он прошел от Тобола до Байкала. Вернувшись в родные места, стал первым председателем сельхозартели «Советский Север». В Сумкино, где вырос комплекс современных зданий СГПТУ № 23, мне довелось выступать перед ребятами в матросских форменках — завтрашними хозяевами судов орденоносного Иртышского речного пароходства. Эти встречи происходили в тех местах, где когда-то гремели бои, которыми руководил отец, и я сумел как бы его глазами взглянуть на далекую панораму древнего Тобольска и попытался представить себе ход его мыслей при решении труднейших боевых задач.

Утро 5 октября 1919 года выдалось на редкость ясным. Солнце, взошедшее за Иртышом, высветило сказочный чудо-город, поднявшийся на обширном крутояре в каких-нибудь десяти-одиннадцати верстах.

— То кремль Тобольский,— пояснил комполка Боряев, бравший город месяц тому назад.— В центре — пятиглавый Софийско-Успенский собор. С его звонницы все окрест как на ладони просматривается.

— Выходит, и нас уже засекли?

— Могли, если бинокли навострили.

— В первый раз где переправлялись, Иван Васильевич?

— У Чувашского мыса. А что, еще разок предлагаете за Иртыш махнуть?

— Махнем. Обязательно. Но не сейчас...

Всего лишь год с небольшим минул, как Блюхер провел южноуральских красных партизан за линию Самаро-Златоустовской железной дороги. Провел подле самой Уфы, в которую тогда съезжались на «государственное совещание» главари продавшегося белогвардейцам Комуча[1]. Трудно было удержаться от соблазна пройти боевым маршем по улицам башкирской столицы. Но удержал главком и себя, и горячих помощников. Заход в Уфу в ту пору был бы явной авантюрой. Но и так страху врагам нагнали. Совещание комучевцев было сорвано. Белогвардейская Уфа спешно укладывала чемоданы.

Ну а Тобольск? На северных водных путях его значение неоспоримо. К тому же и сам Колчак, как показывали пленные, сюда пожаловал. Игра могла стоить свеч. А так ли? Выиграть сражение за город не хватит

[1] Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания.

ни сил, ни боеприпасов. Бронепароходы — эти плавучие крепости — еще больше потерь добавят. В считанные дни утратит группа свою нынешнюю ударную силу, и не соберешь тогда дивизию в единый боевой кулак.

— Да, хорош денек. Что ж, и ознаменовать его надо по-хорошему. Ударим-ка теперь на Мамаево, перережем Тюменский тракт и...

— На Тобольск! — поспешил Боряев.

— Придет и его время, а пока — видит око, да зуб неймет...

Мамаево было занято без особых осложнений и настолько быстро, что осталась неповрежденной телефонная линия, связывающая Бачалино с Тобольском. Связист Николай Аристархович Карасев[1] подключился к проводу и стал ждать. Терпение окупилось сторицей. Линия ожила. Карасев тотчас же дал знать об этом командиру 453-го полка Ф. И. Ольшевскому. Так был перехвачен разговор полковника Колесникова с командующим Тобольской группой войск генералом Франком. Полковник доложил о спешном отводе ряда частей с линии фронта к Щукино, где им предписано быть не позднее чем через восемь часов. Франк уведомил, что Тобольск спешно укрепляется, переправы через Иртыш взяты под охрану бронепароходами. Задача 27-го пехотного полка — во что бы то ни стало задержать красных до подхода Воткинской дивизии.

Выслушав Ольшевского, начдив, ни минуты не медля, объявил свое решение:

— Коли так, и нам ясна задача. Надо быть в Щукино ранее Колесникова, чтобы не 27-й полк задержал нас, а мы его убрали со своего пути.

Щукино было взято внезапным ночным налетом. 27-й колчаковский полк откатился вверх по Тоболу и только на рассвете сумел встретиться с подходящими частями Колесникова. А днем генерал Франк подтянул от Тобольска свежие силы, в том числе три полка из гвардии Колчака — Воткинской дивизии. Под их натиском наши оставили Мамаево и Шишкино и оказались зажатыми со всех сторон на трехверстном щукинском

---

[1] Красноармеец Н. А. Карасев, земляк отца, уроженец Ярославской губернии, отличился и в боях на Перекопе. За подвиги, совершенные на фронтах гражданской войны, он был награжден орденом Красного Знамени.

пятачке. Сюда же были стянуты подводы с ранеными, которых насчитывалось уже до четырехсот.

Внезапно появились два гидроплана. Артиллеристы и пулеметчики заставили их держаться на высоте. С воздуха на землю полетели не бомбы — листовки. «Вы окружены,— грозился враг,— спасения нет, и за каждую минуту сопротивления будет беспощадная расправа».

В ночь на 8 октября командиры полков и батальонов, входящих в состав группы, собрались на совет.

— Как отнеслись бойцы к листовкам? — спросил начдив.

— Угрозам не поддались. Пустили их на курево и кое-что другое...

— Иного и не ждал. Что еще доложить можете?

— Патронов на сутки,— угрюмо произнес Боряев.

— Хлеба нет четвертый день,— добавил Ольшевский.— Две картофелины — весь рацион.

— Знаю,— ответил начальник дивизии.— Выход один: завтра же вырваться из капкана. Атакуем на рассвете. Направление — Карачино. Задействуем сразу все силы, за исключением батальона Горшкова. Вы, Степан Дмитриевич, вновь будете моим последним козырем.

Первая попытка прорвать окружение была предпринята рано утром. Пробиться к Карачино не удалось. Белогвардейцы сдержали натиск. А в девять часов со стороны Мамаево грянула маршевая музыка духового оркестра. То дали знать о себе прибывшие на передовые позиции воткинцы. Их атаку поддержали с юга пехотинцы полковника Колесникова, через боевые порядки которых планировался выход из вражеского кольца. До полудня отбито еще шесть яростных атак. Противник имел многократное превосходство в силах, вел обстрел тяжелыми орудиями, установленными на бронепароходах, наносил бомбовые удары с воздуха. Раненые не уходили с поля боя, дрались, пока руки держали оружие, и единственно, чего просили,— это воды и патронов.

В критический момент начальник дивизии взял из батальона Горшкова одну роту и повел ее в самое пекло боя. Был он в черной кожанке, на околыше фуражки ярко светилась красная звездочка. Присутствие начдива в передовых цепях воодушевило бойцов. Ряды белогвардейцев дрогнули и, сильно поредев, покатились назад, к Мамаево.

После небольшого затишья колчаковцы возобновили

атаки. Резерва под рукой больше не было. Две оставшиеся роты из батальона Степана Горшкова уже выполняли особую боевую задачу. Коренной уралец, прирожденный охотник, привыкший с юных лет ходить по таежным звериным тропам, комбат повел красноармейцев в обход по болотам. Незадолго до наступления сумерек Горшков за спинами вражеских солдат подал ракетой условный сигнал. Приняв его, начдив быстро произвел перегруппировку. Отказавшись от круговой обороны, он направил все силы на юг, в сторону деревень Карачино и Таратухино. Этот неожиданный и дерзкий удар был поддержан решительной атакой рот Горшкова по белогвардейским тылам. Брешь в кольце окружения наконец-то была пробита.

Позже, представляя командира 2-го батальона 453-го стрелкового полка С. Д. Горшкова к награждению орденом Красного Знамени, начдив напишет: «Эта победа спасла не только группу 51-й дивизии, но и несколько других дивизий Красной Армии» [1].

А пока красные форсированным маршем уходили все дальше и дальше от Тобольска. Не знали они привалов и следующие два дня. Колчаковцы пустили в погоню бронепароходы с десантниками, но высадить их не сумели. Артиллерийскую дуэль с ними выиграли батарейцы красного дивизиона. Один бронепароход потопили, другие заставили ретироваться. В плен было захвачено 200 колчаковцев, а среди трофеев оказалось более ста тысяч патронов и десять пулеметов.

К вечеру 10 октября, смяв заслоны врага в селе Долгоярском, ударная группа вышла на позиции полков 2-й и 3-й бригад. Исхудалые, заросшие, с воспаленными от бессонницы глазами, участники рейда получили долгожданный отдых. Все они были отведены в село Иевлево. И надо же, почти одновременно с ними туда же с востока, из Шестовской и Ашлыкской волостей, пробились 451-й и 452-й полки.

«Выполнив задание по прикрытию, мы решились прорубать дорогу в лесах. Каждый день,— рассказывал мне еще в Свердловске бывший ординарец командира 452-го Кизеловского полка А. Л. Габов,— махали топорами по восемнадцати часов и брали одну трудную версту за другой».

---

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия, с. 291.

Итак, все части дивизии собрались в единый крепкий кулак. Запланированный Колчаком разгром 51-й стрелковой не состоялся, как не состоялся и фланговый удар его войск по тылам 3-й советской армии. В середине октября, когда части Восточного фронта возобновили наступление, на его левом фланге по-прежнему победно шла молодая 51-я дивизия. В авангарде теперь находились полки 3-й бригады. Они стремительно продвигались по обоим берегам вниз по Тоболу. Разгневанный неудачей, «верховный правитель» бежал из Тобольска в Омск, его пароход чуть было не попал под обстрел нашей артиллерии.

22 октября 1919 года 51-я стрелковая дивизия вторично освободила Тобольск.

Думаю, здесь уместно познакомить читателей с воспоминаниями Александра Алексеевича Поляка, бывшего начальника штаба 151-й бригады, написанными им для истории 51-й Перекопской уже после окончания гражданской войны. Обращаясь к начальному периоду боевых действий дивизии, он писал: «В Сибири для 51-й дивизии Перекопом была Тобольская операция. И если взятием Перекопа мы били последнюю ставку южной контрреволюции, то операция тов. Блюхера под Тобольском явилась окончательным ударом по Колчаку. Достаточно взглянуть на создавшуюся тогда стратегическую обстановку, чтобы понять, что эта операция была действительно смертельным ударом для всего фронта колчаковской армии. В то время как части советских армий шатаются под натиском врага, ударный отряд Колчака под его личным командованием с бронепароходами идет от Омска до Тобольска, в тыл советским войскам, наперерез главной коммуникации фронта нашей 3-й армии: Екатеринбург — Тюмень.

И, казалось бы, надо быть безумцем, чтобы с незначительной силой ударить самому в тыл наступающему противнику, имея за собой, в своем тылу, другую его группу. История гражданской войны и всех войн вообще вряд ли имеет подобные примеры. Но эта незначительная часть прорывается через фронт врага, и невольно думаешь, что только Красная Армия, родившая таких героев, как Блюхер, Горшков, комартбат Матюшкин, способна на такую операцию» [1].

---

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия, с. 314.

О том, как развивались события после взятия Тобольска, рассказал мне ветеран гражданской войны Федор Федорович Рымарев:

— Зима в том году выдалась ранняя. Снег окутал землю в конце октября, а там и Иртыш утихомирился под ледовым панцирем. Чтобы успевать за полками, идущими суворовскими маршами по обоим берегам реки, Василий Константинович создал небольшой, но крепко сбитый полевой штаб. Для мобильности приказал раздобыть лошадей, легкие сани. И понеслись вверх по Иртышу разудалые сибирские тройки. 11 ноября были уже в Таре. Затем, не заходя в освобожденный частями 5-й армии Омск, двинулись дальше, в глубь Сибири. Впереди были Новониколаевск[1] и Иркутск, а потом — Каховка и Перекоп.

С детства я помнил четверостишие Багрицкого, которое очень любил отец:

И разогнав густые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы Красные знамена пронесли.

Эти строки остались в памяти на долгие годы. Ими неизменно подкреплял отец свои рассказы молодежи о бессмертном штурме Перекопа. Но до поездки в Тобольск не знал, из какого произведения поэта они взяты. И только при знакомстве все с той же книгой «Пятьдесят первая Перекопская дивизия» получил на это ответ, увидев знакомое четверостишие среди других строф большого стихотворения. Эдуард Багрицкий назвал его «51-й». И речь в нем о боевом пути дивизии.

Молодые тоболяки были первыми, кому я поведал о своем открытии, а затем и прочел им все то, что сказал поэт о героях Сибирского похода.

На Колчака! И по тайге бессонной
На ощупь, спотыкаясь и кляня,
Бредем туда, где золотопогонный
Ночной дозор маячит у огня...

Ой, пуля, пой свинцовою синицей!
Клыком кабаньим навострися, штык!
Удар в удар! Кровавым потом лица
Закапаны, и онемел язык!

---

[1] Ныне г. Новосибирск.

Смолой горючей закипает злоба,
Упрись о пень, штыком наддай вперед,
А сзади со звездой широколобой
Уже на помощь конница идет.

Скипелась кровь в сраженье непрестанном,
И сердце улеем поет в дупле:
Колчак развеян пылью и туманом
В таежных дебрях, по крутой земле...

Был я рад услышать, что молодыми сибиряками не забыты, чтутся и по-серьезному изучаются героические дела, совершенные на земле тобольской воинами прославленной дивизии. Походы по местам их боев давно уже стали излюбленными маршрутами летних путешествий пионеров и комсомольцев. Зачинатели их — учащиеся школы № 1 во главе с Юрием Васильевичем Маловым. Они первыми прошли по «большому кольцу» боевых действий 51-й, дважды освобождавшей их родной город от колчаковцев, явились инициаторами создания школьных уголков и музеев боевой славы в Шестово, Ашлыке, Вагае, Русаново, Карачино, близ которых когда-то шли горячие схватки. Немало «витков» по этому кольцу за прошедшие годы сделали и другие туристско-поисковые отряды.

Но не одним прошлым живет Тобольск. Сбылись в наши дни пророческие слова, сказанные великим Менделеевым еще в начале века: «Родной мой город будет иметь возможность показать свое превосходнейшее положение и настойчивую предприимчивость своих жителей, хранящих память о старой силе древней столицы Сибири».

Великий Октябрь открыл перед многовековым Тобольском это большое будущее. В нем строится комплекс предприятий нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности.

О величественных перспективах говорил мне секретарь Тобольского городского комитета КПСС Виталий Алексеевич Абрамов. Вместе с ним мы ехали на встречу с юностью города — представителями профессионально-технических училищ. В зале самого лучшего кинотеатра Тобольска собрались будущие судовые машинисты и механизаторы-портовики, строители и котельщики. Пришли сюда и учащиеся ГПТУ № 5, готовящего рабочих-нефтяников новой формации, сочетающих профессиональную культуру с высоким образованием.

То была встреча с завтрашними хозяевами Тобольска. Я с нескрываемым интересом слушал тех, кому доведется жить и творить уже в XXI веке, и невольно повторял про себя слова новой комсомольской песни:

Юность — связь поколений,
Продолженье отцов...

ЛЕГЕНДАРНАЯ КАХОВКА

В 1919 году Красная Армия разгромила не только полчища Колчака, но и Юденича, рвавшегося к колыбели Октября — Петрограду.

В январе 1920 года 1-я Конная армия освободила Ростов-на-Дону. Остатки деникинских войск отступили в предгорья Кавказа, Крым и Одессу. Битый генерал Деникин сошел со сцены. На его место империалисты Антанты поспешили выдвинуть барона Врангеля, который с их благоволения объявил себя очередным «правителем России» и принял титул главнокомандующего всеми силами южной контрреволюции.

Предприняв весной 1920 года новый поход против Страны Советов, Антанта решила нанести главные удары с запада армией буржуазно-помещичьей Польши, а с юга — наступлением Врангеля. Разъясняя сложившуюся обстановку, Владимир Ильич Ленин говорил: «Перед нами снова трудное положение, и снова еще раз попытка международных империалистов задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля» [1].

По указанию В. И. Ленина РВС Республики 21 сентября 1920 года издал приказ о создании для борьбы с Врангелем Южного фронта. Его командующим был назначен талантливейший пролетарский полководец М. В. Фрунзе, членами Реввоенсовета стали член партии с 1896 года С. И. Гусев и выдающийся организатор интернациональных формирований Красной Армии Бела Кун.

Партия направила на новый фронт борьбы лучшие военные силы. Из Сибири выступали закаленные в боях с Колчаком 51-я и 30-я стрелковые дивизии. С Юго-Западного фронта сюда же спешила форсированным маршем овеянная славой 1-я Конная Армия.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 330.

В середине шестидесятых годов я был переведен на работу начальником одного из главков Министерства цветной металлургии СССР и в пору московской жизни по-сыновьи сроднился с замечательным большевиком, виднейшим армейским политработником Константином Федоровичем Телегиным.

Курсантом полковой школы принял он боевое крещение в сибирских боях 51-й дивизии. На Южный фронт из Сибири следовал военкомом головного эшелона, а затем вернулся к исполнению прежних обязанностей помощника военного комиссара 459-го полка 153-й стрелковой бригады. Полк этот с честью выдержал все наскоки «бронированной кавалерии» Врангеля на Каховском плацдарме. В октябрьские дни его бойцов не устрашили стальные чудища — английские танки, а в период боев «в районах Перекоп, Армянск, Юшунь, Севастополь,— как говорилось в приказе РВС Республики № 264 от 20 сентября 1921 года,— 459-й стрелковый полк был грозной силой, которая неудержимо и уверенно шла вперед, уничтожая перед собой все, что могло служить препятствием в достижении успеха Красной Армии в Крыму».

Славный боевой путь прошел К. Ф. Телегин и в годы Великой Отечественной войны. Встретил ее бригадным комиссаром, участвовал в обороне Москвы, а закончил бои-походы генерал-лейтенантом, членом Военного совета 1-го Белорусского фронта.

Константин Федорович познакомил меня со своим «Дневником политработника», который вел почти ежедневно с 1 июля по 16 ноября 1920 года. Читая главы «Из Сибири на Врангеля», «Через Сиваш», «Освобожденный Крым», как бы раскрывал панораму незабываемых Каховской и Перекопской эпопей.

В июле 1980 года студенты инженерно-педагогического института совместно с учащимися свердловских ГПТУ № 1 и 61 провели свой первый поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Проходил он под девизом «От Урала до Каховки, Перекопа и Керчи» и посвящался 60-летию окончания гражданской войны и 90-летию со дня рождения Маршала Советского Союза В. К. Блюхера.

Я собирался ехать вместе с молодежью и снова не смог — приболел.

Ребята вернулись, переполненные впечатлениями, наперебой рассказывали о том, что видели на местах былых

сражений Уральских 51-й и 30-й стрелковых дивизий в период разгрома белогвардейской армии Врангеля в Северной Таврии и Крыму летом — осенью 1920 года, что нового узнали о подвигах советских воинов в дни легендарной обороны Каховского плацдарма, бессмертных штурмов Перекопа и Чонгара.

Восхищались они и подвигами советских людей при строительстве и возрождении Днепрогэса и Запорожстали, сооружении Каховской ГЭС и Северо-Крымского канала.

После поездки сделали отличный альбом. Я посмотрел его и твердо решил вместе с женой Галиной Ивановной и дочерью Ольгой повторить в дни отпуска маршрут их поисковой экспедиции, чтобы своими глазами увидеть сегодняшнюю Каховку, Перекоп и еще раз перечесть одну из самых блестящих страниц в истории Красной Армии, как оценивал Владимир Ильич Ленин ту полную, решительную и замечательно быструю победу, которая была одержана нашими отцами над Врангелем.

К тому времени в журнале «Уральский следопыт» и в окружной газете воинов-уральцев «Красный боец» уже были опубликованы начальные главы моих записок «По военным дорогам отца». Разумеется, первым, кого познакомил с этими записками, был Константин Федорович Телегин. В ответном письме он сообщил: «Спасибо за «Уральские следопыты». Твои первые очерки прочел. Понимаю, как трудно тебе писать об отце... Но за то, что поставил задачу довести задуманное до конца, я голосую сердцем и обеими руками. Постараюсь помочь всем, чем располагаю...»

2 августа 1920 года начдив 51-й докладывал главнокомандующему Вооруженными Силами РСФСР С. С. Каменеву: «51-я стрелковая дивизия в предоставленных ей 93 эшелонах 1 июля сего года начала переброску со ст. Ангара на запад по трем направлениям (Екатеринбург — Симбирск — Самара) и головными эшелонами 21 июля приступила к разгрузке на ст. Апостолово».

А вот несколько записей из дневника политработника Константина Телегина:

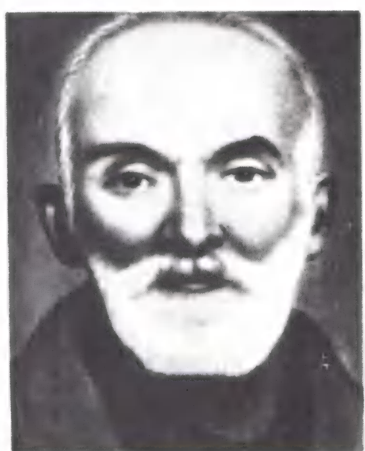
«1 июля 1920 года. Я назначен военкомом 1-го эшелона дивизии. Решил пригласить с собой на фронт двух братьев.

Дал им телеграмму: «Буду проезжать на фронт. Присоединяйтесь».

Анна Васильевна Блюхер.

Константин Павлович Блюхер.

В. К. Блюхер. 1914 г.

Командиры Верхнеуральского отряда красных партизан (слева направо): Ф. А. Вандышев, И. Д. Каширин, С. П. Галунов.

Командир Троицкого отряда красных партизан Н. Д. Томин.

Командование 4-й Уральской (впоследствии 30-й) стрелковой дивизии: Н. Д. Каширин, А. Я. Леонтьев, В. К. Блюхер, Р. П. Вайньян, Н. Д. Томин, Н. В. Баранов. 1918 г.

Главком Сводного Уральского отряда Н. Д. Каширин, впоследствии командующий войсками Северо-Кавказского военного округа.

Главком Сводного Уральского отряда В. К. Блюхер.

Соратники В. К. Блюхера по боям на Урале (слева направо): В. А. Зубов, М. Д. Голубых, Я. М. Кривощеков. 1919 г.

В. К. Блюхер (крайний справа, стоит), в первом ряду (крайние справа): Ф. М. Шемис, комиссар штаба дивизии, и М. А. Вольфович, начальник политического отдела.

Пос. Усолье, Иркутской губернии. 1920 г.

В. К. Блюхер (первый ряд, в центре) среди командиров и работников штаба 151-й бригады 51-й дивизии. Иркутск, апрель 1920 г.

В. К. Блюхер. 1921 г.

В. К. Блюхер. 1923 г.

Перед парадом войск в честь 3-й годовщины РККА. Одесса, 23 февраля 1921 г.

Член ВЦИК, командир 1-го стрелкового корпуса РККА В. К. Блюхер.
Петроград, 1923 г.

Помощник командующего войсками Украинского военного округа В. К. Блюхер (второй слева) на маневрах. 1928 г.

В. К. Блюхер (первый слева) в Иркутске после завершения боев на КВЖД. 1929 г.

Командующий ОКДВА
В. К. Блюхер. 1930 г.

Командарм 1-го ранга В. К. Блюхер на полковых учениях. Август, 1932 г.

В. К. Блюхер среди артистов Большого театра. Хабаровск. Август, 1934 г.

В. К. Блюхер с братом Павлом. Москва, 1934 г.

Дети В. К. Блюхера: Всеволод (стоит), Ваира, Василий (второй ряд), Зоя (сидит справа) и племянница Нина.

В. К. Блюхер с сыном Василием на берегу Уссури.

В. К. Блюхер с сыном Василием и отцом, Константином Павловичем.

И. К. Грязнов, активный участник боев гражданской войны на Урале, в Сибири и Крыму, впоследствии командующий войсками Забайкальского военного округа.

М. В. Калмыков, активный участник боев гражданской войны на Урале, в Сибири и Крыму, впоследствии заместитель командующего ОКДВА, комкор (в центре), слева — комдив И. Н. Хабаров, справа — дивизионный комиссар С. А. Задорин.

Первые Маршалы Советского Союза М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, С. М. Буденный, В. К. Блюхер. Москва. 1935 г.

В. К. Блюхер на VIII Чрезвычайном съезде Советов. Москва. Декабрь, 1936 г.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ДЕПУТАТСКИЙ БИЛЕТ № 61.

Блюхер

В. К.

1

СОЗЫВ

1937

Депутатский билет В. К. Блюхера.

В. К. Блюхер выступает на XVII съезде ВКП(б). 1934 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает второй орден Ленина В. К. Блюхеру. Москва, 7 июня 1938 г.

Маршал Советского Союза В. К. Блюхер на одной из дальневосточных строек.

Командующий Дальневосточным Краснознаменным фронтом В. К. Блюхер в период боев с японскими захватчиками в районе озера Хасан. 1938 г.

Красное знамя водружено на вершине сопки Безымянная. Август, 1938 г.

Х. Г. Галиаскаров, бывший командир конной разведки Сводного Уральского отряда красных партизан.

Группа ветеранов у фронтальной стены клуба села Соколовка Уйского совхоза Челябинской области. Фото 1957 г.

Генерал-лейтенант в отставке К. Ф. Телегин.

Участники борьбы с белогвардейцами и интервентами на Дальнем Востоке (первый ряд, слева направо): В. А. Бородавкин, М. И. Губельман, Ф. Н. Петров, С. Г. Award Award Award

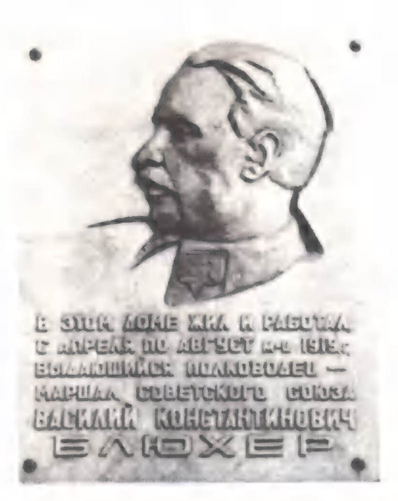

Здание школы в д. Середнево Ярославской области, в которой учились В. К. Блюхер и А. А. Сурков

Открытие памятника
В. К. Блюхеру в Свердловске.
Октябрь, 1967 г.

Мемориальная доска в г. Кирове на доме № 16 по улице Коммунистической.

Встреча участников научно-агитационной экспедиции в районном центре Аскино Башкирской АССР. Июль, 1977 г.

Скульптурный портрет
В. К. Блюхера, выполненный
для памятника в г. Каховка
народным художником УССР
Галиной Кальченко.

«Легендарная тачанка» на бывшем Каховском плацдарме.

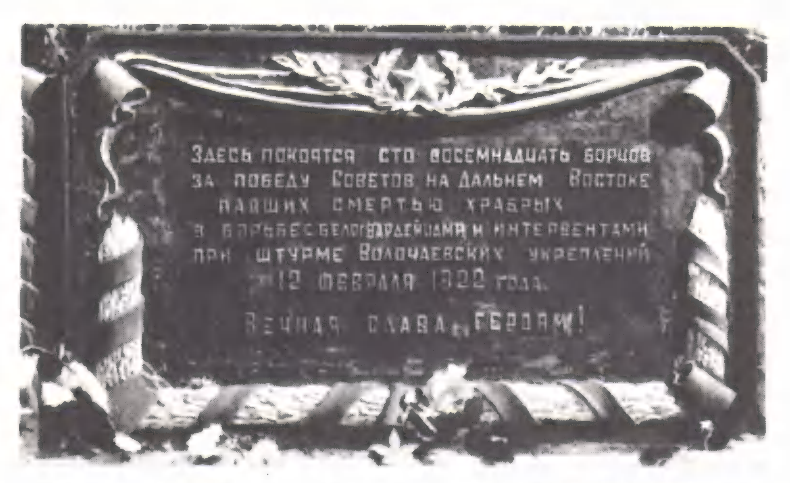

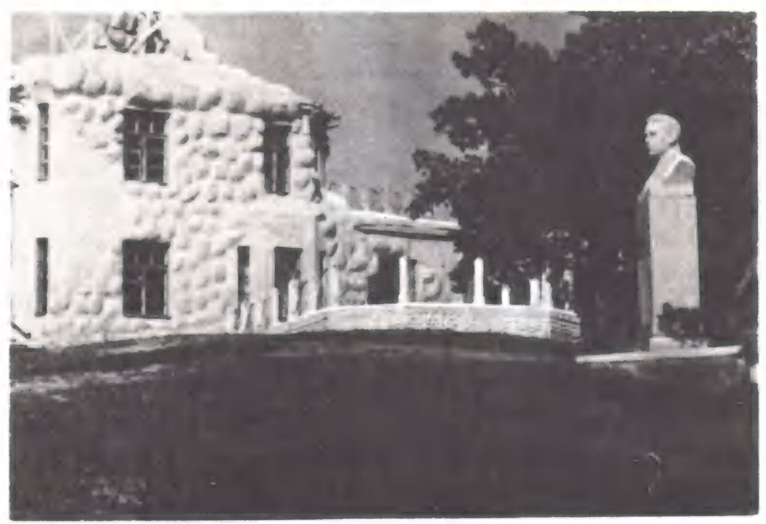
Мемориал «Три штурма Перекопа» в г. Красноперекопске.

Памятник героям гражданской войны в г. Хабаровске.

Надпись на братской могиле героев, погибших при штурме сопки Июнь-Корань.

Мемориал героям Волочаевского боя.

Памятник В. К. Блюхеру от трудящихся Хабаровского края на сопке Июнь-Корань.

В. К. Грязнов (второй слева) знакомит профессора В. В. Блюхера (крайний справа) с материалами о своем брате Иване Грязнове, герое гражданской войны.

Сегодня на рассвете начались последние приготовления к отправке и нашего 459-го полка. На станцию был подан эшелон. В вагоны погрузили продовольствие, фураж, кухни и повозки. Красноармейцы собрали в вещевые мешки свои пожитки. Бойцы получили красные рубашки. Их прислали нам московские рабочие за победу над Колчаком.

Комиссар прочел вслух приказ по полку.

— Надеюсь,— закончил он,— что во время движения вы будете соблюдать строгий революционный порядок и дисциплину и что среди наших рядов не будет ни одного дезертира, шкурника и предателя трудового народа. Вперед же, товарищи! Сомкните ряды под Красным знаменем Коммунистического Интернационала. В добрый путь!

19 июля.

Прибыли на станцию Апостолово. Выдвинули наблюдательные посты, расставили пулеметы. Эшелон стал под разгрузку... Набрали подводчиков. Через два часа мы уже тронулись на юго-запад.

Население встретило вначале с некоторым недоверием...

На просьбы красноармейцев продать что-либо из продуктов пока слышим только отказы:

— Ничего нет, товарищи, все уже поели.

Наши ребята — молодцы, не настаивают. Закусывают коркой хлеба или сухарем с водою. Включаются в работу по хозяйству... К вечеру отношение крестьян резко изменилось. Красноармейцев сажали с собою за стол, угощали салом, молоком...

20 июля.

Все ближе и ближе к передовой линии фронта. Весть о хороших «сибиряках-червоноармейцах» летела из села в село, опережая нас. Командир и красноармейцы — желанные гости. Крестьяне делятся с нами всем, что у них есть.

В Давыдовом Броде и Архангельском приходили группы дезертиров и просили взять с собою на фронт. Вот как дала знать о себе политическая работа!

7—10 августа.

Части дивизии почти полностью закончили выгрузку и подошли к Бериславлю...

11 августа.

По понтонному мосту наш полк переправился через

Днепр... Приказ по дивизии: Каховка должна быть превращена в укрепленный плацдарм»[1].

Каховский плацдарм был захвачен частями 52-й и Латышской дивизий в период первого августовского наступления Правобережной группы войск. Это наступление началось в ночь на 7 августа и продолжалось до 11 августа 1920 года. 51-я стрелковая дивизия в это время продолжала сосредоточиваться в районе Бериславля и участия в наступлении не принимала. Ее передовые части выдвинулись на Каховский плацдарм 11—12 августа и сыграли решающую роль в его обороне.

В статье «Победа храбрых», написанной к 15-летию разгрома Врангеля, отец указывал: «Каховка, находящаяся на кратчайшем пути к Крыму, не только сдерживала прорыв Врангеля к Криворожью и Донбассу, но и мешала соединению с войсками Польши. Эту занозу на живом своем теле Врангель отлично чувствовал, не раз пытался ее вырвать, расходуя на это лучшие свои части и технику, но безуспешно атакуя неоднократно Каховку с августа по октябрь. Все эти атаки успешно отбивались каховско-бериславской группой»[2].

Созданная из красногвардейских рабочих отрядов Кизеловских копей, Мотовилихи и других заводов Урала, 51-я стрелковая дивизия с самого начала организации и до уничтожения врангелевщины являлась олицетворением пролетарской воли, настойчивости и отваги. Эти качества обеспечили ей победы над лучшими частями Врангеля, состоявшими из вышколенных офицерских отрядов, оснащенных техникой. Дивизия до боев с Врангелем уже имела богатые традиции, приобретенные ею в походах и боях против «сибирского правителя» Колчака.

Весьма показательна и классово-партийная характеристика 51-й стрелковой. «В период переброски на врангелевский фронт костяк дивизии составляли в основном уральские пролетарии. Рабочая прослойка достигла почти четверти состава дивизии. Остальная масса красноармейцев — сибирские крестьяне, часть из них — бывшие партизаны. Партийная организация имела 2765 членов и 1200 кандидатов, что составляло 12 процентов к общему составу дивизии и до 25 процентов ее боевого состава»[3].

---

[1] Перекоп: Сб. воспоминаний. М.: ОГИЗ, 1941, с. 26—29.
[2] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 139.
[3] Там же, с. 140.

Под Каховкой — бескрайнее равнинное раздолье. Мы вышли из машины и направились к высотке, увенчанной белокаменной пирамидой, на гранях которой чугунные щиты с золотыми звездами. Здесь в 1920 году находился командный пункт В. К. Блюхера. Отсюда же в дни решающего октябрьского наступления на Врангеля руководили действиями дивизий 1-й Конной армии С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов.

Далеко-далеко, до самого Черного моря, раскинулись таврические степи. Сейчас они пересечены лесополосами, высоковольтными линиями электропередачи, оросительными каналами. Радует сердце лик преображенной земли, сполна одаряющей нас своим плодородием, не виданными ранее урожаями.

А что мог видеть с этой высотки начальник 51-й стрелковой по прибытии с дивизией на новый театр военных действий?

Полки бригад спешно укреплялись на отвоеванном плацдарме. Начдив требовал работать круглые сутки. В первую очередь отрыть окопы для стрельбы с колена, углубляя их постепенно до полного профиля. Во вторую очередь оборудовать опорные пункты на хуторе Терны и высоте 20,9 м. Наконец, установить проволочные заграждения на всем остальном участке оборонительной линии.

И вот выжженную солнцем ковыльную степь перерезали глубокие окопы. Зарылись в землю пулеметные и артиллерийские расчеты. Поднялись ярусами проволочные заборы.

Врангель перебросил к Каховке «бронированный» кавалерийский корпус генерала Барбовича. «В историю малых, а может, и больших войн войдет... «бронированная кавалерия» Врангеля. 51-й пришлось на себе испытать ее колоссальную боеспособность» [1],— отмечали по горячим следам событий летописцы дивизии.

Каждому эскадрону обычной конницы придавалось до десятка пулеметных тачанок, два грузовика с пулеметами и легкими пушками, бронемашины. В боевых порядках полков действовали легкие танки. Наземные силы прикрывали аэропланы. Свои атаки «броненконники» готовили скрытно, а начав, вели стремительнейшим обра-

---

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия, с. 58.

зом. Под беглый огонь артиллерии мгновенно развертывались эскадроны с приданными средствами. Тотчас же в небе появлялись бомбовозы, и с падением первой бомбы кавалерия с танками и бронемашинами лавиной летела вперед. Бомбы прерывали всякую связь, части предоставлялись самим себе. Казалось, никому не дано устоять перед таким натиском...

Но недаром говорят — силу сила ломит. И уральцы, сибиряки переломили «бронеконников».

Ударные эскадроны генерала Барбовича обрушились на роты 457-го стрелкового полка. Бойцы были в красных рубашках. Они поднялись из окопов и встретили «бронеконников» в чистом поле. Помня уроки тактических занятий, на которых по указанию начдива скрупулезно отрабатывались все пункты памятки по борьбе с конницей, красноармейцы разбились на группы и, перестроившись в так называемые «ежи», образовали сплошную щетину штыков. Пока были патроны, в упор расстреливали атакующих кавалеристов, затем стали отбиваться штыками, бросались на броневики, забрасывали их гранатами. Многие гибли под шквалом огня с пулеметных тачанок.

Полк лишился всех комбатов, семи ротных, военкома, помвоенкома, но не отступил, устоял до подхода батальонов соседнего полка. Оставшаяся горстка бойцов, получив долгожданные патроны, продолжила бой.

457-й стрелковый полк первым на Южном фронте был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

На командном пункте Каховского плацдарма отец безотлучно находился до 25 августа. Полки, ведя тяжелые оборонительные бои, понесли огромный урон в живой силе. Сдержав врага, нашли в себе силы для перехода в дерзкие контратаки. Врангелевцы были выбиты из Дмитриевки, Антоновки, Черненьки и Новой Репьевки.

Начдив перенес свой КП на новорепьевскую колокольню. В последующие дни враг оставил Ивановку, Покровку, Нижние и Верхние Серогозы. До Мелитополя оставалось 30 верст. Эта операция имела большое значение. Части дивизии грозили отрезать всю армию Врангеля от Крыма. Белогвардейское командование было вынуждено прекратить дальнейшее продвижение в сторону Донбасса и сняло с этого направления значительную часть сил для восстановления положения под Каховкой. Контрмеры про-

тивника заставили наши части вернуться на днепровские плацдармы.

Наступила передышка. Весь сентябрь обе стороны готовились к решительным схваткам. Став начальником Каховского укрепленного района, а затем и командующим Каховско-Бериславской группой войск, В. К. Блюхер призвал себе в помощники весь опыт, приобретенный при создании Вятского и Пермского укрепрайонов, и при энергичнейшем содействии военного инженера фронта Д. М. Карбышева многократно приумножил его, обретя авторитет подлинного фортификатора.

С тех пор у отца на всю жизнь завязалась дружба с Дмитрием Михайловичем. В Музее истории города Каховки я увидел не только редкие фотографии выдающегося военного специалиста и патриота Советской Отчизны, но и прочел такое высказывание Д. М. Карбышева: «Колючая проволока и бетон сами по себе не они, а живая сила войск достигают победы, но достижению победы помогают и колючая проволока, и бетон. Укрепленная с помощью их оборона становится по-севастопольски непреодолимой и по-каховски активной».

К концу сентября плацдарм, опиравшийся обоими флангами на Днепр, имел уже три линии обороны, построенной на гнездовом принципе, с проволочными заграждениями в три-четыре кола, и целую серию опорных пунктов, расположенных в шахматном порядке. Все эти укрепления были связаны ходами сообщения, любой участок местности впереди них надежно перекрывался четко отлаженной системой артиллерийского, минометного и пулеметного огня. В местах возможного движения танков были отрыты рвы, заложены мины и фугасы. В. К. Блюхер, Д. М. Карбышев при участии начальника артиллерии дивизии В. А. Будиловича впервые создали здесь артиллерийскую противотанковую оборону, что явилось новым словом в военном искусстве того времени.

В том же каховском музее экспонируется поистине уникальная фотография, запечатлевшая неуклюже громоздкий танк «За Русь святую», а подле него, на гусеницах и на башне, десяток бойцов, чьи шинели украшены красноармейскими «разговорами».

— Это один из самых богатых трофеев 51-й стрел-

ковой,— пояснил полковник в отставке Семен Семенович Кальченко, активный участник боев на Каховском плацдарме.— В наши руки он попал 14 октября 1920 года. В то утро врангелевцы двинули на плацдарм сразу 12 английских танков. Это была самая мощная танковая атака за всю историю гражданской войны. Чудищами они казались нам. И впрямь были такими — десять метров длиной, более пяти — шириной, ввысь — за сажень. Каждый был при пяти пулеметах и двух орудиях. Огромнейшие гусеницы беспрепятственно переносили эти громадины через окопы, под их тяжестью проволочные заграждения рвались как нитки.

— Нет, наши панике не поддались,— вспоминал о том периоде ветеран Каховки Захар Захарович Абрамович.— Встретили эти чудища с «почестями». Комроты Голованов и красноармеец Паршин первыми бросились на головной танк с гранатами в руках. Паршин вскочил на танк, но открылся люк, и герой был сражен. За смерть бойца отомстил командир. Голованов успел забросить в открытый люк гранату. И на других участках красноармейцы буквально облепляли расстреливающие их в упор танки, взбирались на них и ручными гранатами выводили из строя прислугу.

Самоотверженно сражались с танками врага красные артиллеристы. Они применили тактику кочующих орудий, выкатывали их на открытые площадки и били по движущимся крепостям прямой наводкой. В этих поединках самыми везучими оказались огневики из дивизиона Л. А. Говорова, будущего Маршала Советского Союза.

В итоге трехдневных ожесточенных боев, как отмечал командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе, «геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей» [1].

После этой победы на центральной площади Большой Каховки состоялись торжества. Им был посвящен специальный приказ начдива 51-й: «...20-го сего октября вверенной мне дивизии при торжественной обстановке

---

[1] ЦГАСА, ф. 101, оп. 1, д. 29, л. 134.

вручено Почетное Красное знамя от имени рабочих города Москвы.

Боевые товарищи, Москва — колыбель пролетарской революции — обращает на вас полные надежды взоры и дарит нас своим вниманием.

Наша революционная обязанность — оправдать надежды московских рабочих и отблагодарить за дорогой подарок. «Уничтожь Врангеля!» — сказала нам Москва надписью на знамени. Мы слышим в этой надписи боевую команду, поданную нам Республикой. Эту команду мы, как истинные революционеры, выполним отчетливо и точно. «Уничтожь Врангеля!» — отныне будет нашим лозунгом, и в громе боевого клича мы гордо понесем к твердыням Перекопа Почетное знамя Москвы и, водрузив его над Красным Крымом, закончим победный марш доблестной 51-й стрелковой Московской дивизии» [1].

Вслед за торжественным вручением знамени состоялся военный парад войск Каховского плацдарма. В нем участвовал и трофейный танк «За Русь святую», участвовал уже под именем «Москвич-пролетарий»...

82-дневная героическая борьба Красной Армии за удержание Каховского плацдарма — одна из ярких страниц истории гражданской войны, выдающийся пример ведения активных оборонительных боев.

Сегодняшняя Каховка — это, по существу, обширнейший мемориал. Каждая площадь здесь по-своему примечательна. Вот взошел на высокий пьедестал в длиннополой шинели и краснозвездном шлеме Михаил Васильевич Фрунзе. Всегда цветы у подножия другого памятника, на гранитном основании которого слова: «Василию Константиновичу Блюхеру от трудящихся города Каховки». Не забыли каховчане и героиню светловской песни. Она и сейчас в городе своей боевой юности проходит в шинели, крепко сжимая рукой ремень винтовки. Таким увековечен ее образ в скульптуре под названием «Каховчанка».

Поражают своей монументальностью памятники красным героям, отстоявшим нашу революцию в огне гражданской войны, и советским танкистам, павшим в боях за освобождение от фашистских захватчиков Каховки в октябре 1943 года.

---

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия, с. 337.

Еще большую славу обрел город на Днепре в дни празднования золотого юбилея Советской власти. 27 октября 1967 года в самом центре былого Каховского плацдарма, вблизи того места, где находился командный пункт В. К. Блюхера, был торжественно открыт монумент «Легендарная тачанка». Его высота вместе с курганом — пятнадцать метров, длина — на метр больше. Стремительно мчится вперед четверка лошадей, увлекая за собой тачанку с пулеметом и тремя бойцами. На высоко взметнувшейся пике — эскадронный флажок... «Песней в бронзе» называют этот памятник, воздвигнутый в честь воинов, сражавшихся за Советскую власть в 1920 году на знаменитом плацдарме. Сооружен он на средства колхозов, совхозов и трудящихся Каховского района. Главным консультантом творческой группы ленинградских скульпторов и архитекторов был Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Создатели этого памятника удостоены Государственной премии СССР.

У «Легендарной тачанки» вручаются комсомольские билеты, проходят традиционные слеты допризывной молодежи, проводы юношей в Советскую Армию...

Памятником на века отмечен здесь и сам гордый сын Славы — Днепр. В 1951 году в десяти километрах от Каховки, на бывшем правом фланге легендарного плацдарма, развернулось строительство второй Днепровской гидроэлектростанции, которая стала гордостью всей Северной Таврии и дала жизнь солнечному городу — Новой Каховке.

С Каховской ГЭС меня знакомил ее директор, отличник электроэнергетики республики В. М. Сергеев.

— Более четверти века трудится на коммунизм наша гидроэлектростанция,— рассказывал Владимир Михайлович.— Она обеспечивает дешевой электроэнергией промышленные предприятия Приднепровья и сельское хозяйство края. Сооружение Каховского водохранилища, Северо-Крымского и Каховского магистрального каналов позволило напоить водой сотни тысяч гектаров засушливых земель. Куда же впадает теперь Днепр? Мы отвечаем: «В степи Херсонщины и Крыма». И это уже никого не удивляет.

Побывал я на главной насосной станции Каховского магистрального канала, в машинном зале которой, к огромной радости для себя, увидел агрегаты с родной уралэлектротяжмашевской маркой. Затем был гостем

тружеников центральной усадьбы молодого, но уверенно идущего в гору совхоза имени В. К. Блюхера. Достойнейшая память героям!

БЕССМЕРТНЫЙ ПЕРЕКОП

Отстояв в жесточайших боях Каховский плацдарм, наши войска ринулись на штурм укреплений, воздвигнутых на путях, ведущих в Крым,— последнее пристанище врангелевцев.

...Турецкий вал. Теперь здесь установлен величественно-строгий обелиск. Ввысь, словно штыки, взметнулись две остроконечные грани из белого металла. У их вершины цифры: «1920», «1943» — даты штурма вала в гражданскую и Великую Отечественную войны. Посредине знак первого советского ордена — Красного Знамени. У основания одной из граней литая надпись: «Обелиск установлен в честь 60-летия Советских Вооруженных Сил и их побед на Перекопе».

От Каховки до Перекопа — 80 километров. Порыв воинов 51-й стрелковой дивизии был неудержим. Перейдя 28 октября 1920 года в решительное наступление, они смяли части 2-го армейского корпуса генерала Витковского на промежуточных рубежах и уже вечером 29-го достигли Перекопа.

В ночь на 1 ноября началась первая атака Турецкого вала. Противник встретил красноармейские цепи ураганным огнем. Наши артиллерийской поддержки не имели. Перед рассветом шестая рота 456-го (бывшего 61-го Рыбинского) полка Ф. А. Рязанова пробилась через рогатки заграждений и ворвалась на вал. Но там ее почти полностью выкосили, и обратно вернулась лишь горстка бойцов.

Та атака явилась разведкой боем. После нее все части были отведены в тылы. Стало очевидным, что с ходу Перекоп не взять. Войска группы занялись тщательной подготовкой к штурму крымских твердынь врага, подтягивали артиллерию, завозили боеприпасы.

Одновременно шли исследования Сиваша, определялись наиболее верные пути штурма Турецкого вала, который, по словам отца, «будто горный кряж, замкнул вход с севера всякому пешему и конному» [1]. Еще турецкие

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 141.

ханы воздвигли его каторжным трудом пленной запорожской вольницы. Подступ к валу преграждал ров глубиной до 10 и шириной 20 метров, упиравшийся флангами в Черное море и Сиваш.

Врангелевцы не только вернули препятствиям первозданность, но и во много крат усилили их с помощью французских военных инженеров мощной, глубокой и сложной системой долговременных фортификационных сооружений, массой тяжелой, крепостной и береговой артиллерии, густой сетью пулеметов, укрывшихся в бетонных бойницах.

И это не все. За Турецким валом, в глубине перешейка, между озерами Старое и Красное, был оборудован Юшуньский укрепленный узел, имевший шесть линий окопов с проволочными заграждениями в несколько кольев.

«Многое сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и отныне уже для врага неприступен» [1],— заявил Врангель 30 октября 1920 года после личного осмотра всей системы перекопских укреплений. Газетные подпевалы барона пошли дальше. Бахвалясь, писали: «Мы ждем врага, чтобы он разбил себе лоб о нашу неприступную крепость».

А штаб В. К. Блюхера в те дни вел деятельную и планомерную подготовку к штурму той самой «неприступной крепости». После тщательного изучения обстановки отец пришел к выводу, что наиболее уязвимым местом во вражеской обороне является Литовский полуостров. Со стороны Сиваша он был укреплен крайне слабо, поскольку врангелевцы считали просто невозможным форсирование красными этой водной преграды.

Форсировать не на чем. А если поискать брод? Разведчики принесли добрые вести. Жаркое лето, сухая и ветреная осень привели к тому, что в своей западной части Сиваш значительно обмелел. Местные жители знают броды, готовы провести не то что роты, а целые полки. Командующий группой выехал на побережье и лично убедился, что Сиваш пройти кое-где можно. Значит, есть предпосылки для внезапного удара во фланг и тыл перекопским укреплениям противника.

Однако основным по-прежнему остается фронтальный штурм перешейка. Командующий и штабисты ре-

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 141.

шили при этом прибегнуть к никем еще в ходе гражданской войны не использованному построению частей и специальных подразделений для прорыва полос неприятельской обороны. А именно: принять за основу боевой порядок из пяти волн (линий). Первая состоит из саперов-подрывников, гранатометчиков и резчиков проволоки. Им расчищать проходы, намеченные обстрелом артиллерии, а при необходимости проделывать и новые для идущей следом пехоты. Вторая волна — решающая. Ее задача, не ввязываясь в затяжные бои, прорвать оборону противника на всю глубину вала. Ликвидация очагов сопротивления — за третьей волной. Четвертая идет дальше, взламывая Юшуньские позиции врангелевцев. И, наконец, пятая волна. Она должна быть максимально насыщена кавалерией. Ей подвижными частями и группами добивать недобитых, выходить в чистое поле Крыма.

«Накануне празднования третьей годовщины Великой пролетарской революции,— вспоминал отец в статье «Победа храбрых»,— мы были готовы к штурму. К полю сражения подтягивались 15-я и 52-я дивизии. Вместе с 153-й бригадой и отдельной кавалерийской бригадой Перекопской группы они намечались для нанесения удара через Сиваш на Литовский полуостров... 152-я бригада и Огневая ударная готовились для лобовой атаки Турецкого вала.

М. В. Фрунзе приехал в штаб 51-й дивизии, расположенной в Чаплинке...

В ночь на 8 ноября, когда страна праздновала третью годовщину Октября, 15-я, 52-я дивизии и 153-я и Отдельная бригады 51-й дивизии в пронизывающем морозе, утопая в болотах Сиваша, расстреливаемые артиллерийским и пулеметным огнем, таща на себе пулеметы и орудия, двинулись в атаку на Литовский полуостров» [1].

В боевых порядках тех, кто шел через Гнилое море, был и помвоенкома 459-го стрелкового полка Константин Телегин. В его дневнике политработника появились такие записи:

«8 ноября.

...Нам приказано двигаться уступом за правым флангом 458-го полка, т. е. непосредственно в тыл Перекопскому валу.

Полк тронулся. Впереди шел проводник. Крутой спуск

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 142.

с берега — и вот мы на мягком, липком, местами еще покрытом водой дне Сиваша. Туман не позволяет разглядеть путь впереди. Каждый ступает осторожно.

...Часам к 11 утра небольшая горсточка храбрецов 458-го полка добралась наконец до Литовского полуострова, а на их место мы ввели 9-ю роту своего третьего батальона. Снова начали медленно продвигаться вперед, большей частью ползком. В резерве остались две роты и саперная команда. Сзади маячила на лошадях Отдельная кавбригада. Настойчиво влезали мы в подковообразную выемку, которую делает Сиваш у Перекопского вала.

...Две батареи нашей кавбригады открыли огонь. 2-й Дроздовский полк не выдержал и побежал. Около 300 солдат, 4 офицера, 12 тачанок с пулеметами были нашими первыми трофеями.

...Выйдя на берег, заняли окопы противника, выставили сторожевое охранение и получили возможность хоть немного окопаться и отдохнуть. Подсчитали силы. Из 500 наступавших бойцов (без второго батальона) осталось около 120 человек. Спасением было то, что снаряды уходили глубоко в илистое дно Сиваша и, взрываясь там, вылетали вверх узкой трубой, не причиняя того урона, какой они обычно наносят своими осколками на твердом грунте» [1].

Совместные действия двух бригад 51-й, 15-й и 52-й стрелковых дивизий достигли цели. Врангелевцы потеряли Литовский полуостров, над их частями, занимавшими укрепления Турецкого вала, нависла угроза окружения. Однако удары по правому флангу и тылам противника не совпали по времени с лобовым, фронтальным штурмом.

Под Турецким валом на артиллерийских позициях царило молчание. Густой туман покрыл Турецкий вал. Напряжение нарастало. С Литовского полуострова неслись непрерывные запросы: «В чем дело?»

Лишь к 10.00 густая пелена тумана медленно рассеялась, и заговорили все орудия непосредственной поддержки атаки. Легкие батареи на валу были подавлены, но тяжелая и крепостная артиллерия Юшуньских позиций ощутимых потерь не понесла. Открыв ответный огонь, она превратила семикилометровое пространство перед валом в сплошное море воронок.

---

[1] Перекоп: Сборник воспоминаний, с. 192—194.

Первая штурмовая волна смогла подняться только в полдень. Подрывники и резчики пробили достаточно проходов, но и сами при этом почти все полегли. Полки второй волны получили в поддержку пятнадцать бронемашин. Военный инженер фронта Д. М. Карбышев и начальник дивизионных бронесил И. В. Янковский предложили использовать эту технику прежде всего в инженерных целях. Каждый броневик был оснащен специально изготовленными четырехрожковыми металлическими крючьями. Пехотинцы забрасывали цепкие кошки в гущу проволочных заграждений, затем броневики давали задний ход и волокли за собой колья с колючкой. Однако и при таком нововведении штурмовые роты и батальоны 152-й, ударной бригад и 453-го полка дальше первой полосы заграждений пробиться не смогли.

С наступлением темноты атаки возобновились. Еще три часа тяжелейших боев. И снова сбой. Завязли в сорока шагах от главных укреплений врага.

В полночь командующего Перекопской группы вызвал к телеграфному аппарату Михаил Васильевич Фрунзе и передал: «Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало» [1].

Блюхер вновь бросает изнуренные части на штурм. В первых цепях шли коммунисты. Они несли развернутые боевые знамена полков. Среди атакующих развевалось и знамя Московского Совета с надписью: «Уничтожь Врангеля!» Падали сраженные пулями, осколками бойцы и командиры. Под ураганным огнем врага, ослепляемые прожекторами, атакующие неустрашимо штурмовали вал. Срывались на обледенелом скате, скользили вниз, поднимались и вновь бросались вперед.

В 3.00 9 ноября 455-й и 456-й полки почти одновременно вышли на вал. Через их боевые порядки тут же проследовали полки пятой штурмовой волны — 453-й и 454-й и, не задерживаясь, устремились на юг, к Юшуньским позициям. Их атака слилась с ударами частей Литовского полуострова.

«На рассвете 9 ноября,— вспоминал отец,— штаб переходит в Армянский Базар... Измученные штурмом, понесшие потери, части 51-й дивизии без пищи и воды, с ограниченным запасом снарядов, шли для прорыва 3-й

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 143.

и 4-й линий Юшуньских позиций, оплетенных густыми сетями из колючей проволоки. На каждый километр самой узкой части фронта там приходилось до 40 орудий разных калибров и около сотни пулеметов.

На море крейсировал флот белых; огнем тяжелых орудий он засыпал все пространство, включительно до Армянска. Остановившись на хуторе Булгаково, мы наблюдали грандиозную панораму еще не виданного по масштабу боя. Грохот артиллерийской канонады, свист и шипение снарядов в воздухе были так велики, словно мы наткнулись на стену из жерл орудий и дул пулеметов.

У нас было в два-три раза меньше орудий, чем у врангелевцев, но артиллеристы не смущались подавляющим превосходством белой артиллерии. Они храбро тащили орудия в передовых частях и прямой наводкой разбивали бетонированные пулеметные гнезда...

В ночь на 11 ноября 151-я бригада захватывает почтовую станцию Юшунь. Все резервы 51-й дивизии бросили к Юшуни, и войска Перекопской группы твердо стали на Крымский полуостров...» [1]

...В книге «Пятьдесят первая Перекопская дивизия», изданной в 1925 году, в главе под названием «Ленин и Перекоп» говорится: «Владимир Ильич Ленин придавал чрезвычайно важное значение захвату Перекопа и разгрому Врангеля. У него в кабинете была карта с нанесенными положениями наших войск и врангелевцев, на которой отмечались все наши успехи и неудачи и по которой измерялось расстояние от Каховки до Крыма через Перекоп.

Клара Цеткин в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Коммунист» № 27 в марте 1924 года, приводит такое высказывание В. И. Ленина: «...мы использовали мир с Польшей для того, чтобы всеми силами обрушиться на Врангеля и нанести ему такой сокрушительный удар, чтобы он нас навсегда оставил в покое... Но самое главное — могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании...

Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима».

Далее К. Цеткин писала: «Вскоре он успел сказать, что заказаны десять тысяч кожаных костюмов для крас-

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 143—144.

ноармейцев, которые должны взять Перекоп со стороны моря. Но еще до того, как эти костюмы были готовы, мы ликовали, получив известие, что героические защитники Советской России штурмом овладели перешейком. Это был беспримерный военный подвиг, совершенный войсками и вождями. Одной заботой, одним страданием у Ленина стало меньше: на Южном фронте также не предстояло зимней кампании...»

11 ноября 1920 года начальник, комиссар и начштаба 51-й дивизии рапортовали Московскому Совету:

«Задача, поставленная дивизии,— пробить дорогу в Крым — выполнена. 11 ноября в 12 час. занята ст. Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет... Погибли лучшие силы Врангеля, и с ними пали вместе неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшуньских укреплений. Надежда белых банд... задержаться на Перекопских и Юшуньских позициях разлетелась как мыльный пузырь. Полуодетые, голодные, уставшие, участвовавшие беспрерывно во всех боях, герои-красноармейцы и командиры разгромили не только превосходную живую силу, но и разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений и бесчисленным рядом окопов. Ничто не могло спасти банды Врангеля. Приказ пролетариата — Крым должен быть советским — выполнен честно» [1].

К черноморским портам Крыма дивизия шла свободным маршем. Начдив приказывал при освобождении населенных пунктов «проходить через таковые с оркестрами музыки. В пунктах, где имеются исполкомы, приветствовать их, останавливаясь перед таковыми, от имени Советской власти. Встречаясь с партизанскими отрядами, подчинять таковые себе в оперативном отношении» [2].

13 ноября 1920 года 51-я вместе с буденновцами 1-й Конной вошла в столицу Крыма — Симферополь. Открылся прямой путь к городу русской славы — Севастополю. Право первыми вступить в него было предоставлено полкам 153-й бригады.

И снова открываю «Дневник политработника» Константина Федоровича Телегина:

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 199—200.

[2] Цит. по кн.: Душенькин В. В. От солдата до маршала, с. 140.

«15 ноября.

После пятичасового отдыха тронулись в путь. Выполнить приказ и сегодня занять Севастополь — задача нелегкая. Надо шагать да шагать... Но теперь уж каждый был уверен, что именно нам предстоит честь водрузить победное Красное знамя над Севастополем. Бойцы зашагали быстрее, товарищи на подводах подбадривали их шутками...

Прошли горный перевал. Стало жарко. Бойцы сбросили шинели на подводы. Между горами показалось море. Бойцы с детским восторгом оглядывались кругом.

Из-за поворота неожиданно появилась наполненная людьми грузовая машина. Уже ясно было видно развевающееся Красное знамя.

Мы пошли быстрее. Это рабочая делегация выехала встречать Красную Армию. Мы обменялись крепкими рукопожатиями. Несколько рабочих и одна работница со слезами радости на глазах бросились обнимать и целовать нас. Один из делегатов передал привет от ревкома и рабочих Севастополя. Он сказал, что весь город поднялся на ноги встречать Красную Армию и в деревне, в 5 километрах от Севастополя, приготовлен обед.

Делегаты рассказали, что 14 ноября, погрузившись на суда, Врангель ушел в море. Подпольный ревком принял на себя всю полноту власти в городе.

...Приближаясь к Севастополю, мы увидели идущие навстречу толпы народа во главе с Севастопольским ревкомом. Товарищи преподнесли нам хлеб-соль и поздравили с победоносным разгромом Врангеля. Крики «ура!», букеты цветов, летящие вверх шапки!

Только выступили мы на улицу, как полились звуки «Интернационала». Наш путь до памятника Нахимову был сплошным триумфальным шествием...

Наконец мы на Нахимовской набережной... Выстроились. Прибыли товарищи из штаба бригады. Командир отрапортовал:

— Приказ выполнен. Полк в 16.30, на полчаса раньше срока, занял Севастополь. Отставших нет. Настроение бойцов и командиров исключительно высокое» [1].

...За героический прорыв укреплений врага при входе в Крым 51-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почетное наименование

[1] Перекоп: Сборник воспоминаний, с. 250—252.

Перекопской. Тогда же Реввоенсовет Южного фронта наградил ее начальника вторым орденом Красного Знамени, а С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов подарили ему именные часы с надписью: «Красному вождю и победителю на Перекопе и Юшуне... Начдиву 51-й В. К. Блюхеру от РВС 1-й Конной».

Помню, рассказывая как-то нам о Перекопе, отец перебросил мостики и в наши дни:

— А сейчас, дети, паровозы поездов, минуя Турецкий вал, подают тревожные гудки. Слышал я их и на Чонгаре, штурмовали который мои бывшие уральские партизаны — бойцы 30-й дивизии. Гудки звучат в честь тех, кто погиб, защищая родную Советскую власть. Они зовут молодых брать за образцы героев, следовать им и быть готовыми к такой же славной защите великого дела Октября...

Мечтал я в детстве побывать в тех местах, чтобы самому послушать эти гудки-салюты. Тогда не довелось. Услышал их спустя сорок с лишним лет...

Близ обелиска в честь побед советских воинов на Перекопе через Турецкий вал проходит железнодорожная линия. Приближение поезда я не заметил. Он сам заявил о себе протяжным гудком тепловоза. И тогда я вспомнил не только об отце, но и о старшем брате Всеволоде [1]. Вспомнил о всех его сверстниках. Это они приняли в роковом 41-м боевую эстафету гвардейцев Октября. Стояли насмерть, обороняя Одессу и Севастополь, Москву и Ленинград... Они же были и героями второго легендарного штурма Перекопа.

Гудок тепловоза звучал тревожно и в то же время торжественно. Он не только воздавал честь погибшим, но и славил победителей. А среди них были и те, кто пришел сюда, на эту священную землю, уже в мирные годы и стал творцом третьего победоносного Перекопского штурма. Памятник себе здесь они установили сами.

Вот он, рядом, их рукотворный Северо-Крымский канал. Взяв воды из Днепра у Новой Каховки, пролег прямой стрелой по Перекопу, рассек надвое Турецкий вал и, пробившись между солеными озерами былых Юшуньских

---

[1] Сын полководца Блюхер Всеволод Васильевич родился в 1922 году. Участвовал в Великой Отечественной войне. За героизм, проявленный при форсировании Вислы, был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Эту высокую награду он получил в 1963 году в Кремле из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояна.

позиций, разделился на множество рукавов, чтобы сполна наполнить жаждущие крымские степи от Красноперекопска до Раздольного, Джанкоя и Керчи.

Эта искусственная речная артерия, равной которой нет в Европе, дает ежегодно Крыму 5 миллиардов кубометров воды. Только на земли Красноперекопского района ее поступает до 150 кубометров в секунду — столько, сколько несет в себе река Ингул при впадении в Южный Буг.

Красноперекопск... Как знать, возможно, именно отсюда послал 11 ноября 1920 года начдив 51-й «Всем, всем, всем!» — свою победную радиореляцию. Тогда ведь здесь кончались укрепления белых и построек тут не было никаких — одна солончаковая степь.

Начало Красноперекопску дал заложенный в 1932 году поселок, а статут города он получил в 1966 году. И этому во многом помогли строители Северо-Крымского канала.

В Красноперекопске ныне воздвигнут мемориал «Три штурма Перекопа». У входа в городской парк за гигантской скульптурной фигурой героя-бойца, героя-созидателя — три пилона. В верхней их части даты трех исторических перекопских сражений, двух боевых — «1920», «1944» и третьего мирного — «1963». А у оснований монолитов чугунные плиты с вдохновенными стихотворными строками:

1920
Мы вас никогда не забудем,
герои
Далекой суровой
гражданской войны,
Вы храбро сражались
под алой звездою
За светлое завтра
Советской страны.

1944
Здесь бой
с фашизмом —
яростный и правый,
Вел богатырь —
советский человек.
Герои Перекопа,
Ваша слава
В народной памяти
останется
навек.

1963

Днепр землю напоил,
и ярко степь цветет,
И славен труд
хозяев
новой жизни.
Все может сделать
труженик-народ,
Идущий ленинской
дорогой к коммунизму!

У мемориала припомнились мне рассказы наших студентов о красноперекопских встречах. Для них, начавших жизнь на рубеже шестидесятых годов, и 1963-й — сама история. Здесь им был оказан особенно теплый прием. На Турецком валу их дожидались пионеры-фрунзенцы. Празднично нарядные, в буденовках, с красноармейскими «разговорами» на белоснежных рубашках, они познакомили уральских гостей со всеми достопримечательностями города, а затем пригласили в свой школьный музей.

Десять лет добивались ученики Красноперекопской средней школы № 2 права носить имя выдающегося пролетарского полководца Михаила Васильевича Фрунзе и отличной учебой, примерным поведением, добрыми тимуровскими делами, большой следопытской работой заслужили это почетное право. Имя М. В. Фрунзе присвоено школе постановлением Совета Министров Украинской ССР.

Юные фрунзенцы учатся в новом здании, которое строили их отцы и матери — рабочие и работницы Перекопхимстроя, а свой богатейший школьный историко-революционный музей они создали собственными руками под руководством неутомимой Галины Ивановны Полосковой.

Вечером вся наша экспедиция собралась в прекрасном городском Дворце культуры. От имени тружеников орденоносной Крымской области, два города которой — Севастополь и Керчь — несут на своих знаменах Золотые звезды Героев Отчизны, уральцев приветствовал заместитель председателя исполкома Красноперекопского Совета народных депутатов В. И. Каракаш.

— Наш Перекоп,— сказал, выступая, первый секретарь горкома комсомола Валерий Дьяченко,— стоит в одном ряду с Кронштадтом и Нарвой, Каховкой и Волочаевкой. В честь 60-летия первого штурма Перекопа все

участники школьных военно-спортивных игр «Зарница» и «Орленок» «с боем» брали Турецкий вал, а восемь тысяч комсомольцев совершили переход через Сиваш от Строгоновки до Литовского полуострова... Гордостью молодых является также Северо-Крымский канал. Трудятся на нем ребята и девчата с энтузиазмом героев легендарных перекопских штурмов.

На вечере свердловские студенты передали молодым красноперекопцам землю с братской могилы уральских коммунаров, а самодеятельные артисты порадовали их новой песней о героях 51-й стрелковой дивизии, созданной ими на слова поэта Эдуарда Багрицкого. Здесь, в Красноперекопске, они пели ее с особым подъемом:

...И снова бой. От дымного потопа
Не уберечься, не уйти назад.
Горячим ветром тянет с Перекопа,
Гудит пожар, и пушки голосят.

О трудная и тягостная слава!
В лиманах едких стоя босиком,
В соленом зное, медленном, как лава,
Мы сторожим, склонившись над ружьем...

И Перекоп перешагнув кровавый,
Прославив молот и крестьянский серп,
Мы торжествующею славой
Свой пятипалый окружили герб.

«И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...»

Свое тридцатилетие отец встретил в освобожденном от врангелевцев Крыму спустя две недели после дня 16 ноября 1920 года, когда Михаил Васильевич Фрунзе со станции Джанкой телеграфно доложил Председателю Совета Народных Комиссаров Республики: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

А вскоре и Владимир Ильич Ленин, дав в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов высокую оценку необыкновенному героизму Красной Армии в завершающих боях с полчищами Врангеля, объявил уже всей стране, всему миру: «Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной» [1].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.

В конце 1920 года пришел долгожданный мир в города и села Республики Советов. Но ее защитникам рано было выпускать оружие из рук, и далеко не все из них сразу же зажили мирной боевой учебой. Отцу такая судьба, по существу, не была уготована до конца дней его.

В начале июня 1921 года начдив 51-й, одновременно исполнявший обязанности начальника Одесского гарнизона и всех войск губернии, срочно был вызван в Москву, в Центральный Комитет партии. Там состоялось решение о его назначении военным министром Дальневосточной республики и главнокомандующим ее Народно-революционной армией.

С той поры, за исключением двух-трех лет, проведенных на службе в западных военных округах, вся жизнь отца была неразрывно связана с Дальним Востоком.

Кто-кто, а командиры, политработники, да, пожалуй, и все бойцы уральских 51-й и 30-й дивизий, прибывших на Южный фронт из далекой Сибири, отлично знали, что это за Дальневосточная республика и во имя чего она создана.

После сокрушительного разгрома остатков армии Колчака в районе Красноярска и заключения перемирия с командованием белочешских войск стало очевидным, что восстановление Советской власти на всей территории Сибири — дело считанных недель. Однако Россия Сибирью не кончается, за нею на тысячи верст раскинулся Дальний Восток...

7 марта 1920 года полки 30-й дивизии вступили в Иркутск. Сразу же к Байкалу начали стягиваться и другие соединения 5-й армии. Но тот, кто думал, что эта концентрация диктуется задачами такого же быстрого освобождения Забайкалья и Дальнего Востока, глубоко ошибался — войскам армии был отдан строжайший приказ прочно закрепиться на рубеже озеро Байкал — река Селенга — граница с Монголией, оказав тем самым максимум содействия созданию под руководством большевиков Дальневосточного «буферного» государства, которому предстояло стать самостоятельной демократической республикой, тесно связанной с РСФСР и опирающейся на ее мощь.

Старшие командиры знали, с каким гневом обрушился Владимир Ильич Ленин на слепцов, не понявших всю мудрость этой политики партии на Дальнем Востоке. В телеграмме РВС Республики и Реввоенсовету 5-й ар-

мии от 19 февраля 1920 года Председатель Совнаркома со всей категоричностью указывал: «Надо бешено изругать противников буферного государства... погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: «Ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию». Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление» [1].

Дальневосточная республика была создана в апреле того же двадцатого года на территории Забайкальской, Амурской, Приморской, Камчатской областей и Северного Сахалина. Образование ДВР как государства по форме буржуазно-демократического, по существу, проводившего советскую политику, отвечало интересам РСФСР, стремившейся обеспечить себе длительную передышку на Восточном фронте и избежать войны с Японией.

Войска 5-й армии, восстановив Советскую власть на огромных просторах от Урала и до Байкала, закрыв на крепкий замок восточные границы страны и оказав эффективную поддержку формированию из партизанских отрядов Народно-революционной армии ДВР, вскоре в большинстве своем передислоцировались на западные театры военных действий. Первой на Польский фронт отбыла 27-я Омская. Следом полетели за Урал по «зеленой улице» эшелоны 51-й. В августе пришел черед распроститься с Прибайкальем 30-й Иркутской, и всю границу с ДВР и Монголией приняла под свою охрану одна 35-я стрелковая дивизия.

Но и в конце 1920 года, когда был заключен мир с Польшей и разгромлена армия Врангеля, присоединение к РСФСР Дальнего Востока, на окраинах которого еще находились войска японских оккупантов, не стало ближайшей задачей дня. В. И. Ленин, выступая с докладом о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов, подчеркивал: «...вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна» [2].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 137.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 93.

Однако контрреволюционные банды, окопавшиеся в Монголии и Маньчжурии, ждать себя не заставили. 26 мая 1921 года белогвардейцы при поддержке японских интервентов свергли Приморское областное управление Дальневосточной республики и поставили у власти Приамурское временное правительство во главе с фабрикантами братьями Меркуловыми. Одновременно в пределы ДВР, близ Троицко-Савска, из Монголии вторглись унгерновцы, нацелившиеся захватить и разрушить Кругобайкальскую железную дорогу, чтобы отрезать Дальневосточную республику от РСФСР, а затем и уничтожить в ней все завоевания трудового народа.

4 июня 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) при участии В. И. Ленина обсудило положение в Дальневосточной республике[1].

«Остатки российской контрреволюции при поддержке мирового капитала и содействии японского командования стремятся создать на территории ДВР главную базу своих дальнейших действий против Сибири и всей РСФСР...— говорилось в принятом решении.— Дальнейшее распространение на территории ДВР белогвардейщины может превратиться в серьезную опасность для РСФСР, стать угрозой возобновления гражданской войны, образования внешних фронтов и возобновления международным капиталом частичной или полной блокады РСФСР»[2].

Решение обязывало Дальбюро ЦК РКП(б) «призвать партийные организации и все население ДВР к напряжению всех сил, необходимости новых жертв, дабы изгнать белогвардейщину из пределов ДВР»[3].

При стечении столь сложных обстоятельств и был выдвинут на посты военного министра и главнокомандующего Народно-революционной армией ДВР первый краснознаменец Республики, герой Каховки и Перекопа. В. К. Блюхер должен был осуществить разгром белогвардейских войск на Дальнем Востоке, не допустив развязывания войны с Японией, во имя чего ЦК партии предоставил ему чрезвычайные полномочия: «Принять все меры по укреплению мощности армии... подчинив этой задаче все остальное»[4].

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 546.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 255.
[3] Там же.
[4] Там же.

Мои школьные годы прошли своеобразно. Мама преподавала языки в Московской военной академии, а местом постоянной службы отца вновь стал Дальний Восток, и я на каникулы ездил к нему.

Порой отец определял меня в попутчики кому-нибудь из близких друзей. Помнится, довелось как-то ехать даже с самим начальником Главного политического управления РККА Я. Б. Гамарником, и у Байкала произошел такой эпизод. Как только за окном вагона открылась необъятная водная гладь, Ян Борисович в полную силу своего красивого голоса запел:

Славное море, священный Байкал...

Ехавшие с ним товарищи подхватили песню, а я молчал.

— Почему не поешь со всеми? — строго спросил армейский комиссар 1-го ранга.

— Слов не знаю...

— Да это ж одна из любимых песен твоего отца,— тряхнул черной окладистой бородой Гамарник.— Как ты не слышал ее?

— Не слышал. Все выходило так, что Байкал проезжали ночью, когда я спал...

— Ну, сейчас не поспишь. Учи песню, повторяй за мной. Не осилишь — высажу в Улан-Удэ и отправлю обратно в Москву.

Я принял эти слова всерьез и, конечно, постарался, чтобы Ян Борисович не привел их в исполнение. И после, при встрече с Байкалом, с кем бы ни ехал, всегда первым начинал знаменитую песню про славное море...

Во взрослую пору подобные поездки возобновились в середине шестидесятых годов, когда я стал начальником Главного управления ремонтных заводов и служб главного механика Минцветмета СССР. Прописка была московская, а поле деятельности — от Хибин до Магадана, от Норильска и до границ с Китаем. В то время объездил-облетал чуть ли не все города, в которых протекала боевая жизнь отца на востоке страны. Часто бывал в Иркутске и Чите, Хабаровске и Владивостоке, близко узнал и подружился там со многими былыми геройскими народоармейцами, со славными воинами Особой Краснознаменной дальневосточной армии.

С возвращением из Москвы в Свердловск, когда я принял обязанности генерального директора производст-

венного объединения Уралэлектротяжмаш, командировок на край земли, естественно, не стало. Но спустя десять лет родные с детства места нежданно-негаданно вновь вошли в мою, так сказать, рабочую зону.

В 1981 году Госкомитет СССР по профтехобразованию одобрил предложения о создании на Дальнем Востоке филиала Свердловского инженерно-педагогического института для обеспечения профтехучилищ Камчатки, Сахалина, Приморского и Хабаровского краев высококвалифицированными преподавательскими кадрами.

Потребовалось определить, в каком из дальневосточных городов быть нашему филиалу, и я, как ректор, провел эту далекую и столь заманчивую для меня разведку.

Поездка оказалась примечательной и тем, что совершить ее мне выпало накануне новых юбилейных торжеств — 60-летия полного освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов. Не изменив правилу, выработанному при освоении прежних военных дорог отца, отправился в завершающее путешествие в годы гражданской с багажом капитально пополненных знаний о Дальневосточной республике и ее армии, постаравшись во всех деталях изучить, какими путями шли народоармейцы к боям, ставшим, как говорил отец, «рубиконом между недостаточно организованной партизанской борьбой за Советский Дальний Восток и зарождением новой регулярной армии», шли к своей волочаевской победе, названной в народе вторым, дальневосточным Перекопом.

Из Свердловска вылетели в час ночи по местному времени. Реактивный воздушный лайнер через каждые шестьдесят минут отщелкивает рубежи часовых поясов. Можно бы и вздремнуть, но сон не шел. То ли от волнения, то ли от того, что организм сам собой настроился на скоростную временную адаптацию.

Полчаса — и мы уже за Тюменью. Сказка. А в девятнадцатом? Четыре недели с боями пробивались красные полки от Екатеринбурга к «воротам Сибири» и потом еще три с лишним месяца колесили по лесам и топям, вырываясь из огненных мешков вражеского окружения и нанося неожиданные удары по тылам и флангам колчаковцев, пока не пробились к Иртышу и не помчали по снежным зимникам прямиком от Тобольска к Таре и Омску. Изо всех сил спешили, преследуя неприятеля, но опять на дорогу ушло три недели.

Сейчас же еще полчаса — и Омск далеко позади. Где-то под нами тем же курсом на восток устремилась великая Сибирская железнодорожная магистраль. И снова мысли вернули прошлое, высветили лето 1920 года. Удивительно скоро для тех времен катили в эшелонах от станции Ангара на встречу с Каховкой и Перекопом воины 51-й стрелковой дивизии. Столь быструю их переброску с фронта на фронт обеспечили не только железнодорожники...

Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо,—

вспомнился Василий Теркин. И не случайно. Ведь таким же «дельным стариком» в ту пору стал и начдив Василий Блюхер. Он распорядился при погрузке в вагоны не гасить топки полевых кухонь и продолжать, как и обычно, готовить в них щи да кашу. Никто прежде до такого, говорят, еще не додумывался. Пустяк вроде бы, но с кухнями, действующими, так сказать, на двойных колесах, ехалось всем сытно, весело, да и стоянки в пути делались лишь для дозаправки и смены паровозов.

Только представил эти картины, как в салоне прозвучал голос стюардессы: «Опустите откидные столики. Приготовьтесь к завтраку». После ранней трапезы, завершенной чашечкой обжигающего черного кофе, сон, разумеется, сняло начисто.

Рассвет встретили за Братском. Вот-вот и Байкал пересечем. Эх, грянуть бы давнюю песню! Но самолет — не поезд, распевать в нем не принято. И стихи вслух не выпалишь. Но сдержаться не мог, нашептал про себя:

Душа полна, как ветром парус,
Какая даль распочата!..

А потом достал из портфеля давнюю спутницу многих моих поездок — синюю книжицу со статьями и речами отца. Открылась она на первой странице его доклада в ЦК РКП(б) «О состоянии Народно-революционной армии Дальневосточной республики к лету 1921 г.». Открылась потому, что именно здесь оказалась бесценная для меня фотография, запечатлевшая боевых соратников отца, старых большевиков, ветеранов революционного движения и гражданской войны. Сделана она была в Москве 28 октября 1962 года, в день, когда этим славным товарищам в ознаменование 40-летия освобождения Дальнего Вос-

тока от белогвардейцев и интервентов вручили ордена Красного Знамени.

Дальневосточники гордятся ими, этими геройскими людьми. В центре — Федор Николаевич Петров, член РСДРП с 1896 года, ученик В. И. Ленина. Отбывал каторгу в Шлиссельбургской крепости, был сослан на вечное поселение в Сибирь. После Октября устанавливал Советскую власть в Иркутске, сражался в партизанских отрядах против Колчака, член Дальбюро ЦК РКП(б), заместитель Председателя Совета Министров Дальневосточной республики. Слева от старейшины большевиков Моисей Израилевич Губельман, член партии с 1902 года, организатор первых забайкальских рабочих боевых дружин, политкаторжанин. В годы гражданской войны поднимал партизанское движение в Приморье, являлся членом Дальбюро ЦК РКП(б) и одновременно был членом Военного совета НРА Дальневосточной республики. Это с него, утверждают приморцы, Александр Фадеев писал известного героя Левинсона.

Позади седовласых стариков — Ольга Андреевна Лазо, большевик с 1914 года, участница подпольных организаций, боевая подруга легендарного Сергея Лазо, прошедшая с ним в партизанских отрядах все пути гражданской войны...

Счастлив, что судьба подарила мне не одну встречу с этими замечательными людьми, что слышал их живые, волнующие рассказы о днях, слава которых не смолкнет и не померкнет никогда.

Ветераны подарили мне несколько лет назад эту памятную фотографию, подробно представив незнакомых до той поры остальных участников торжественной съемки — В. А. Бородавкина и С. Г. Вележева — крупных партийных и партизанских руководителей Забайкалья и Приамурья, а также непосредственных организаторов Волочаевского боя А. В. Сухомлина и В. Я. Плясafкина, ставших впоследствии видными военачальниками, генералами Советской Армии.

— Но все мы,— говорили ветераны,— с великой готовностью уступили бы тогда здесь свои места другим, куда более заслуженным товарищам. Кому? Конечно же, прежде всего Василию Константиновичу Блюхеру, а также Павлу Петровичу Постышеву, Степану Михайловичу Серышеву, Николаю Дмитриевичу Томину и Якову Захаровичу Покусу...

В кругу таких друзей-сподвижников и довелось отцу исполнять новое ответственнейшее поручение партии. Тут кроме командирской воли, мастерства требовалась и мудрость государственного деятеля. А если так, надо уметь не только повелевать другими, но и самому учиться, учиться.

Свой первый доклад в Центральный Комитет РКП(б) вновь назначенный военный министр и главком всеми вооруженными силами Дальневосточной республики начал со слов: «Прибыв в Читу и ознакомившись с состоянием армии, нашел, что армия переживает катастрофическое положение» [1].

О том же свидетельствовал и вошедший в состав Военного совета НРА член Дальбюро ЦК РКП(б) М. И. Губельман. Народно-революционная армия, вспоминал он, была в значительной мере настроена партизански, слабо дисциплинирована, плохо вооружена, исключительно плохо одета, с питанием дело было поставлено из ряда вон плохо, народоармейцы и командный состав армии долгое время не получали жалованья. Можно было только удивляться, что в этих условиях НРА благодаря героической работе Коммунистической партии сохранила революционный дух, преданность идеям социализма и волю к победе.

А вот как запомнилась первая встреча с новым военным министром республики большевику с 1909 года, командиру одного из партизанских отрядов Амурской области В. А. Бородавкину. «Это было в 1921 году в Чите,— вспоминал он.— Там проходила работа дальневосточного Учредительного собрания. Нам сообщили, что вечером состоится заседание фракции большевиков, где будет делать доклад военный министр — главнокомандующий НРА товарищ Блюхер. Большинство из нас товарища Блюхера не знало, а также не знали мы о его боевых делах и заслугах.

Открылось собрание фракции. Слово предоставляется товарищу Блюхеру. На трибуну вышел крепко сложенный, немного выше среднего роста человек и начал говорить:

— Товарищи, мы на Урале и в Сибири били колчаковскую армию как бойцы и командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Здесь, в пределах ДВР — от берегов Селенги до вод Тихого океана, Камчатки, Саха-

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 65.

лина и Курил,— мы вместе с вами будем уничтожать врагов нового социалистического общества как бойцы и командиры Народно-революционной армии. Форма нашей армии другая — я имею сведения, что некоторые наши командиры не хотят носить форму командиров НРА, говорят: «Зачем мне этот синий ромб-тряпка?» Я знаю, вы здесь в большинстве своем партизанские командиры, партийный актив. Ничего не поделаете, товарищи, как бы вам это ни не нравилось, а форму НРА надо надевать. Наша армия в ДВР должна быть такой же дисциплинированной, как и Красная Армия. Этого требует международная обстановка. Это — приказ Центрального Комитета партии, Владимира Ильича Ленина. А их приказы надо безоговорочно выполнять. Такой у меня выработался характер и любовь к выполнению приказов нашей партии.

Затем В. К. Блюхер начал говорить о стоящих перед нами задачах, вставляя «круглые» юмористические словечки, чем быстро расположил к себе буквально всю аудиторию... Сложилось общее мнение о Блюхере: парень свой, вояка, этот дело знает!»

По настоянию посланца ЦК РКП(б) правительство ДВР принимает решение о создании Военного совета НРА, который становится высшим коллегиальным органом управления всеми вооруженными силами республики. Возглавив совет, отец, бывший три года назад главкомом уральских красных партизан, «со всей решительностью взялся за искоренение в армии духа партизанщины», ибо для него «было очевидно, что с таким партизанским формированием, которое было на Дальнем Востоке, говорить о серьезной войне за социалистическую Родину невозможно». Пошел на это и потому, что по опыту строительства РККА знал: «Партизанские отряды необходимы для дезорганизации тыла противника, для его ослабления, но они не могут обеспечить победоносных наступательных действий» [1].

Борьбу за укрепление армии председатель Военного совета начал с ее реорганизации и... резкого сокращения численности войск.

«Когда мы начали партизанские отряды превращать в регулярную армию,— вспоминал отец на слете участников волочаевских боев в феврале 1937 года,— это не

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, л. 35, об.

только сокращало тылы, но и обеспечивало повиновение, выполнение приказов. Наряду с этим, как вам известно, наша армия стала менять свой возрастной состав. В ходе реорганизации мы пытались сделать армию однородной по возрасту и по физической выносливости. До реорганизации в армии состояли бойцы в возрасте от 15 до 70 лет, что было явно ненормально» [1].

В приказе № 3 от 30 июня 1921 года председатель Военного совета главком НРА В. К. Блюхер и член Военного совета М. И. Губельман указывали: «Только хорошо обученные, идейно воспитанные, спаянные сознательной революционной дисциплиной бойцы смогут составить крепкие, надежные боевые ряды, способные на выполнение ответственных задач, и подготовка таких бойцов является нашей первой неотложной задачей» [2].

В создании кадровой, строго дисциплинированной армии особое значение придавалось партийно-политическому аппарату, для укрепления и улучшения работы которого было образовано военно-политическое управление НРА.

Организационная перестройка протекала в обстановке продолжающихся боев с бандами барона Унгерна. И чисто боевые дела отец решал, действуя рука об руку с М. И. Губельманом, широко привлекая к этой работе и других членов Военного совета НРА.

А позже ему довелось длительное время трудиться в самом непосредственном контакте с Ф. Н. Петровым, и притом не в столице республики, а далеко за ее пределами — в китайском городе Дайрене. В 1921 году заместитель премьер-министра возглавлял на конференции с представителями Японии делегацию Дальневосточной республики. Когда переговоры зашли в тупик, Ф. Н. Петров обратился к правительству с просьбой командировать в Дайрен военного министра ДВР и главкома НРА.

По свидетельству Федора Николаевича, В. К. Блюхер сыграл большую роль в ведении переговоров с японцами, твердо и решительно отвергнув все 17 пунктов их требований, принятие которых грозило превращением российского Дальнего Востока в колониальный придаток империалистов Страны восходящего солнца.

А вот что вспоминал в 1937 году отец о первой в своей жизни дипломатической миссии: «Провожая меня с конференции, говорили (имеются в виду японцы.— *В. Б.*):

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 171—172.
[2] Там же, с. 201.

«Желаем вам счастливо доехать до Читы, мы боимся, что вы опоздаете». А сказано это было потому, что если мы не захотим подписать договор, то они найдут другое правительство. Поскольку договор мы не подписали, а марионеточному правительству надо было создать территорию, японцы спешно подготовили наступление белогвардейских армий.

Правда, я на проводах сказал, что «я не сомневаюсь приехать в Читу, а переговоры, если нужно будет начать, мы начнем во Владивостоке».

События же развивались следующим образом. Еще до отъезда военного министра ДВР из Дайрена, 30 ноября 1921 года, японские генералы впустили в «нейтральную зону» состав, в вагонах которого находились запломбированные ящики с надписями: «Груз потребительского общества». Их охрану до станции Шмаковка несли японские часовые, но при подходе к границе «нейтралки» хозяевами непонятного груза стали белоповстанцы, подошедшие сюда пешком и без оружия. В момент были сорваны пломбы. Во вскрытых ящиках оказались винтовки, пулеметы. Офицеры, проследив за вооружением подчиненных, собрали взводы и роты, а через некоторое время эти подразделения были сведены в батальоны и, приняв боевые порядки, вторглись на территорию ДВР.

2 декабря ударная белоповстанческая группировка сбила слабые заслоны НРА в районе станции Иман и стала, используя свое численное превосходство, быстро продвигаться вдоль линии железной дороги в направлении Хабаровска.

В Читу отец не опоздал — приехал 18 декабря, но отвести угрозу от Хабаровска не успел. На следующий день, наступая по фронту и широко применяя обход флангов через китайскую территорию, белоповстанцы вышли к столице Приамурья. Были отданы четкие распоряжения об организации прочной обороны города, однако командование вновь созданного Восточного фронта не сумело выполнить первейшее указание главкома о создании сильной группы войск в районе Казакевичево, и Хабаровск пришлось сдать.

В ночь на 22 декабря части НРА отошли на левый берег Амура, а пять дней спустя отступили на станцию Ин. Противник предпринял попытку окружить и уничтожить собравшихся здесь народоармейцев, но был разбит и отброшен к станции Волочаевка.

Волочаевка... Совсем молоды были ее герои, а некогда глухая приамурская деревушка стала уже известной не только в нашей стране.

Накануне празднования пятнадцатилетия волочаевских боев отец почему-то завел с нами, детьми, разговор о Германии, куда он ездил еще в начале тридцатых годов, и припомнил такой эпизод:

— В Берлине я лучше всего чувствовал себя в Веддинге. Это пролетарский район, ну как Красная Пресня в Москве. Зашел в клуб. Там показывали советский фильм. И, знаете, просмотрев картину, рабочие сначала тихо, а потом полным голосом запели нашу знаменитую дальневосточную песню...

— «По долинам и по взгорьям», да? — сразу выпалил старший брат Всеволод.

— Постой же, неверно,— насупился отец.— Сколько твердил вам — не так! «По долинам, по загорьям...» — начинают ее бывалые партизаны и дальше поют иначе.

— Пап, а все-таки «наливалися знамена кумачом последних ран»,— попробовал возразить старший брат,— звучит сильнее, чем...— и Сева запел:

Развевалися знамена,
Из тайги на вражий стан
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

— Вот так и сильнее, и, главное, вернее. А ну-ка вместе:

И останутся как сказка,
Как манящие огни
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни...

Этот же эпизод с песней, услышанной в Берлине, отец привел в своей речи 22 февраля 1937 года на собрании участников гражданской войны на Дальнем Востоке, заключив его словами: «Видите, как далеко за пределы горы Июнь-Корань и нашего с вами Хабаровска выходит значение Волочаевки...»

В годы давних поездок из Москвы в Хабаровск, после того как за вагонными окнами неспешно проплывет сказочная Июнь-Корань с алым стягом и фигурой красного воина в длиннополой шинели на вершине сопки, отец, выдержав в строгости минуту молчания, твердо чеканил:

— Все. Считайте, мы — дома...

Теперь и хабаровчане, и гости их, сокращающие посредством авиации сверхдальние расстояния, лишены возможности еще до встречи с городом воздать должное бессмертному подвигу геройских народоармейцев, которые в далеком двадцать втором сделали под Волочаевкой решающий шаг к окончательному освобождению от белогвардейцев и интервентов Хабаровска и всего Дальнего Востока.

Но есть у дней сегодняшних и неоспоримое преимущество перед нашим довоенным прошлым: чтобы встретиться с Волочаевкой, ныне можно и не покидать Хабаровска, она как бы сама переместилась в город и стала главным объектом священного поклонения всех, кто заходит в музей обширнейшего края, столь богатого своими революционными, боевыми и трудовыми традициями.

Наутро после вступления на дальневосточную землю я направился прежде всего сюда, на первую свою встречу с панорамой «Волочаевская битва». Это величественное (его размеры — 40 метров по окружности и 6 метров в высоту) творение искусства выполнено московскими художниками-баталистами С. А. Агаповым и А. А. Горпенко. Торжественное открытие панорамы состоялось в 1975 году.

Крутая винтообразная лестница словно бы ведет на сопку Июнь-Корань. Со смотровой площадки отлично прослеживается вся окружающая местность. Экскурсовод предлагает начать обзор панорамы с ее юго-западного сектора, откуда ведут наступление главные силы Народнореволюционной армии — части Сводной бригады Якова Захаровича Покуса: Особого Амурского, 5-го, 6-го (пока еще не Краснознаменного и не Волочаевского) и 3-го Читинского полков. Кадровые бойцы в форменной одежде НРА, партизаны в крестьянских нагольных полушубках, в мохнатых малахаях.

Пристанционная деревушка Волочаевка уже занята народоармейцами. На одном из домов — красный флаг. В боевой действительности его, конечно же, не было. Это — явная демаскировка. Но простим живописцам их вольность, флаг им понадобился для того, чтобы мы, зрители, сразу же обратили внимание на то, где в завершающие часы трехдневной битвы находился штаб главкома В. К. Блюхера, его боевого комиссара П. П. Постышева и командующего Восточным фронтом С. М. Серышева.

Вдали, справа, бронепоезд № 8 И. А. Дробышевского атакует броневик врага. Боясь тарана и видя позади охваченный разгорающимся пламенем мост, беляки уходят из-под удара. За линией железной дороги совершает маневр Троицко-Савский кавалерийский полк...

И вновь возвращаемся взором к западному сектору панорамы. Здесь завязалась жаркая рукопашная схватка. С нашей стороны ее ведут бойцы 5-го и Особого Амурского полков. В руках командира 7-й роты 5-го стрелкового полка Волынцева Красное знамя. Вскоре оно будет установлено на вершине Июнь-Корани...

На переднем плане в добротно оборудованных траншеях недавние каппелевцы, семеновцы, все больше офицеры. Они дерутся яростно, но в окопах толчея, смятение.

А там вон, севернее, лавою летят конники 4-го кавполка, партизанских отрядов Шевчука и Петрова-Тетерина. Своим лихим налетом они усиливают в неприятельском стане и без того начавшуюся панику. По дороге на Хабаровск — вереницы отступающей артиллерии, пехоты, санитарных повозок. Перед ними тает дымок уходящего поезда, в одном из вагонов которого трясется в злости проигравший битву за Волочаевку генерал Молчанов...

Как ни ярка, впечатляюща панорама, но покинуть Хабаровск без посещения «живой» Июнь-Корани я не мог. Священные места боевой славы нашего народа всегда будят много-много дум, которые не придут к тебе при знакомстве даже с самыми исключительными шедеврами искусства...

В тот же день выехал поездом в сторону Ольгохты. Надо сказать, что у нас в стране давно уже не одна, а две станции Волочаевки. Волочаевка 2-я появилась с началом строительства железнодорожной ветки к Комсомольску-на-Амуре. Можно было, наверное, дать новой узловой станции на великой трансконтинентальной магистрали и другое название. Но имя Волочаевки, пусть и 2-й, согласитесь, куда привлекательней всех остальных, тем более что строителям-железнодорожникам с места разветвления линий в погожие дни отчетливо были видны и алый стяг на дальней сопке, и воин-победитель с винтовкой над бруствером вражьего окопа.

Словом, истинно волочаевские места приблизились к Хабаровску еще на несколько километров, и вершина

Июнь-Корани, ставшая братской могилой павших героев, с величественно строгим памятником над ней, памятником, утверждающим победу трудящихся Дальнего Востока над белогвардейскими бандами и японскими интервентами, ныне оказалась на перегоне между двумя станциями с одним и тем же названием.

Несколько напряженных, торжественных минут, и я схожу на платформу Волочаевки 1-й. Здание вокзала новое, из стекла и бетона. Просторный зал ожидания. Из него широкие лестничные марши ведут на второй этаж. Здесь музейная тишина. По углам в окружении раскидистых вечнозеленых олеандр подняты на высокие постаменты бюсты С. Г. Лазо и В. К. Блюхера. В жизни им не довелось свидеться. Легендарный Сергей Лазо был сожжен белогвардейцами в паровозной топке ровно за год до приезда отца на Дальний Восток. А тут, на Волочаевском вокзале, они всегда рядом.

Много отрадных перемен и в пристанционном поселке. Не мог не задержаться у недавно отстроенного двухэтажного каменного здания средней школы. В книжке об отце, изданной Дальгизом в 1937 году, приводится любопытный факт. После победного боя главкома остановили два старичка волочаевца и стали жаловаться, указывая на разбитую снарядами школу: «Где же теперь учиться ребятам?» — «Важно — белых выбили,— ответил главком.— Отгоним их дальше, разобьем до конца, тогда построим школу лучше этой...» И действительно волочаевская детвора вскоре же получила новую школу. Ну а теперь в ее распоряжении самая лучшая из всех прежних лучших.

Километр-полтора по шоссе к востоку — и поворот налево. Дорога к Июнь-Корани пролегла по улице, носящей имя командира знаменитого 8-го Тунгусского партизанского отряда И. П. Шевчука. В каких только переделках не бывал он! Иван Петрович Шевчук пал смертью храбрых на войне Великой Отечественной 30 октября 1942 года.

И вот я у подножия сопки. Знакомые с детства дубки, бегущие по склонам к вершине, стали выше, могучей, но сама Июнь-Корань на этот раз показалась ниже, приземистей. Видимо, потому, что невольно сравнивал ее с Извоз-горой, поднявшейся за тысячи километров отсюда, там, где кончается Азия и начинается Европа. Что и говорить, уральская Извоз-гора превосходит даль-

невосточную сестрицу своими масштабами, за исключением, конечно же, масштабов славы.

И сразу подумалось: а помнил ли здесь отец в лютоморозные дни февраля 1922 года о знойном июле 1918-го? Не мог не помнить: ведь победа над врагом, вновь окопавшимся на вершине почти неприступной горы, была не просто удачной операцией, а событием, означавшим победу в боях за власть Советов.

На заснеженном плато Июнь-Корани прохожу по заботливо расчищенной хранителями Волочаевского филиала краевого музея дорожке к огромной чугунной плите с надписью:

ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ СТО ВОСЕМНАДЦАТЬ БОРЦОВ
ЗА ПОБЕДУ СОВЕТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ,
ПАВШИХ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ
В БОРЬБЕ С БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ И ИНТЕРВЕНТАМИ
ПРИ ШТУРМЕ ВОЛОЧАЕВСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ
12 ФЕВРАЛЯ 1922 ГОДА...

Склоняю голову над братской могилой героев, которых изо дня в день осеняет алое полотнище стяга и которым так же изо дня в день салютует вскинутой ввысь трехлинейкой вечно юный народоармеец, взошедший еще в 1928 году на белокаменный бруствер-пьедестал своеобразнейшего Волочаевского мемориала.

А на правом его фланге такой же белокаменный памятник:

ГЕРОЮ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
ВАСИЛИЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ
БЛЮХЕРУ
ОТ ТРУДЯЩИХСЯ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ.

Ветераны-волочаевцы свидетельствуют: «Блюхер бывал повсюду и своим присутствием вдохновлял бойцов и командиров, заражал своей уверенностью в победе. В горячие моменты боя они видели рядом с собою знакомую фигуру человека в коротком полушубке и в заячьей шапке-ушанке...

Блюхер пристально следил за ходом боя и тут же на ходу отдавал приказания» [1].

Хорошо мне знакомый свердловский поэт Венедикт Станцев в поэме «Главком» одну из ее глав — «Выстрел третий» — целиком посвятил героям штурма Июнь-Корани. Заключается эта глава так:

Взята Волочаевка
голым штыком,
открыта дорога —
дорога к победе.
На сопку крутую
поднялся главком,
вьюга все билась,
как раненый лебедь.
И только притихли
два белых крыла,
он взялся за сердце:
Сдавило бинтами...
Сколько видел главком —
все лежали тела,
все усеяно было телами.
Он стоял на вершине
мороза лютей,
повторял чуть слышно
и скорбно:
— Сколько пало людей,
сколько пало людей,—
тихий крик,
разрывающий горло...
Ничто перед временем
сталь и гранит,
лишь слава героев
владеет веками;
всех доблестно павших
вот здесь схоронить —
на самой вершине Июнь-Корани.
Я не любитель
голубеньких фраз,
пусть будет такая
мне честь и награда:
когда бы ни пробил
последний мой час,
вот здесь схороните —
с героями рядом...

Действительно, по горячим следам событий председатель Военного совета НРА издал приказ: «Немедленно собрать тела всех, кто с беззаветной доблестью погиб в

---

[1] Маршал Советского Союза В. К. Блюхер. Хабаровск: Дальгиз, 1937, с. 27.

жестоком бою под Волочаевкой, и схоронить их в общей братской могиле на вершине сопки Июнь-Корань и над этой могилой воздвигнуть достойный памятник»[1].

О Волочаевской эпопее написано немало книг и научных работ, изданных в Москве, Новосибирске, Чите, Хабаровске и Владивостоке. Но особо среди них, как мне думается, должна быть выделена статья «О Волочаевском бое». Отец написал ее под самыми свежими впечатлениями для сборника «Борьба за Хабаровск», вышедшего из печати в Чите в том же 1922 году. Спустя десять лет эта статья была воспроизведена в другом сборнике — «И на Тихом океане...», который мне довелось впервые увидеть в Хабаровской краевой научной библиотеке. Позже эта статья нигде не публиковалась.

«После того,— писал отец во вступлении,— как целым рядом сокрушительных по силе и беспримерных по доблести ударов под Волочаевкой, Спасском, Казакевичевом и в других местах Народно-революционная армия опрокинула белоповстанческие банды, заставив их поспешно бежать из Хабаровска и отступать под защиту своих нанимателей-интервентов, является возможным более ярко и точно определить ту колоссальную боевую работу, которая выполнялась и выполняется нашими частями на фронте, и выяснить те тяжелейшие условия, при которых протекает их боевая деятельность».

Говоря о начале кампании, автор отмечал, что белоповстанческие части неожиданным и быстрым наступлением потеснили малочисленные, слабо снабженные и совершенно не подготовленные к боевым действиям передовые отряды НРА, расположенные по Уссурийской железной дороге, и вынудили их сначала к отходу на Хабаровск, а затем и к оставлению последнего.

Этот первый успех вскружил голову противнику, и он решил продвигаться далее по Амурской железной дороге, но уже под Ином в последних числах декабря он получил от народоармейцев столь значительный удар, что перешел к обороне и начал с лихорадочной быстротой закрепляться на линии Ольгохта — Хабаровск.

По своему кадровому составу, сравнительно с Народно-революционной армией, все части белоповстанческих отрядов имели высокую специальную подготовку и опытных командиров, хорошо питались, были тепло одеты и

---

[1] На рубеже, 1937, № 5, с. 5.

для сохранения боеспособности во время больших переходов перебрасывались на подводах.

В короткий срок белоповстанцы укрылись за целым рядом проволочных заграждений. Наиболее сильно была укреплена перед деревней Волочаевкой сопка Июнь-Корань, где проволокой опутывались не только колья, ее окружавшие, но и весь окрестный кустарник. Да и сама местность здесь создавала для противника крайне выгодные условия и позволяла ему организовать исключительно плотную систему ружейно-пулеметного и орудийного огня.

Любопытно заметить, что накануне решающего сражения за Волочаевку народоармейцы-разведчики сумели раздобыть секретный приказ генерала Молчанова за № 572, подписанный им 5 февраля 1922 года. В нем, в частности, было сказано: «Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. С победой мы живем, неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации» [1].

Ознакомившись с этим документом, главком НРА сделал вывод, что командование белоповстанческой армией прекрасно понимало, что нельзя было ограничиться только одним техническим оборудованием позиции, что для успеха, как никогда, необходима была стойкость и решительность частей, дабы, находясь за проволокой и нанося нам наибольшие потери, иметь возможность при удобном моменте перейти в контратаку и развить наступление на нас.

В то же время он давал себе полный отчет в том, какие огромные трудности выпали на долю его бойцов еще в дни подготовки к генеральному штурму сопки Июнь-Корань. Большая их часть состояла из только что мобилизованных и не обстрелянных по-настоящему народоармейцев. К тому же шесть суток до этого они находились под открытым небом, в снегу, на морозе, полуголодные. Но все, по примеру своих командиров, были охвачены единым революционным порывом, горели одним стремлением — победить. И победили!

«Много славных героев выбыло из наших полков, значительных жертв стоило для армии наступление, но столь страстно желаемая всеми победа венчала этот по-

---

[1] «И на Тихом океане...». М.; Хабаровск: ОГИЗ, 1932, с. 134.

истине редкий подвиг Волочаевского боя,— писал отец в заключительных строках своей статьи.— Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части, геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все.

Без ножниц, без каких бы то ни было приспособлений для резки проволоки бойцы собственными телами наваливались на проволоку и перекидывались через нее. Комсостав под бешеным огнем противника пробивал себе дорогу среди заграждений, разрубая проволоку и колья шашками.

Даже противник был восхищен подвигом наших частей. Полковник Аргунов, командовавший белоповстанческими частями района Волочаевки, убегая к Иману, сказал, что он всем этим красным героям Волочаевки дал бы по Георгиевскому кресту...

Потеряв Волочаевку, противник потерял веру в возможность успеха; наши же части, овладев этой цитаделью каппелевцев, реально почувствовали силу своего революционного духа и то, что для них доступна окончательная победа над отборными офицерскими частями противника.

Такую беспримерную храбрость, какую проявили народоармейцы в бою под Волочаевкой, мне приходилось редко видеть даже в Красной Армии» [1].

Небезынтересна и такая деталь: в то время, когда отец готовил статью для сборника «Борьба за Хабаровск», свои заметки о тех же событиях писал и некий подполковник В. Рустан-бек. Он уже находился в Китае и, как видно, за неимением русских изданий пристроил написанное в английской «Пекин Дейли Ньюс». Минуло десять лет, и статья В. Рустан-бека в переводе с английского появилась среди других материалов в книге «И на Тихом океане...». Думаю, составители этого сборника поступили правильно, опубликовав вполне объективные признания человека из лагеря наших врагов. Они служат еще одним весомым подтверждением величия всего содеянного бесстрашными борцами за Советский Дальний Восток.

Вот какие откровения делал бывший русский офицер, оказавшийся в стане белоэмигрантов: «Это было в суровую сибирскую зиму... Народная армия не имела теплой

---

[1] «И на Тихом океане...», с. 139—141.

одежды в достаточном количестве. Она не имела также избытка в пище, но зато она была насквозь пропитана революционным духом: люди решили или победить, или умереть.

Их противник, который успел уже захватить Хабаровск, ни в коем случае не мог считаться слабым или одержимым упадком духа... Обманутые своими вождями, они (белые.— *В. Б.*) бросались биться против своих же братьев, искренне веря, что они помогают воображаемым армиям, которые будто бы бьются на воображаемых фронтах и победоносно приближаются к Москве.

Лозунг белых был: «Вперед к Кремлю!» И они бились как львы. Бедные, ослепленные люди!

Но как велико было разочарование тех, которые остались в живых и которые должны были понять правду.

Первое наступление Народно-революционной армии было направлено на Волочаевку.

Главнокомандующий красными силами Блюхер делал все зависящее от него, чтобы избежать ненужного кровопролития. Его письмо, адресованное генералу Молчанову, предводителю белогвардейцев, было составлено в таких убедительно-трогательных словах, что едва ли история может указать на аналогичный прецедент. В письме к своему противнику главком Блюхер употреблял наиболее вежливый и выдержанный язык, взывая к национальному чувству русского генерала, но безрезультатно. Не получив ответа, Блюхер сдержал свое слово и начал атаку [1].

...Горячий бой продолжался три дня. Белые дрались с необычайной храбростью. Одна часть, состоявшая исключительно из офицеров, потеряла почти всех своих бойцов, и только шесть человек остались в живых.

Несмотря на то, что белые потерпели сильное поражение, отступили они в полном порядке. Но тактическая обстановка сделалась неблагоприятной для белых, и они принуждены были покинуть Хабаровск.

24 февраля, то есть спустя 10 дней, боевой фронт продвигающихся вперед красных достиг Розенгартовки, станции, расположенной на 110 миль к югу от Хабаровска» [2].

---

[1] Полный текст этого письма напечатан в сборнике «Борьба за Хабаровск». Чита, 1922, с. 87—88. В несколько сокращенном виде оно опубликовано в книге В. В. Душенькина «От солдата до маршала». М.: Политиздат, 1964, с. 157—158.

[2] «И на Тихом океане...», с. 141—142.

За день до этого, 23 февраля 1922 года, председатель Военного совета, военный министр и главком НРА ДВР направил второе письмо генералу Молчанову, которое начиналось словами: «Я еще раз, теперь уже в последний, призываю Вас, генерал, к честному благоразумию и искреннему отказу от той жестокой роли, которую чужая воля навязала Вам в последней кровавой затее интервентов и чужеземных капиталистов» [1].

Благоразумия белый генерал опять-таки не проявил, и после очередных поражений у станций Розенгартовка и Бикин воинственный дух его частей окончательно иссяк, их отступление стало беспорядочным.

19 марта народоармейцы подошли к городу Иману. Совершив маневр, они ударили во фланг противника с востока и овладели последним очагом вражеской обороны.

За станцией Уссури, где начиналась «нейтральная» зона, остатки разгромленной белой армии нашли защиту под штыками своих заморских покровителей. Во избежание развязывания войны с Японией главнокомандующий отдал частям НРА приказ остановиться на достигнутых рубежах. На несколько месяцев воцарилось затишье. Народно-революционная армия готовилась к новым боям за окончательное освобождение Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов.

Вскоре было принято решение ЦК РКП (б) об отзыве В. К. Блюхера в Москву. 4 июля 1922 года отец издал обращение к войскам Народно-революционной армии в связи с отъездом из Дальневосточной республики, а в пятницу, 7 июля, состоялось торжественное заседание Совета Министров ДВР, посвященное его проводам.

Местная газета писала об этом так: «Предсовмина горячо приветствует тов. Блюхера и, отмечая его необыкновенные труды, энергию и достижения на поприще создания военно-государственной мощи ДВР, указывая, что имя товарища Блюхера — незабвенно для бойцов холодной, голодной, но железной нарревармии и народа ДВР, вручает грамоту».

Грамота эта заканчивалась словами: «За Вашу работу на пользу революции и трудового народа Дальневосточной республики Совет Министров постановляет: зачислить Вас навсегда почетным бойцом Народно-револю-

---

[1] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 88.

ционной армии с занесением в списки первой роты шестого Волочаевского ордена Красного Знамени полка».

В октябре 1922 года внимание всей Советской Республики вновь было приковано к Дальнему Востоку, и командир 1-го стрелкового корпуса РККА — комендант Петроградского укрепленного района (таким было очередное назначение отца) особо пристально следил за новыми победами своего детища — Народно-революционной армии ДВР.

9 октября народоармейцы победно завершили «штурмовые ночи Спасска», 13-го в бою под селом Монастырище сбили последние заслоны белогвардейцев, а 20-го вынудили их и их хозяев — командование японских оккупационных войск — подписать на станции Седанка соглашение о полном очищении Владивостока.

Через два дня отец, как посланец питерцев во Всероссийский Центральный Комитет, выехал в Москву, на IV сессию ВЦИК девятого созыва, и в разгар ее работы с огромной радостью узнал о том, что 25 октября 1922 года части Народно-революционной армии вошли во Владивосток.

Газета «Правда» опубликовала ленинское приветствие освобожденному Приморью. «К пятилетию победоносной Октябрьской революции,— писал Председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ульянов (Ленин),— Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие Народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжелое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР» [1].

А 31 октября 1922 года В. К. Блюхер впервые видел и слышал Ильича. Ленин выступал с речью на заключительном заседании сессии ВЦИКа. Это было первое его публичное выступление после продолжительной болезни.

Сказав, что он ограничится лишь небольшими словами приветствия, Ильич заявил: «Прежде всего необходимо, конечно, направить наше приветствие Красной Армии, ко-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 236.

торая на днях показала еще раз свою доблесть, взяв Владивосток и очистив всю территорию последней из связанных с Советской Россией республик. Я уверен, что выражу общее мнение, если скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной Армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев. — Переждав взрыв аплодисментов, В. И. Ленин продолжал: — Я думаю, наша Красная Армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более или менее отдаленно с нами связанных». Далее Ильич говорил: «Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединенные Штаты Америки подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нем совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, если мы достигли того, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии» [1].

Конечно же, Блюхер вместе со всеми порадовался и этим словам Ильича. И вспомнился ему, может быть, в те минуты давний соратник Ленина по партии Федор Николаевич Петров, с кем так тесно сблизился он в дни Дайренской русско-японской конференции и кто приоткрыл дотоле неведомый ему мир дипломатии. Вспомнилась, быть может, и фраза, сказанная им японцам при отъезде из Дайрена: «Я не сомневаюсь приехать в Читу, а переговоры, если нужно будет начать, мы начнем во Владивостоке». Так ведь оно и стало, с той лишь небольшой поправкой, что японцы были вынуждены подписать свое заявление об уходе несколько раньше, когда части НРА находились на ближних подступах к Владивостоку. Но, разумеется, не знал и не думал тогда отец, что совсем скоро именно военно-дипломатическая работа станет на длительное время его главным партийным и государственным долгом.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 245—246.

ПО ПРОСЬБЕ СУНЬ ЯТ-СЕНА

В 1924 году отец был прикомандирован к Революционному совету Союза ССР для выполнения особо важных поручений и вскоре выехал за пределы Родины, получив ответственнейшее правительственное задание. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в статье «Герои живут в веках», опубликованной газетой «Правда» к 90-летию со дня рождения В. К. Блюхера, охарактеризовал суть этой поездки следующим образом: «Октябрьская социалистическая революция послужила толчком к подъему революционной борьбы во всем мире, пробудила и народы Дальнего Востока. Прогрессивные силы Китая во главе с доктором Сунь Ят-сеном поднялись на борьбу с иноземными угнетателями и продажными китайскими милитаристами. Осенью 1924 года Советское правительство по просьбе Сунь Ят-сена направило В. К. Блюхера под фамилией Галина в Южный Китай в качестве главного военного советника Кантонского правительства. Под его руководством был проведен в 1926 году Великий Северный поход» [1].

В Китае отец работал по август 1927 года с перерывом в восемь месяцев — с октября 1925-го по май 1926 года, когда в связи с резким ухудшением состояния здоровья выезжал на лечение в Советский Союз. По завершении заграничной командировки он собирался подготовить совместно с группой военных советников и издать книгу о Китае [2]. Однако чрезвычайная его занятость на посту командующего Особой Краснознаменной дальневосточной армией (ОКДВА) не позволила осуществить этот замысел.

Китайский период жизни и боевой деятельности отца давно вызывал у меня особый интерес. То было время, когда наиболее ярко проявились не только его полководческие способности и талант дипломата, но и высочайшие качества подлинного большевика-интернационалиста, умевшего глубоко проникать во все сферы общественно-политической, военной и экономической жизни Китая, трудовой народ которого под влиянием Великого Октяб-

---

[1] Правда, 1980, 30 нояб.

[2] См.: Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае. 1925—1927: Воспоминания. М., 1965, с. 253.

ря встал на путь борьбы за национальное и социальное освобождение.

Беззаветно служила тогда делу китайской революции и моя мама. Родилась она в Харькове, росла и воспитывалась в Харбине. Окончив позже Бестужевские курсы в Петрограде, начала с победой Советской власти работать в Российском телеграфном агентстве и вскоре была командирована в его пекинское отделение. Осенью 1923 года маму направили в аппарат главного политического советника при правительстве Сунь Ят-сена М. М. Бородина, а когда в Китай прибыл отец, она стала его ближайшей помощницей, взявшей на себя обязанности переводчицы, стенографистки и машинистки.

В пору моего детства отец и мама очень часто вспоминали о житье-бытье в Китае, но я был слишком мал, чтобы разобраться во всем, что там происходило. Китаем я «заболел» уже в солидном возрасте, когда мне выпало несколько лет жить и трудиться в Москве. Первой меня ввела в курс тех дел З. С. Дубасова, о которой уже упоминал. Она была китаеведом и хорошо знала маму по работе в Пекине.

Зоя Сергеевна познакомила меня с товарищами, которые находились в Китае вместе с моими родителями. Примечательно, что эти встречи происходили у меня во время подготовки ими мемуаров о бескорыстной интернациональной помощи Советского Союза китайскому народу в один из самых бурных этапов его освободительного движения.

Шли годы, в моей библиотеке одна за другой появлялись книги, посвященные китайской революции 1925—1927 годов и участию в ней в качестве военных советников, переводчиков, китаеведов наших советских людей. Да и сам главный военный советник оставил для истории свидетельства о событиях давних лет. Уже вторым изданием вышла в свет работа А. И. Картуновой «Блюхер в Китае. 1924—1927 гг.». В ней собраны материалы и документы, принадлежащие перу отца в бытность его в заграничной миссии.

Меня давно занимал вопрос: при каких обстоятельствах отец перед отъездом в Китай принял псевдоним «Галин»? Ответ на это почерпнул в мемуарных книгах М. И. Казанина «В штабе Блюхера» и К. А. Мерецкова «На службе народу».

При оформлении заграничного паспорта во Владивостоке отца спросили, какую фамилию поставить. Он сказал:

— Пишите Галин. Жена-то ведь Галина.

— А имя и отчество?

— Гм,— чуть помедлил отец, но тут же нашелся: — Дети у меня Зоя и Всеволод... Давайте — Зой Всеволодович.

Раздался дружный хохот. Кто-то заметил:

— Имени-то такого нет — Зой...

— А разве имена — это только те, что в святцах? — парировал отец [1].

Фамилию «Галин» в Китае первое время произносили немного иначе. Корреспонденты французского телеграфного агентства быстро обнаружили, что у Сунь Ятсена основным советником по военным вопросам является некий человек плотного телосложения, с постоянной улыбкой на явно европейском лице. Кто же этот иностранец, дающий весьма квалифицированные рекомендации вождю китайской революции? Распространился слух, что это какой-то отставной французский генерал Гален. Сотрудники генштаба Франции тщетно искали в своем военно-учетном столе личного состава такую фамилию и в ответ на вопросы журналистов только пожимали плечами. Тогда дотошные газетчики приступили к поискам с другого конца и докопались, что мифический француз — это не кто иной, как герой гражданской войны в Советской России, приехавший в Китай по приглашению доктора Сунь Ят-сена из того же лагеря, что и политический советник ЦИК гоминьдана большевик М. М. Бородин, военный атташе А. И. Егоров и военный советник Ивановский (А. С. Бубнов) [2].

Однако сотрудники буржуазных газет, пронюхавшие, кто скрывается под псевдонимом Галин, стали утверждать, что Блюхер — австрийский офицер, попавший в плен к русским в мировую войну, и прямой потомок прусского фельдмаршала Блюхера, разбившего Наполеона при Ватерлоо.

---

[1] См.: Казанин М. И. В штабе Блюхера. М.: Наука, 1966, с. 41—42.

[2] См.: Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968, с. 121.

После этой версии появилась в прессе другая, утверждавшая, что Блюхер вместе с несколькими другими крупными советскими полководцами по окончании военной академии в Москве якобы прошел дополнительный курс в Берлине, в Германской академии генерального штаба [1].

Отец, когда ему переводили эти «сенсационные» сообщения, только смеялся над ними.

М. И. Казанин, на мой взгляд, очень ярко и точно передал в своих воспоминаниях облик отца. Он писал: «С Блюхером мне приходилось встречаться в тот период ежедневно. Первое, что бросалось в глаза при встрече с Блюхером и оставалось навсегда в сознании,— это, я бы сказал, его счастливая внешность и счастливая манера; перед вами стоял и с вами общался красивый, привлекательный, очень простой и в то же время очень сильный и сдержанный человек. Поначалу в нем нельзя было заметить каких-либо специфических черт — рабочего, крестьянина, солдата или военачальника. Запомнился открытый взор серых глаз под темными густыми бровями. Были в нем и крестьянская основательность, и рабочая гордость, и большевистское предвидение, и те черты, что он перенял от лучшей части военной среды, с которой вместе делил и окопную жизнь, и раны, и Георгиевские кресты: мужество, немногословие, быстрота суждения, неограниченное доверие к боевым товарищам, высокое представление о долге, чести, славе. Отсюда же шла его неизменная подтянутость, подчеркнутая корректность и достоинство» [2].

В состав советской военной миссии в Китае, которую осенью 1924 года возглавил В. К. Блюхер, входило несколько десятков советников. Среди них были бывшие офицеры старой русской армии, которые отлично зарекомендовали себя на фронтах гражданской войны как грамотные и преданные делу Советской власти «военспецы». Были и выходцы из рабочей и крестьянской среды, имевшие ясное сознание целей в происходящей классовой борьбе, обладавшие природной смекалкой и сноровкой ко всем видам физического труда. Так возник превосходный и крепкий сплав людей, взаимно обогащавших друг друга традициями, знаниями и жизненным опытом.

---

[1] См.: Казанин М. И. В штабе Блюхера, с. 115.
[2] Казанин М. И. В штабе Блюхера, с. 114.

Наибольшим расположением главного военного советника пользовался Александр Иванович Черепанов. Он прошел фронты первой мировой и гражданской войн, командовал первым сформированным советским полком в сражении под Псковом, день которого — 23 февраля 1918 года — празднуется нами как день рождения и боевого крещения Рабоче-Крестьянской Красной Армии. После гражданской войны А. И. Черепанов окончил Восточный факультет Военной академии РККА и в 1923 году прибыл в Китай с первой группой наших советников. Он принимал участие в создании школы комсостава на острове Вампу, которая сразу же заняла руководящую роль в общественно-политическом и массовом движении в Китае.

В своей работе «Гуандун (очерк военных событий. Декабрь 1924 — июль 1925 г.)» отец отмечал: «Впервые в истории китайской армии в школе было введено политическое воспитание как обязательный предмет преподавания, ставящее себе задачей воспитать в курсантах преданность идее партии, ненависть к врагам — милитаризму и империализму...

Коммунистическая партия уделяет школе должное внимание, бросив в нее значительное количество работников, в руки которых вскоре и перешла вся политическая работа в школе...

Все политические события, происходящие в стране, находили в школе свое отражение. Политическое влияние школы уже к октябрю (1924 г.) выходит за пределы острова и становится крупным фактором во всех политических событиях в Кантоне» [1].

Будучи военным советником при 1-м корпусе, А. И. Черепанов содействовал его успеху в боевых операциях на территории провинции Гуандун и в Северном походе Национально-революционной армии Китая. Нередко ему приходилось работать вдали от остальных членов советской колонии, без переводчика, без возможности перекинуться с кем-либо русским словом. Отец всегда сочувственно относился к работе Александра Ивановича и самым внимательным образом прочитывал все его донесения.

В 1938 году, в разгар борьбы китайского народа с

[1] Цит. по кн.: Картунова А. И. Блюхер в Китае. М.: Наука, 1979, с. 147.

японскими захватчиками, А. И. Черепанов вновь был направлен Советским правительством в Китай в качестве уже главного военного советника его армии.

Генерал-лейтенант А. И. Черепанов, командуя армией на Ленинградском фронте, принимал активное участие в сражениях Великой Отечественной войны. В послевоенные годы он приступил к работе над капитальным трудом «Записки военного советника в Китае», который выдержал два издания. Именно Александр Иванович своим примером побудил многих советских ветеранов — участников национально-освободительной борьбы в Китае — взяться за перо и оживить славные, героические страницы революционного советско-китайского сотрудничества.

Для меня лично книга Александра Ивановича особенно дорога тем, что в ней он поведал много интересного о боевой деятельности отца в тот период его жизни и привел немало ценных суждений главного военного советника по различным вопросам политического положения Китая в 1924—1927 годах.

«Приехав в Гуанчжоу (Кантон.— *В. Б.*),— вспоминает А. И. Черепанов,— Василий Константинович сразу же вызвал всех нас к себе.

К назначенному сроку мы были у него. Через минуту вошел Василий Константинович. Он остановился около дверей, как бы желая рассмотреть нас со стороны. По-солдатски вытянувшись, мы внимательно разглядывали среднего роста, плотного, одетого в серый костюм человека. Меня поразил строгий, словно всевидящий взгляд серых глаз под густыми мохнатыми бровями.

После того как мы представились, В. К. Блюхер поделился с нами наблюдениями, сделанными им за эти дни. Время от времени он задавал нам самые разнообразные вопросы, как бы желая проверить правильность своих выводов. Характер беседы нас слегка удивил: мы не могли понять, почему Блюхер предварительно не выслушал подготовленный нами доклад о школе Вампу. Лишь потом сообразили, что нужные фактические сведения он уже получил в аппарате главного советника в Гуанчжоу.

Позднее мы оценили метод работы Блюхера. Перед тем как принимать решение о той или иной операции, он никогда не выслушивал наших общих соображений. Вместо этого он заранее давал каждому отработать для

него отдельный вопрос. По конкретным вопросам Блюхер обращался к китайским деятелям. Собрав все данные, Блюхер внимательно изучал их, потом принимал решение и объявлял его нам для выполнения.

Вначале мы даже обижались: как это так, главный советник перед принятием решения не выслушивает «старожилов». Но с первых дней Восточного похода мы убедились, что для обид нет оснований. Василий Константинович обладал огромным военным талантом и подлинным даром предвидения.

«Война в целом и каждая операция,— говорил он,— прежде всего математика, расчет». И мы убедились, что рассчитывать все «за» и «против» Блюхер умел мастерски» [1].

В Китае у отца установились самые тесные служебные и дружеские отношения с Алексеем Васильевичем Благодатовым, который также был участником первой мировой и гражданской войн. В 1920 году им довелось вместе держать оборону Каховского плацдарма и штурмовать твердыни Перекопа. После разгрома армий белогвардейцев и интервентов А. В. Благодатов, как и А. И. Черепанов, окончил Военную академию РККА и был способен лучше многих других наших командиров передать китайским революционерам драгоценный боевой опыт Красной Армии, о котором В. И. Ленин говорил на II съезде коммунистических организаций народов Востока: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение» [2].

В Китае Алексей Васильевич работал под псевдонимом «Роллан», во время знаменитого Северного похода он исполнял обязанности начальника штаба южно-китайской группы советских военных советников и был фактически первым заместителем В. К. Блюхера. Великая Отечественная война застала его на посту командира корпуса, затем он являлся заместителем командующего армией, представителем 3-го Украинского фронта при 1-й Болгарской армии, а после взятия в 1945 году столицы Австрии стал советским комендантом Вены.

В 1979 году столичное издательство «Наука» в тре-

---

[1] Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. М.: Наука, 1979, с. 154—155.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 321.

тий раз выпустило в свет книгу генерал-лейтенанта в отставке А. В. Благодатова «Записки о китайской революции 1925—1927 гг.». Автор вспоминает о деятельности советских военных советников в Китае. Отдельную главу Алексей Васильевич посвятил моему отцу. Живые, точные характеристики он дал и таким славным командирам Красной Армии, отправившимся на помощь китайским товарищам, как П. А. Павлов, В. К. Путна, В. М. Примаков, А. Я. Лапин, М. В. Сангурский, и многим другим, крепившим своей самоотверженной работой основы революционного союза и дружеских связей между народами СССР и Китая. У истоков этого союза стоял В. И. Ленин. Его отстаивал китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен.

Хотелось бы также отметить, что среди военных советников, в рядах Национально-революционной армии Китая были не только представители советских народов. Любопытная встреча произошла у отца в 1926 году при приеме группы товарищей, командированных из Москвы для оказания помощи китайской НРА. Старший группы начал было по-деловому докладывать о цели их приезда, но главный военный советник остановил его:

— Не спешите, дорогой товарищ, не спешите. Найдем время и для этого. Сначала расскажите о Москве, о Родине, душа жаждет. Рассказывайте, да поподробнее.

Отец мог без устали слушать каждого вновь прибывшего из Советского Союза человека, живо интересуясь всем тем, что произошло на Родине после его отъезда в Китай. Так было и в тот раз. Только узнав от товарищей все московские новости, он подробно ознакомил их с военно-политическим положением в Гуандуне и во всех остальных провинциях Китая, охарактеризовал видных китайских генералов и руководящих деятелей гоминьдана, а также сообщил о тех приемах и средствах, с помощью которых агентура империалистов саботирует дело революции.

При расставании отец испытующе посмотрел на старшего группы:

— Простите за любопытство, но вы не русский, не правда ли? Вас выдает произношение...

— Совершенно верно, Василий Константинович,— услышал в ответ.— Я — болгарин.

— О, болгарский коммунист! — воскликнул отец, обнимая за плечи нового друга.— Знаю о вашем народе,

знаю и о вашей партии. Лично знаком с Василем Коларовым...

При таких обстоятельствах состоялось знакомство отца с Иваном Цоловичем Винаровым — профессиональным болгарским революционером, с юношеских лет посвятившим себя служению делу пролетарского интернационализма. После Китая они неоднократно встречались в Советском Союзе. И. Ц. Винаров в 1929 году приезжал со специальным заданием в Особую дальневосточную армию, командование которой тогда принял отец, и по его представлению был награжден орденом Красного Знамени.

Впоследствии Иван Цолович стал генералом болгарской Народной армии.

В 1971 году военное издательство Министерства обороны СССР выпустило в переводе с болгарского книгу воспоминаний Ивана Винарова «Бойцы тихого фронта», в которой он рассказывает о встречах с В. К. Блюхером в Китае и в ОКДВА.

Издал свои «Китайские дневники 1925—1926 гг.» и давно знакомый мне генерал-лейтенант в отставке Николай Иванович Кончиц, бывший военным советником при командире 6-го корпуса и осуществивший во время Северного похода блестящую операцию по разгрому милитаристских сил под Наньчаном.

Опираясь на такие авторитетные источники, а также на материалы и документы, к написанию и составлению которых имел прямое отношение сам «генерал Галин», и поведу дальнейший рассказ о пребывании отца с ответственнейшей миссией в Китае.

Первым главным военным советником при Кантонском революционном правительстве Сунь Ят-сена был Павел Андреевич Павлов, награжденный за боевые отличия в гражданской войне двумя орденами Красного Знамени, Золотой Бухарской звездой и серебряной шашкой. Талант военачальника и воинская храбрость сочетались в нем с широкой образованностью и культурой. П. А. Павлов владел пятью иностранными языками, но в Китае пробыл совсем немного. 18 июля 1924 года во время одной из поездок к линии фронта он погиб в результате несчастного случая. Сунь Ят-сен по этому поводу телеграфировал Совету Народных Комиссаров СССР: «Глу-

боко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу. Этот храбрый, благородный сын нашей соседки Республики недаром отдал свою жизнь, он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем, усиливая еще больше решение гоминьдана достичь победоносного конца в борьбе за национальное самоопределение»[1].

Вместо П. А. Павлова Советское правительство командировало в Гуанчжоу (Кантон) В. К. Блюхера.

Первая встреча между отцом и доктором Сунь Ятсеном состоялась в начале ноября 1924 года на борту советского военного корабля «Воровский», бросившего якорь недалеко от Кантона. Вождь китайской революции произвел на нового главного военного советника сильное впечатление огромной энергией, которую излучало все его существо, но которая — это чувствовалось — была на исходе.

В конце беседы Сунь Ят-сен, крепко пожимая руку, сказал:

— Останьтесь у нас и помогите нашему делу своим опытом. Я верю в Советскую Россию, верю и лично вам![2]

Затем состоялось знакомство с китайскими генералами. На приемах им бросалась в глаза одна интересная черта: главный военный советник умел внимательно выслушивать своих собеседников и вызывать их на откровенность. Это давало ему возможность при составлении планов учитывать пожелания и интересы исполнителей, что было очень важно в тех условиях. Генерал Галин обычно носил китайскую военную форму без знаков различия, высокие сапоги. Речь его текла неторопливо и уверенно. Что же касается наших советников, то он требовал от них, чтобы они добивались от подопечных генералов быстрого, четкого и инициативного выполнения приказов главкома и оказывали им конкретную помощь[3].

Товарищи видели, как в больших и малых делах раскрывался полководческий талант главного военного советника. С его уверенной логикой военачальника не могли не соглашаться даже правые элементы в гоминь-

---

[1] Цит. по кн.: Картунова А. И. Блюхер в Китае, с. 33.

[2] См.: Винаров И. Ц. Бойцы тихого фронта, с. 161—162.

[3] См.: Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925—1927 гг. М.: Наука, 1979, с. 202.

дане и эгоистически настроенные генералы «союзных» армий. Он любил выражать свою оценку обстановки в схемах. Под натиском трезвого расчета колеблющимся приходилось отступать и соглашаться с его доводами.

И все же возникло одно обстоятельство, сразу же создавшее большие трудности в работе главного военного советника.

Сунь Ят-сен и его ближайшие сподвижники придавали важное значение идее похода против северных милитаристов. В. К. Блюхер опасался, что Сунь Ят-сен снова потребует немедленного осуществления Северного похода. В этом случае ему предстояло решительно возражать против плана Сунь Ят-сена [1].

Понимая, что Северный поход начать невозможно, пока не будет достигнуто необходимое единство в рядах Национально-революционной армии, В. К. Блюхер в приложении к докладу о военно-политической обстановке отмечал:

«Опыт показывает, что она (Северная экспедиция.— *В. Б.*) будет успешной лишь при условии вполне закрепленного за собой тыла (Гуандун) и благоприятной для нее обстановки в соседних провинциях. Ни одного из этих условий сейчас нет, поэтому вопрос о Северной экспедиции должен быть снят до тех пор, пока не будет разрешен вопрос о полном закреплении за гоминьданом Гуандуна и ликвидации Чэнь Цзюн-мина. Кроме того, для этого нет и сил... Вот почему необходимо заставить д-ра (Сунь Ят-сена.— *В. Б.*) от нее отказаться, если бы он к ней захотел вернуться вновь, и убедить его почаще напоминать Кантону о необходимости перехода в наступление на Шаньтоу. Эту задачу я ставлю основной в своей работе здесь и буду настаивать на необходимости перехода в наступление обязательно и не позднее второй половины января» [2].

Вопрос о Восточном фронте Блюхер неизменно включал в повестку дня заседаний Военного совета. И в беседах с советскими товарищами он говорил:

— Удастся ли столкнуть этот вопрос с мертвой точки? Это будет больше всего зависеть от энергии Ляо Чжункая (верного соратника Сунь Ят-сена.— *В. Б.*) в его поисках средств, которых сейчас в Гуанчжоу нет. Но я

---

[1] См.: Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 173.

[2] Цит. по кн.: Картунова А. И. Блюхер в Китае, с. 125.

надеюсь на его энергию, надеюсь на коммунистических деятелей Китая, с помощью которых нам удастся склонить руководителей гоминьдана начать Восточный поход. Тем более что я докладывал доктору Сунь Ят-сену предварительные соображения по плану похода, и они были одобрены. Только после успеха Восточного похода возможен Северный поход[1].

После полуторамесячного воздействия главного военного советника на гуанчжоуский генералитет ему удалось привить последнему мысль о необходимости безотлагательного перехода в наступление против генерала Чэнь Цзюн-мина. К концу января было принято решение о наступлении.

Наступление началось 1 февраля 1925 года и ровно через месяц чрезвычайный посол СССР в Китае Л. М. Карахан сообщил в Москву: «Части, руководимые нашими инструкторами, и в особенности школа Вампу и гоминьдановская дивизия, шли впереди всех и в самых трудных местах наносили удар противнику. На имя гоминьдановского ЦИК получаются телеграммы, где все кантонские генералы выражают свое восхищение нашим комсоставом и в особенности тов. Блюхером... Наши товарищи обыкновенно идут впереди всех, и тов. Блюхер, против китайского обыкновения, по которому генералу полагается сидеть, по крайней мере, за сто верст от военных действий, сам присутствует постоянно на фронте. В один из критических моментов он даже взялся командовать бронепоездом. Это очень сильно поднимает настроение у китайцев»[2].

В результате двух Восточных походов части Национально-революционной армии к концу 1925 года очистили всю территорию провинции Гуандун от вражеских войск. Эти победы имели огромное значение для повышения авторитета гоминьдана.

«Военные неудачи д-ра Суня в прошлом многих в Китае принудили смотреть на гоминьдан как на группу людей, неспособных и не имеющих реальной силы для влияния на общественный ход событий в Китае. Эта

---

[1] См.: Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 174.

[2] Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 429.

точка зрения была не только у противников гоминьдана, но и сочувствующих ему,— констатировал главный военный советник и приходил далее к такому заключению: — Победа над Чэнь Цзюн-мином и разгром могущественной в Гуандуне военной группировки показали жизнеспособность партии и стоящую за ее спиной силу реальную. Это несомненно вызовет у противников более серьезную подготовку сил для борьбы с нею, но одновременно увеличит авторитет партии в сочувствующих ей классах и слоях населения и приведет к численному росту партии, что увеличит ее влияние на общий ход национально-революционного движения в стране» [1].

С каждой новой боевой операцией крепла мощь Национально-революционной армии. Наглядным примером тому стал штурм крепости Вэйчжоу, захват которой послужил переломным моментом в ходе второго Восточного похода НРА.

Взять крепость было очень трудно. Она была окружена высокой и широкой каменной стеной, с трех сторон омывалась водой. Подойти к Вэйчжоу с суши можно было только с юга. Крепость считалась неприступной: за много столетий 37 раз пытались взять ее и все напрасно. Годами выдерживала она осаду. А вот перед бурным натиском молодой революционной армии крепость впервые не устояла. Наступательный порыв был настолько высок, что ни водные преграды, ни высокие стены не смогли сдержать героев.

13 октября части 1-й дивизии Вампу бросились на штурм. Артиллерия, руководимая советником Гилевым, засыпала крепость снарядами. Мощными ударами ей удалось к концу дня разрушить Северные ворота, но противник выставил против ворот два станковых пулемета и преградил путь. Непосредственно у крепостных ворот было обнаружено еще одно препятствие в виде забитых в землю заостренных бамбуковых колышков и гвоздей, покрытых ядом. Но и это не смогло остановить штурм. На следующий день он возобновился с новой силой. Под вечер 4-й полк, сбив пулеметы, ворвался через Северные ворота в крепость. Вскоре она полностью сдалась. Национально-революционная армия двинулась вперед.

---

[1] Цит. по кн.: Картунова А. И. Блюхер в Китае, с. 38.

В документах того времени главный военный советник В. К. Блюхер давал высокую оценку боевым качествам бойцов НРА: «Несмотря на неразвитость, безграмотность большинства солдат, они быстро усваивают требуемое от них. Солдат быстро постигает премудрость владения современным оружием. Необычайно терпелив ко всякого рода лишениям похода... Смело и бесстрашно идет в бой. Когда снаряд и пуля перелетают через голову, он проявляет замечательное спокойствие. В обороне он спокоен, в атаке храбр. С поля боя уходит лишь тогда, когда показывает пример офицер. Именно офицерам главным образом обязана китайская армия той плохой репутацией, которая за ней установилась» [1].

Характерен и такой отзыв отца: «Солдаты, младшие офицеры и некоторые военкомы отличаются не только теми качествами, которых недоставало у старших начальников, но и своей редкой доблестью, имея противника не менее пяти человек на одного... 1-й полк, лишь слегка, поверхностно тронутый политработой, показал, что стремящийся к своему национальному освобождению китайский народ в непродолжительном времени выдвинет на свою защиту такую армию, перед которой иронические реплики смолкнут и заменятся восхищением у друзей китайского народа» [2].

В конце лета 1925 года отец серьезно заболел. «К большому сожалению,— сообщал Наркоминделу СССР Л. М. Карахан,— Галину приходится уезжать из Кантона, ибо он совершенно разболелся и его дальнейшее пребывание там абсолютно невозможно. Упускать его из Китая было бы очень жаль, ибо он соединяет в себе, как никто из других работников, качества военного и политика. Он очень хорошо приспособился и ориентируется в китайской обстановке, у него поразительное чутье, которое в самые трудные минуты давало возможность ему нащупать правильное решение» [3].

Во второй половине сентября, находясь уже на севере Китая, в Калгане, отец вслед за очерком военных событий «Гуандун» пишет директивную статью «Перспективы дальнейшей работы на юге, или Большой план

---

[1] Цит. по кн.: Картунова А. И. Блюхер в Китае, с. 45.
[2] Картунова А. И. Блюхер в Китае, с. 45.
[3] Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 429.

военной работы гоминьдана на 1926 г.», в которой приходит к выводу: «Поскольку сейчас политическое и военное положение гоминьдана в Гуандуне не вызывает опасения и поскольку вопрос о ликвидации Дэн Бэньина, или Юго-западного фронта, и уничтожение остатков (войск) Чэнь Цзюн-мина, или Восточного фронта, особых трудностей не представляет... постольку теперь своевременно поставить вопрос о расширении сферы влияния гоминьдана к северу и выходе его на политическую арену в Средний Китай... Теперь не только возможно, но и необходимо в интересах национально-революционного движения возродить идею Северной экспедиции и вооруженного выхода на Янцзыцзян... Эта Северная экспедиция может быть осуществлена в начале второй половины 1926 г.» [1]

К этому времени главный военный советник постарался вернуться в Китай после длительного лечения в СССР. В проекте плана Северного похода, разработанном в его отсутствие, предусматривалось одновременное наступление против двух основных группировок неприятельских войск. Блюхер с этим не согласился, доказывал необходимость разгрома основных противников поодиночке.

«С первых же дней после приезда и все последующее время,— писал он в докладе от 5 июля 1926 года,— я ставил задачей изменить этот план и ограничить операцию пределами провинции Хунань. После многих совещаний мне удалось 23 июня добиться у них (китайских генералов.— *В. Б.*) согласия на изменение плана и отказа от немедленного движения в Цзянси».

Надо пояснить, что серьезнейшая схватка за рациональный план операций, которую пришлось выдержать отцу, отнюдь не была случайной. Он руководствовался задачей скорейшего торжества революционных вооруженных сил, а верхушка китайского командования исходила из узкоэгоистических интересов.

Новый план похода был составлен по настоянию главного советского военного советника, который доложил его на заседании Военного совета 23 июня. Целью военных действий было объявлено взятие Ухани, «гнезда приспешника империализма» У Пэйфу. В дальнейшем

---

[1] Картунова А. И. Блюхер в Китае, с. 199—200.

предусматривалось соединиться с народными армиями[1].

Выполнив эту задачу, войска НРА перебрасывались на восток для разгрома другого милитариста — Сунь Чуань-фана и освобождения Цзянси и ряда других провинций. Затем армия переходила в наступление на север, имея целью разгромить остальных милитаристов и освободить Пекин. Этот план сочетал в себе военное искусство с весьма трезвым учетом политических моментов.

«Северный поход был начат НРА в исключительно трудных условиях: стояла жестокая жара, свирепствовала холера. К этому присоединилось невероятное бездорожье — узкие тропы, бегущие среди рисовых, залитых водой полей...

12 июля 1926 года Л. М. Карахан сообщил в Москву: «Если действительно в течение ближайшей недели Чанша и вся провинция к северу от Чанша будет занята кантонскими войсками... то это даст чрезвычайно большие результаты и здесь, на севере, это будет новым тяжелым ударом по У Пэйфу, который может свести его совершенно на нет»[2].

Первым крупным успехом НРА стала победа в боях под городом Лилином. Затем была занята Чанша. Освободив провинцию Хунань, войска НРА стремительно двинулись к одному из крупнейших центров Китая — Ухани.

Части НРА несколько раз бросались в штыки и штыками же отбивались. Утром 27 августа они собрали все свои резервы и вновь атаковали, чем и сломили противника, который начал быстро отступать. Когда узнали, с кем сражались, то даже страшно стало. Оказалось, что против 6 полков НРА дрались 12 полков врага. Зато результат оказался внушительный — половина сил врага была уничтожена.

После освобождения Ухани задача Национально-революционной армии состояла в том, чтобы успешно провести операцию против войск Сунь Чуань-фана — правителя провинции Цзянси.

План Цзянсийской операции, прекрасно разработанной Галиным, полностью приняли. Приказ о наступлении, составленный им с подробными указаниями задач

---

[1] См.: Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 433—434.

[2] Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 456—457.

каждому корпусу, предусматривавший даже возможные варианты действий противника, был переведен на китайский язык. Главный военный советник предлагал избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций, а искать решения в обходе их и фланговых ударах.

В конце октября начался второй этап Северного похода. «Войска Сунь Чуань-фана дерутся отлично,— писал в те дни Блюхер.— Они отличаются от нас внешним видом, рослостью, хорошо снабжены, имеют много пулеметов и орудий. Несмотря на огромное техническое и численное превосходство, наша южная мелкота ведет себя в бою выше всяких похвал... Победу покупаем исключительно упорством, штыком и ночными атаками...

Армиям Сунь Чуань-фана и собственно цзянсийским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября. Окруженные с юга и севера остатки войск разоружены 9-го. Взято около 40 000 винтовок, несколько десятков орудий и много пулеметов... Район Цзюцзяна и Наньчана запружен пленными, число их превышает 40 тысяч» [1].

Вскоре войска НРА вступили в провинцию Аньхуэй и к концу ноября 1926 года овладели ее столицей. Противник, не выдерживая мощных ударов революционной армии, начал отступать к Шанхаю и Нанкину.

Во время Шанхайской операции поступили вести о том, что пролетариат Шанхая поднял восстание. Войска Сунь Чуан-фана грозили жестокой расправой. Блюхер срочной шифровкой потребовал от В. Н. Панюкова — советника при командующем войсками Бай Чунси, действовавшими на Шанхайском направлении, скорейшего наступления для выручки шанхайских рабочих. Прекрасно зная реакционные убеждения генерала Бай Чунси, он предложил завуалировать наступление оперативными соображениями [2].

Однако этот план полностью осуществить не удалось. Группа Бая Чунси, которой отводилась решающая роль, остановилась на незначительном расстоянии от Шанхая, ожидая, по-видимому, когда шанхайская реакция рас-

---

[1] Цит. по кн.: Душенькин В. В. Пролетарский маршал. М., 1974, с. 95—96.

[2] См.: Благодатов А. В. Заметки о китайской революции 1925—1927 гг., с. 203.

правится с восставшими рабочими. Но рабочие оказались сильнее, и город перешел в их руки [1].

Вслед за Шанхаем наступавшие освободили Нанкин. Это была огромная победа революционных сил Китая.

Большой любовью отвечали простые труженики Китая на бескорыстную братскую помощь советских людей в их борьбе.

«Наиболее популярен,— писал советник А. Хмелев,— в занятых провинциях, в особенности в тех местах, где были боевые действия, Галин. Галину буквально нельзя выйти на улицу без того, чтобы его движение по улице не сопровождалось бурно выраженными овациями населения... Для китайского населения имя Галина стало нарицательным. Теперь уже всех русских советников зовут Галиными» [2].

Наши советники всегда утверждали, что решающую роль в моральном духе войска играет идея борьбы за справедливость. Они зародили и развили эту идею в умах передовых китайцев, что хорошо понимали и враги китайской революции.

Действительно, политическая пропаганда была главным оружием китайской Национально-революционной армии, солдаты которой впервые знали, что они борются за землю, за работу, за свободу от всякой эксплуатации. В результате Великого Северного похода были разгромлены милитаристы, хозяйничавшие в Центральном и Южном Китае. В пять раз стала больше территория национального правительства, а население освобожденных районов увеличилось до 150 миллионов. Выросла и закалилась Коммунистическая партия Китая, значительно расширилась социальная база китайской революции.

Немалый вклад в эту победу внесли представители Страны Советов, работавшие военными советниками в рядах НРА. «Мы, советские люди,— говорил от их имени В. К. Блюхер,— горды тем, что на нашу долю выпала честь передать свой революционный опыт, приложить силы и знания для выполнения нашего интернационального долга — помочь великому китайскому народу осво-

---

[1] См.: Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае, с. 537.

[2] Цит. по кн.: Душенькин В. В. Пролетарский маршал, с. 97.

бодиться от власти милитаристов и империалистического ига» [1].

Вскоре после провозглашения Китайской Народной Республики газета «Цзефанжибао», говоря о поддержке, оказанной Советским Союзом Китаю в годы первой революционной гражданской войны, в номере за 17 октября 1949 года сообщала: «Нужно помнить, что в то время революционный Китай был блокирован и окружен империалистами... Только наш великий союзник — Советский Союз оказывал помощь китайской революции. Благодаря прямой помощи СССР быстро была заложена основа победы китайской революции» [1].

12 марта 1925 года в Пекине умер великий китайский революционер доктор Сунь Ят-сен. После его смерти обострилась обстановка внутри гоминьдана. Реакционные деятели партии опасались, что рабочее и крестьянское движение выйдет из-под контроля и вступит с ними в борьбу. Выразителем подобного рода настроений стал Чан Кай-ши, который тогда же резко активизировал свою борьбу за захват власти в руководящих органах гоминьдана и верховном командовании армии.

Победы Национально-революционной армии Китая и размах освободительного движения в стране вызвали переполох в лагере империалистов, и они развязали открытую войну против китайского народа. Одновременно империалисты задались целью взорвать общий революционный фронт изнутри. Нажим международной реакции, не гнушавшейся подкупами, а главное — боязнь дальнейшего роста революции привели к тому, что Чан Кай-ши, окончательно сорвав с себя маску былого «левого» гоминьдановца, 12 апреля 1927 года произвел контрреволюционный переворот и прекратил всякое сотрудничество с компартией.

В стране начались массовые аресты и казни революционных рабочих и коммунистов. Китайская революция потерпела временное поражение. В этих условиях работа советских военных советников стала бесперспективной, и ее пришлось свертывать.

---

[1] Цит. по кн.: Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925—1927 гг., с. 203.

[2] Цит. по кн.: Душенькин В. В. Пролетарский маршал, с. 97—98.

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ

В Хабаровске особо дорог мне внешне малоприметный среди нынешних крупномасштабных зданий двухэтажный дом старинной кирпичной кладки. В канун 78-й годовщины со дня рождения отца здесь, на улице Истомина у дома № 53, как сообщала газета «Тихоокеанская звезда» в номере от 21 ноября 1968 года, состоялся многолюдный митинг.

Секретарь городского комитета партии А. А. Волошин, председатель Хабаровского горисполкома Ю. В. Домнин и начальник политического отдела штаба Краснознаменного Дальневосточного военного округа генерал-майор И. И. Щербина бережно сняли со стены драпировку, и взорам хабаровчан открылась мемориальная доска с надписью:

В ЭТОМ ДОМЕ ДО 1938 г.
ЖИЛ ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГЕРОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В. К. БЛЮХЕР.

Первый визит мой в послевоенный Хабаровск состоялся за год до этого памятного события. Минуло без малого пятнадцать лет, и я вновь у близкого с детства дома. Прочел горящие золотом слова на мемориальной доске, и почудилось, что сейчас на улицу выйдет отец...

Он свежевыбрит. На алых петлицах тщательно отутюженной гимнастерки — маршальские звезды, на груди — сияние орденов. Привычными движениями отец проверяет, ладно ли надета фуражка, нет ли складок над словно влитым ремнем. Поздоровавшись за руку с шофером, коротко говорит ему:

— Время есть. Сперва на стройку...

Не доезжая улицы Серышева, машина останавливалась. Здесь находился строительный объект, скорейшего ввода которого в то время так ждали юные хабаровчане и за ходом дел на котором каждодневно пристально следил командарм Особой. Бойцы-дальневосточники строили на улице Комсомольской новую четырехэтажную школу. Трудились по-ударному и с заданием справились за 2,5 месяца, а точнее — ровно за 72 дня.

— Не об одной только этой школе заботился маршал,— вспоминают старожилы края.— До всего ему было дело. Руководил изысканиями на трассе нынешнего БАМа, снабжал Сучан крепежным лесом, Комсомольск-на-Амуре — цементом...

Я был в городе юности в год, когда он отмечал уже свое тридцатипятилетие, и у памятника первостроителям секретарь горкома партии сказал:

— Знаете, а в их списке по праву значится и ваш отец. В мае тридцать второго он высадился с первой партией строителей. Тут вот, на диком и безлюдном берегу Амура, двенадцатого июня тридцать третьего комсомол доверил ему заложить первый кирпич в фундамент первого корпусного цеха нашего завода...

...1929 год. Империалистические державы Востока и Запада не могли спокойно наблюдать за ростом мощи Советского Союза, успешно выполняющего план первой пятилетки. Они искали пути развязывания военных авантюр. Удобным орудием для этих целей служил реакционный чанкайшистский режим в Китае. Воспользовавшись ненавистью Чан Кай-ши к Советскому Союзу, империалисты Востока и Запада попытались силами китайских войск прощупать мощь Советского Союза в приграничных с Китаем районах. Началом послужили бандитские налеты на посольство СССР в Пекине и советское консульство в Харбине. Затем китайские милитаристы захватили Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), обстреливали приграничные населенные пункты, препятствовали судоходству на Амуре. Отвергая инициативы нашего правительства разрешить конфликт мирным путем, они активизировали свои провокации, привлекая к налетам на советскую территорию оставшихся в Маньчжурии белогвардейцев.

«Нужно было,— говорилось в газете «Правда» 30 ноября 1980 г.,— угомонить распоясавшихся китайских милитаристов, пресечь их провокационные действия, попытки развязать войну на Дальнем Востоке. Столь сложные задачи мог выполнить такой зрелый политик, дипломат и военный деятель, как В. К. Блюхер[1]. В августе 1929 года было принято решение объединить все

---

[1] После возвращения из Китая отец с мая 1928 г. занимал должность помощника командующего войсками Украинского военного округа.

войска, расположенные на Дальнем Востоке, в Особую дальневосточную армию под его командованием».

Конфликт на КВЖД был не только и даже не столько конфликтом между Советским Союзом и китайскими милитаристами, сколько одним из крупных моментов борьбы империалистических держав против СССР. И не случайно английский журнал «Китайское обозрение» сразу же откликнулся на новое решение Советского правительства не кратким сообщением и даже не заметкой, а передовой статьей под заглавием «Галин возвращается на Дальний Восток». Только что организованная в ОДВА ежедневная красноармейская газета «Тревога» оперативно познакомила своих первых читателей с переводом этой статьи: «Одним из наиболее резких контрастов в настоящем китайско-русском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галина.

Прибытие Галина создает положение, которое может быть небывалым (единственным) в истории. В случае войны Россия будет иметь командующим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящей фигурой (лицом) в армии оппозиционного государства и с более безукоризненным, из первоисточников, знанием о силах противника... Галин хорошо знает Дальний Восток и Китай. Без сомнения, принятие командования вооруженными силами России на Дальнем Востоке Блюхером создает новую обстановку в русско-китайском конфликте» [1].

В Хабаровской краевой научной библиотеке мне предоставилась возможность получить подшивку с первыми номерами «Тревоги» — органа политуправления Особой дальневосточной армии. Читая летопись более чем полувековой давности, невольно вспомнил один из приказов, отданных отцом еще в канун волочаевских боев. В нем он писал, что наша народная по происхождению и по духу армия сильна той народной братской поддержкой, которую оказывает ей в ее борьбе создавший и пославший ее в бой трудовой народ.

Так было на исходе войны гражданской, так стало и в дни, когда на страну надвинулись тучи новой военной опасности. Но теперь с бойцами-дальневосточниками была уже вся Страна Советов.

---

[1] Тревога, 1929, 15 сент.

«Восхищены блестящими боевыми подвигами Особой,— приветствовали московские текстильщики,— заставившими китайские части и белые банды обратиться в позорное бегство».

«Последний блестящий удар ОДВА,— писали рабочие-ударники Казани,— по войскам китайских генералов показал всему миру, что Красная Армия умеет защищать социалистическое Отечество».

Боевые соратники отца, дравшиеся под его командованием на Урале, слали письма с просьбой принять их в ряды Особой: «Уважаемый нами, старыми партизанами села Красный Зилим, товарищ Блюхер! Просто, помужицки решили тебе написать. Узнав, что китайские налеты продолжаются и ты там стоишь на рубеже, мы не можем сидеть безучастно дома» [1].

В начале ноября к отцу прибыла делегация от владивостокских рабочих, бывших красных партизан. Требуя вооружиться, они в своей резолюции заявляли: «Даешь партизанские полки и испытанных в боях партизанских командиров для последнего расчета с белобандитами!» Командарм ответил так: «Передайте рабочим Владивостока, что Особая армия выполняет свои задачи по охране границ очень неплохо. На бесчисленные налеты отвечает крепким и сокрушительным ударом. Рабочий класс может не беспокоиться. Винтовка находится в верных руках. Особая не подведет» [2].

И Особая не подвела! Исчерпав все мирные возможности, Советское правительство было вынуждено военными средствами оградить суверенитет Родины. В первую очередь части Особой дальневосточной армии и Амурской военной флотилии нанесли удары по укреплениям Лахасусу и белокитайским боевым кораблям, которые из устья Сунгари часто прерывали мирное судоходство по Амуру.

Однако милитаристы не отрезвели. В середине ноября они выставили против советских войск две армейские группы: одну в районе городов Чжалайнор и Маньчжурия, нацеленную на Советское Забайкалье, и вторую у города Мишаньфу — в направлении на Приморье, Владивосток.

Командующий Особой принял решение стремитель-

---

[1] Тревога, 1929, 13 окт.
[2] Тревога, 1929, 5 нояб.

ным наступлением разгромить эти группировки противника на его территории и тем самым упредить удары врага. 17 ноября в течение одного дня была успешно завершена Мишаньфуская операция. Теперь очередь за Чжалайнором и Маньчжурией.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в статье «Герои живут в веках» вспоминает: «Мне довелось быть свидетелем того, как внимательно и глубоко В. К. Блюхер анализировал боевую обстановку, как упорно и настойчиво проводил принятые решения в жизнь, а добившись победы, проявлял великодушие к солдатским массам противника. Вот лишь один эпизод.

Утром 18 ноября был осуществлен решительный штурм города Чжалайнор. Тысячными толпами бежали отступавшие китайцы на восток, к Хайлару, по льду реки Аргунь. Каждый снаряд, выпущенный из орудия, косил как траву эти толпы. Василий Константинович приказал артиллеристам огонь прекратить, говоря: «Пусть передадут всем недругам, что нападать на советскую территорию никому не позволено». А через два дня он примерно так же поступил с гарнизоном Маньчжурии, почти без кровопролития заняв город» [1].

В честь победы Особой дальневосточной над белокитайцами Демьян Бедный сложил знаменитую песню, которую в тридцатые годы распевали так же удало и часто, как и его же «Проводы»:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пыталися,
Но мы тоже не сидели,
Того дожидалися!..

Люди старшего поколения помнят, что кроме этого трижды повторявшегося четверостишия были в той песне и другие хлесткие и меткие куплеты:

Так махнули,
Так тряхнули,
Крепко так ответили,
Что все Чжаны
Сю-эляны [2]
Живо дело сметили,
Застрочили быстро ноты,
Мирные и точные.
Мастера своей работы
Мы, дальневосточные!

---

[1] Правда, 1980, 30 нояб.

[2] Чжан Сю-элян — главнокомандующий белокитайскими войсками и правитель провинций Китая, граничивших с СССР.

Наш ответ Чжан Сю-элянам —
Схватка молодецкая,
А рабочим и крестьянам —
Дружба всесоветская!

Советское правительство высоко оценило доблестные действия Особой по ликвидации конфликта на КВЖД, наградив ее орденом Красного Знамени. Этой награды были удостоены и свыше пятисот бойцов и командиров Дальневосточной армии.

Наши кинематографисты сохранили для истории уникальные кадры, запечатлевшие момент вручения командармом боевых орденов храбрейшим из храбрых. В начале шестидесятых годов они вошли в документальную киноленту «Герои не умирают». Показан в том фильме и траурный митинг на похоронах павших героев, выступления на нем командующего Забайкальской группой войск С. С. Вострецова и командарма Особой.

За искусное руководство войсками и их боевыми действиями командарм Особой был награжден только что учрежденным орденом Красной Звезды за № 1. Вскоре ЦИК СССР принял и постановление о его награждении за многочисленные заслуги перед Родиной, за беззаветную преданность Коммунистической партии и всю героическую деятельность на благо советского народа высшей наградой рабоче-крестьянского государства — орденом Ленина. Обе эти награды были вручены отцу 6 августа 1931 года на торжественном пленуме Хабаровского городского Совета, созванном в честь 2-й годовщины Особой Краснознаменной дальневосточной армии.

А годом ранее командующему ОКДВА была оказана честь от имени военной делегации и РККА приветствовать XVI съезд ВКП(б). В лице передовой когорты коммунистов он приветствовал и всю двухмиллионную армию ленинцев-большевиков Советской страны.

— Товарищи, Красная Армия является составной частью нашего социалистического организма,— заявил командарм 1-го ранга в речи на съезде 26 июня 1930 года.— Та правильная линия, которая непоколебимо, неуклонно, с большевистской настойчивостью проводится нашим Центральным Комитетом, несмотря на все попытки оппортунистов повернуть нас назад, приводит также и к укреплению обороны нашей страны. Огромный рост нашей индустрии, каждый новый трактор, выбрасываемый на поля нашей перестраивающейся на социалисти-

ческих началах деревни, каждый новый автомобиль, который будут выбрасывать наши автомобильные гиганты, каждая новая домна, каждый новый мартен — все это укрепляет обороноспособность страны. Мы обращаемся к съезду от имени бойцов нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии с просьбой, чтобы линия на индустриализацию, линия решительного социалистического переустройства сельского хозяйства не только не ослаблялась, но с еще большей энергией продолжалась[1].

После событий на КВЖД у воинов-дальневосточников родилась песня, которую вскоре запела вся страна:

Дальневосточная —
Опора прочная!
Союз растет,
Растет, непобедим!
Что нашей кровью,
Кровью завоевано,
Мы никогда
Врагу не отдадим!

Пели ее бойцы-пограничники и моряки-тихоокеанцы. Пели строители Уралмаша и Магнитки, Кузнецкого металлургического и Челябинского тракторного заводов:

Идет страна походкою машинной,
Гремят стальные четкие станки,
Но если надо, выставим щетиной
Бывалые, упрямые штыки.

Воины-дальневосточники и их боевой командарм с неослабным вниманием следили за делами на трудовых фронтах первых пятилеток. Это с их легкой руки Уралмашстрой был назван «Перекопом техники». Это РВС их Краснознаменной армии 1 июня 1933 года направил ударникам Челябтракторостроя приветствие с поистине пророческими словами: «ЧТЗ — пущен. В короткий срок выстроен и оборудован по последнему слову техники завод мощных тракторов. Пуск ЧТЗ знаменует дальнейший расцвет СССР — могучей индустриальной державы, не зависимой от капиталистического мира...

В то же время ОКДВА ясно представляет себе, какую громадную силу содержит социалистическая индустрия, в том числе тракторные заводы и особенно ЧТЗ, в деле обороны страны.

---

[1] XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Ч. 1. М., 1930, с. 32—35.

В случае военного нападения извне ЧТЗ превратится в могучую крепость обороны, даст Красной Армии надежную технику для отражения врага».

Первостроители ЧТЗ рассказывали мне, что, когда была зачитана эта телеграмма, над заводской площадью, где проходил митинг, разнеслась все та же «Дальневосточная»:

Стоим на страже
Всегда, всегда,
Но если скажет
Страна труда:
«Винтовку в руки!
В карьер! В упор!»
Товарищ Блюхер,
Даешь отпор!

Слава ОКДВА, давшей сокрушительный отпор новоявленным прислужникам империалистов, перешагнула рубежи Советского государства.

Красная Армия довоенных лет жила и воспитывалась на подвигах доблести и славы Великого Октября и гражданской войны. Но рождались в ней и новые прекрасные традиции. Одной из них стала тесная связь командиров с родными красноармейцев. Наиболее крепка она была в Особой Краснознаменной дальневосточной армии. Ее всячески поддерживал командарм, видя в этом залог нерушимого единения с народом. Он лично переписывался с родителями воинов, приглашал в ОКДВА, а когда те приезжали, встречал их как дорогих гостей.

Уходили в даль лет дни крещения в боях за КВЖД, но служба в Особой дальневосточной по-прежнему требовала высокой бдительности и постоянной боевой готовности. Обстановка на Дальнем Востоке продолжала оставаться крайне тревожной и напряженной. Разведки империалистических стран пустили в ход все средства ведения «тайной войны». На границе почти непрерывно совершались провокации, враги искали лазейки для засылки в Советский Союз шпионов и диверсантов, всячески поддерживали антисоветчиков любых мастей, действовавших «тихой сапой» на территории Дальневосточного края.

Командарм Особой обязан был не только организовывать жесткий отпор явным нарушителям границы, но и изо дня в день проводить энергичную, действенную ра-

боту по выявлению и ликвидации новых и новых шпионских «осиных» гнезд.

Помню, отец, как высокой боевой наградой, гордился врученным ему знаком «Почетный чекист» и вместе с орденами всегда носил и его. Меня давно интересовало: за что конкретно получил он столь редкий знак отличия? Ответ помог найти сын полномочного представителя ОГПУ по Дальневосточному краю Терентия Дмитриевича Дерибаса, о мужестве и кристальной честности которого в тридцатые годы из уст в уста передавались легенды. Несколько лет тому назад Андрей Терентьевич прислал мне журнал с очерком о своем отце. Из него и узнал я историю о том, как чекисты-дальневосточники при активном содействии командующего ОКДВА обвели, как говорится, вокруг пальца самого короля японских разведчиков Доихару Кендзи.

Вот что говорилось об этом в очерке.

«Поступили сведения, что Кендзи вместе с главарем «Русской фашистской партии» Родзаевским готовит тридцать пять отъявленных головорезов для переброски через границу. Дерибас понимал, что опытный японский разведчик не станет заниматься обыкновенной вооруженной провокацией.

В полной секретности в запломбированном товарном вагоне бандитов доставили на конечную железнодорожную станцию, затем на крытых грузовиках привезли на берег Амура, пересадили на канонерскую лодку...

Несмотря на все эти предостережения, на советском берегу бандитов встретили пограничники. Завязался жестокий бой. Многие диверсанты были убиты, часть из них бросилась вплавь через Амур, но несколько человек прорвались на нашу территорию. Чекисты установили за ними наблюдение. Вскоре один из «бандитов» сидел в кабинете Дерибаса. Это был советский разведчик, работавший в белоэмигрантской организации.

— Мы получили задание: внедриться в штаб Блюхера...— докладывал он Дерибасу.

«Так вот для чего была затеяна эта провокация на границе! — подумал Дерибас.— Пожертвовать тремя десятками русских эмигрантов, чтобы один из них «осе́л» в Хабаровске! Узнаю почерк Доихары Кендзи...»

Дождливой осенней ночью Дерибас отправился к Блюхеру. Он сразу же рассказал командующему о сложившейся ситуации:

— Вот в чем дело, Василий Константинович, японцы прислали человека с заданием пробраться в твой штаб. Человек этот наш, и я ему полностью доверяю. Но следует ли нам продолжать это дело? Ведь если дать ему доступ в штаб, то нужно готовить серьезные материалы.

Выслушав Дерибаса, Блюхер немного подумал и затем сказал:

— И все-таки игра стоит свеч. Попробуем внедрить его в штаб...

В течение нескольких лет передавалась дезинформация японскому военному командованию. «Непобедимая» японская разведка была уверена в успехе. В соответствии с этими сведениями планировалась тактика Квантунской армии, менялась дислокация частей. Соответственно перестраивались и позиции Красной Армии, создавались такие ситуации, которые в случае военного конфликта были выгодны нашим войскам.

Вместе с тем чекистам удалось получить важные сведения о намерениях японских империалистов. В ходе этой операции были арестованы десятки японских шпионов и диверсантов...» [1]

В начале января 1934 года XI Дальневосточная краевая партконференция избрала отца делегатом на XVII съезд ВКП(б), на котором ему вновь, как и четыре года назад, было предоставлено право выступить с трибуны высшего форума коммунистов страны. В речи, произнесенной 8 февраля, он говорил: «Товарищи! Дальневосточный край, который я здесь представляю, один из отдаленных районов нашей страны. Он находится на остром участке международных политических событий сегодняшнего дня, непосредственно граничит теперь уже с Японией, лихорадочно готовящейся к войне.

Мы Советского Дальнего Востока не отдадим,— заверил делегат большевиков-дальневосточников партийный съезд, весь трудовой народ страны и подчеркнул: — В этом моя уверенность покоится не только на мощи Красной Армии, не только на ее техническом оснащении, не только на личном составе, преданном делу революции и нашей партии, но и на огромном изменении хозяйственного лица самого края.

---

[1] Пограничник, 1976, № 10, с. 87.

Вся армия поставила перед собой задачу быть всегда готовой, быть начеку» [1].

Ни на шаг не отступила Особая Краснознаменная от этой своей заповеди. Все предвоенные годы ОКДВА была по-настоящему боевым объединением РККА.

В декабре 1937 года отец баллотировался кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В выступлении на предвыборном собрании избирателей в городе Никольск-Уссурийске он сказал: «Моя жизнь — это жизнь рабочих и крестьян Страны Советов. Выдвинутый из рядов народа, я вырос в военного и политического деятеля только потому, что мною руководила и воспитывала меня наша великая Коммунистическая партия.

Я — только малая частица рабочего класса, частица, выделенная из широких масс, которая подчиняется воле рабочих и крестьян. Могу смело сказать, что с 1917 года и по сегодняшний день честно выполнял обязанности перед своим классом.

Заверяю вас, что и впредь, облеченный вашим доверием, я постараюсь с честью его оправдать» [2].

А закончил кандидат в депутаты свою речь такими словами:

«Как и на XVII партсъезде, я скажу вам: если грянут боевые события на Дальнем Востоке, то Особая дальневосточная Красная Армия, от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции, под руководством Центрального Комитета партии ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма» [3].

Еще в конце ноября 1936 года Особая Краснознаменная отбила первое вторжение японо-маньчжурских войск в районе озера Ханко. Новое, более сокрушительное поражение японским провокаторам нанесла ОКДВА, преобразованная уже в Краснознаменный Дальневосточный фронт, в августе 1938 года, во время боев у озера Хасан. И в песне ее появился тогда новый куплет:

У Безымянной сопки нелюдимой
Ползли враги с маньчжурских берегов.
Народ страны, страны непобедимой,
С родной земли прогнал своих врагов.

---

[1] XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 629—631.

[2] Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 176.

[3] Там же, с. 178.

РОДИНА ПОМНИТ

В очерке «Маршал Блюхер», написанном к двадцатилетию РККА, Константин Паустовский приводит и такой интересный факт: «К своим воспоминаниям о Перекопском бое Блюхер взял эпиграф из Багрицкого:

И разогнав густые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы Красные знамена пронесли.

Так встретились полководец и поэт. Эта как будто незначительная черта характеризует все наше время.

Командующий пролетарской армии знает и любит поэзию, она ему сродни» [1].

Свою статью «Победа храбрых» (к пятнадцатилетию разгрома Врангеля), опубликованную в газете «Красная звезда» 14 ноября 1935 года, отец увидел в тот же день, поскольку находился тогда на излечении в подмосковном санатории «Барвиха». А ровно через неделю во всех центральных газетах появилось сообщение о том, что на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года Президиум ЦИК Союза ССР присвоил высшее воинское звание Маршал Советского Союза пятерым наиболее выдающимся полководцам РККА. В их числе этой чести был удостоен и Блюхер Василий Константинович.

На следующий день в «Барвиху» приехала группа писателей, работающих над историей 30-й стрелковой дивизии. Особое их внимание к соединению, которым в пору его зарождения командовал отец, не было случайным: за год до этого 30-й Иркутской Краснознаменной имени ВЦИК дивизии вслед за 25-й Чапаевской сам Всесоюзный староста М. И. Калинин вручил высшую награду Родины — орден Ленина.

Разговоры писателей с одним из первых маршалов страны были долгими, обстоятельными — только одна стенограмма выступления отца вобрала в себя пятьдесят две печатные страницы. А какие люди слушали его: Александр Серафимович, Всеволод Вишневский, Артем Веселый, Зинаида Рихтер, Всеволод Иванов, Лев Никулин!..

---

[1] Новый мир, 1938, № 2, с. 218.

Минуло сорок пять лет, и 14 ноября 1980 года в Москве, в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, вновь собрались поэты и писатели на блюхеровский вечер. Собрались, чтобы отметить 90-летие со дня рождения полководца и послушать рассказы тех, кто ходил вместе с ним в бои-походы за власть Советов, кто встречался с командармом Особой на дорогом его сердцу Дальнем Востоке и кто уже в наши дни посвятил ему свои научные труды и произведения искусства.

Вечер открыл земляк отца, Герой Социалистического Труда поэт Алексей Александрович Сурков.

— В глухой ярославской деревушке Барщинка,— говорил он,— в бедной семье одного из тамошних мужиков родился человек, которого Советская власть поставила в ряды своих великолепных полководцев. Я из того же уезда, из той же волости, горжусь, что учился в той же школе, куда ранее меня лишь две зимы отбегал будущий Маршал Советского Союза. Его яркая жизнь убедительно подтверждает, что революция не скупится на выдвижение талантов из «низов» народа, что наш новый, социалистический строй раскрывает широкие ворота перед простыми людьми и, вооружая революционными идеями ленинизма, выковывает из них подлинных творцов истории.

Профессор, доктор исторических наук Н. Н. Азовцев, служивший в ОКДВА в тревожные тридцатые годы, вел речь о боевой, военно-политической и государственной деятельности первого краснознаменца Республики. Давая оценку итогам гражданской войны, ученый сказал:

— Многонациональная Россия сердцем поняла великую правду Октября. Защищая ее, такие пламенные бойцы, как Василий Иванович Чапаев, молнией врезались в историю и становились легендами. Из гущи народа вышли видные военачальники гражданской войны — Михаил Васильевич Фрунзе, первые Маршалы Советского Союза Василий Константинович Блюхер, Семен Михайлович Буденный, Климент Ефремович Ворошилов, Александр Ильич Егоров, Михаил Николаевич Тухачевский. В огне тех сражений начинали боевой путь еще двадцать активных участников гражданской войны, которые впоследствии также стали Маршалами Советского Союза.

Тепло приняли участники вечера рассказ члена партии с 1917 года, полковника в отставке И. В. Янковского. В 51-й стрелковой дивизии отца Иван Васильевич коман-

довал бронедивизионом, за героизм и мужество, проявленные в боях на Каховском плацдарме и при штурме Перекопа, он был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Один из первых Героев Советского Союза генерал-полковник авиации Г. Ф. Байдуков обратился к событиям лета 1936 года, когда отважный чкаловский экипаж осуществил трансконтинентальный беспосадочный перелет по маршруту Москва — Дальний Восток. Правительством предусматривалось, что конечным пунктом должна стать Камчатка, но В. П. Чкалов с согласия второго пилота Г. Ф. Байдукова и штурмана А. В. Белякова решил лететь дальше, до Хабаровска. Однако над Охотским морем краснозвездный Ант-25 обледенел и совершил в устье Амура вынужденную посадку.

Командующий ОКДВА сразу же принял экстренные меры к эвакуации самолета и экипажа с далекого острова Удд. Направил туда на катерах воинов-строителей, которые в считанные часы уложили дощатую взлетную полосу.

— 2 августа 1936 года мы были уже в Хабаровске,— рассказывал Георгий Филиппович.— На аэродроме сразу попали в объятия маршала Блюхера и на четверо суток стали гостями удивительно радушных хабаровчан. В интервью представителям прессы командарм Особой подчеркнул, что наш перелет имеет исключительное значение для дальневосточников и является новым вкладом в освоение северной, мало исследованной части края... Ну а в Москву мы вернулись в шелковых косоворотках, подаренных Василием Константиновичем, к ним и прикрепили первые высокие правительственные награды...

С большим интересом слушал я и выступление Героя Советского Союза генерала армии А. Л. Гетмана.

— В ДВК, к маршалу Блюхеру,— вспоминал Андрей Лаврентьевич,— я прибыл после окончания академии механизации и моторизации РККА. Прибыл, когда там, в районе озера Хасан, шли бои с японскими захватчиками. Василий Константинович, ставший в те дни командующим Дальневосточным фронтом, несмотря на чрезвычайную занятость, нашел время принять меня.

— Бои на Хасане были недолгими. За ними последовали новые, более напряженные и продолжительные в Монголии, в районе реки Халхин-Гол. А осенью сорок первого прибыл я с ДВК во главе танковой дивизии на

оборону Москвы. Тогда и начались наши высшие военные университеты... Своей неутомимой энергией и самоотверженным трудом,— подчеркнул генерал армии,— Василий Константинович Блюхер внес огромный вклад в строительство наших вооруженных сил в годы довоенных пятилеток, а следовательно, и в победу их в Великой Отечественной войне, в сражениях которой ему участвовать уже не довелось...

Лауреат Ленинской премии писатель Оскар Курганов и поэт-фронтовик Сергей Островой рассказали о давних своих творческих командировках на Дальний Восток, об огромной заинтересованности командующего ОКВДА в том, чтобы весь народ страны знал новое лицо былой окраины, превращенной трудом советских людей из места каторги и несчастий в край большой индустрии, в одну из богатейших и цветущих областей социалистической Отчизны.

Запомнился мне тот вечер в ЦДЛ и встречей с кинорежиссером Борисом Григорьевым и заслуженным артистом Российской Федерации Николаем Губенко. В созданном ими фильме по одноименной книге Юлиана Семенова «Пароль не нужен» был впервые воплощен на художественном киноэкране образ отца в его бытность военным министром и главнокомандующим Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

90-летие со дня рождения Маршала Советского Союза В. К. Блюхера в конце 1980 года широко отмечалось и в других городах страны. Звали меня вновь в Каховку и Красноперекопск, в Челябинск и Верхнеуральск. Пришли приглашения из Кирова, Перми, Читы, Хабаровска и Владивостока... Всюду побывать, конечно, было просто невозможно.

Советский народ помнит своего верного сына и защитника. Уже в наши, восьмидесятые годы одна из новых магистралей Ленинграда названа проспектом маршала Блюхера и украсилась мемориальной доской, посвященной ему. В Хабаровске появилась площадь Блюхера, в Харькове — улица его имени. Такой же чести удостоилась Пермская коннозаводская средняя школа № 9, красные следопыты которой исходили все боевые пути первого краснознаменца Советской страны. У комсомольцев и молодежи Тюмени вошло в традицию отмечать каждую

годовщину освобождения родного города от колчаковцев спортивными эстафетами на приз Маршала Советского Союза В. К. Блюхера...

В столичных и местных издательствах выходят в свет книги, освещающие самые различные стороны жизни и военно-политической деятельности отца.

В Хабаровске к 60-летию полного разгрома белогвардейцев и интервентов в далеком «нашенском» краю выпущено в свет повествование о героических подвигах дальневосточников «Здесь России рубеж». В 1981 году издательство «Наука» опубликовало записки военного советника, Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза В. И. Чуйкова «Миссия в Китае». И в первом томе «Новейшей истории Китая. 1917—1927», подготовленном коллективом научных сотрудников Института Дальнего Востока Академии наук СССР и вышедшем из печати во второй половине 1983 года, многие страницы посвящены В. К. Блюхеру.

А теперь вот и я попытался в силу своих возможностей исполнить сыновний долг. В книге «По военным дорогам отца» я стремился взглянуть на прошлое из нашего времени в надежде, что наша молодежь воспримет это славное прошлое как богатейший источник опыта, как материал для раздумий, для вдохновения в ее славных делах.

Оглавление

Василий Васильевич Блюхер

ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ ОТЦА

Редактор В. Г. Лошак
Художник А. В. Вохмин
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. В. Меньщикова
Корректоры М. А. Казанцева, О. А. Малютин

Фоторепродукции И. Н. Тюфякова

ИБ № 1305

Сдано в набор 16.08.83. Подписано в печать 16.01.84. НС 12011. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,9. Усл. кр.-отт. 11,3. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 50 000. Заказ 507. Цена 50 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

50 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1984

